

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 14.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

І. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Зло, его сущность и происхожденіе (окончаніе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	61—82
Ложные Пророки въ Вѣтхомъ Заветѣ (продолженіе). <i>Свящ. В. Шингарева</i> .	83—101
Св. Левъ Великій, его жизнь и творенія (продолженіе). <i>И. Дроздова</i> .	102—120
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:]	
Безусловная истинность и чистота евангельскаго нравоученія. <i>Священ. Ст. Остроумова</i>	43—57
Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ * * *	58—84
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1896/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.	



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.‡

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бреитано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Юля 1897 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Окончаніе *).

Б. Мнимо-научныя возраженія.

Въ своемъ отрицаніи истинности ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ невѣріе старается найти для себя опору даже и въ результатахъ опытныхъ наукъ: *антропологии, геологии и палеонтологій*. Впрочемъ, при всемъ своемъ усердіи, противники Божественнаго Откровенія могли отыскать въ этихъ наукахъ только два повода для самыхъ ничтожныхъ возраженій. Эти-то два возраженія и подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

1) По мнѣнію нѣкоторыхъ, ученіе Божественнаго Откровенія о происхожденіи и распространеніи зла въ мірѣ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ потому, что нельзя будто-бы допустить, чтобы весь родъ человѣческій произошелъ только отъ одной супружеской четы—Адама и Евы, какъ учитъ Библия. Для подтвержденія этого мнѣнія стараются найти основанія съ одной стороны въ самой Библии, съ другой—въ антропологии.

Увѣряютъ, что рассказъ о сотвореніи мужа и жены, находящійся въ первой главѣ книги Бытія (ст. 26—29), имѣетъ въ виду совершенно иныхъ людей, чѣмъ рассказъ о сотвореніи Адама и Евы, помѣщенный во второй главѣ той же книги (ст. 7—25), и потому предполагаютъ, что были люди еще раньше Адама (преадамиты) или, по крайней мѣрѣ, одновре-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13, за 1897 г.

менно съ Адамомъ (коадамиты). Въ подтвержденіе этого предположенія ссылаются еще: а) на занятіе Каина звѣроловствомъ, и на занятіе Авеля скотоводствомъ, изъ которыхъ первое предполагаетъ орудія, изобрѣтенныя, конечно, людьми жившими раньше Каина, второе—воровъ, отъ которыхъ нужно было оберегать стада; б) на страхъ Каина по убіеніи брата, что *всякій*, встрѣтившій его, убьетъ его; в) на жену Каина и, наконецъ, г) на построеніе Каиномъ цѣлаго города въ землѣ *Нодъ*. Если Авель, говорятъ, былъ убитъ, то Каинъ могъ бы бояться кровавой мести только со стороны одного Адама; но если онъ боится *всякаго*, кто встрѣтится съ нимъ, то, очевидно, сама Библия предполагаетъ, что кромѣ Адама и Каина, тогда было уже много людей. Изъ Библии мы не знаемъ, чтобы у Адама были дочери, и если Каинъ имѣлъ жену, то, очевидно, онъ взялъ ее изъ какого-то племени, происшедшаго не отъ Адама. Наконецъ, рассказъ о построеніи цѣлаго города ясно свидѣтельствуетъ будто бы о томъ, что въ то время уже было много людей; ибо нельзя предполагать, что одинъ Каинъ съ женою могъ построить и населить цѣлый городъ.

Что въ 1 и 2 главахъ книги Бытія содержится рассказъ о сотвореніи одной и той же прародительской четы, только во 2 гл. это сотвореніе излагается съ большими подробностями, это ясно для cadaго, кто съ безпристрастіемъ прочитаетъ эти священныя рассказы; иначе нужно допустить, что Богъ дважды творилъ и міръ, такъ какъ и во 2 гл. рассказъ о сотвореніи Адама поставляется въ непосредственную хронологическую связь съ сотвореніемъ міра. Ничего не говорятъ въ пользу преадамизма и коадамизма также и тѣ различія, на которыя указываетъ въ обоихъ рассказахъ о сотвореніи человѣка, именно,—что, по первому рассказу, Богъ создалъ просто человѣка и при томъ „по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его, мужчину и женщину сотворилъ ихъ“, а по второму—Богъ сотворилъ именно *Адама* изъ праха земного, причемъ не упоминается о томъ, что Богъ сотворилъ Адама и Еву именно по образу Своему. Тотъ же самый Бытописатель, которому принадлежатъ оба эти рассказа, въ 5 гл. своей книги, начиная излагать „родословіе *Адама*“ какъ бы объединяетъ ихъ,

говоря: „Вотъ родословіе Адама: когда Богъ сотворилъ чело-
вѣка, по подобію Божию создалъ его, мужчину и женщину
сотворилъ ихъ, и благословилъ ихъ“ и т. д.

Изъ указанія Библии на то, что Каинъ ловилъ звѣрей, за-
ключать къ существованію преадамитовъ, которые должны были
заниматься изобрѣтеніемъ охотничьихъ орудій и принадлежно-
стей,—не только неосновательно, но просто странно. Чтобы
прійти къ такому заключенію, нужно предполагать, что Каинъ
отправлялся на охоту не иначе, какъ снабженный сложными
охотничьими орудіями и принадлежностями, подобно охотни-
камъ нашего времени. Но о патриархальномъ времени нельзя
ничего подобнаго думать. Для того же, чтобы Каинъ могъ
отправиться на охоту съ какою-либо дубиною или рожномъ,
нѣтъ нужды допускать существованіе преадамитовъ.

То же самое нужно замѣтить и о занятіи Авеля. Абель пасъ
стада. Это значитъ, что онъ перегонялъ ихъ съ одного наст-
бища на другое, водилъ къ водноюю, защищалъ отъ нападенія
хищныхъ звѣрей. Но чтобы онъ оберегалъ свои стада также
и отъ преадамитовъ или коадамитовъ, занимавшихся воров-
ствомъ,—этого изъ Библии вовсе не слѣдуетъ.

Разсказъ о томъ, что, послѣ совершенія братоубійства Каинъ
боялся, что всякій, встрѣтившійся съ нимъ, убьетъ его (Быт.
4, 14), дѣйствительно даетъ основаніе думать, что въ то время
на землѣ было уже много людей. Но что же отсюда слѣдуетъ?
Во всякомъ случаѣ, и здѣсь нѣтъ нужды говорить о преада-
митахъ или коадамитахъ. Адамъ прожилъ 229 лѣтъ (Быт. 5, 3)
до рожденія Сиеа, т. е., до братоубійства, послѣ котораго Ка-
инъ сталъ бояться кровавой мести. По математическому рас-
чету *Бурдаха* ¹⁾, до сихъ норъ никѣмъ не опровергнутому, если
на супружескую чету полагать среднимъ числомъ только по
четыре челоуѣка дѣтей, то отъ Адама и Евы по истеченіи 1000
лѣтъ, при отсутствіи смертности, произошло бы вдвое большее
количество народонаселенія, чѣмъ какое существуетъ теперь
(около 1500 милліоновъ). Отчего же нельзя предполагать, что
и за 229 лѣтъ потомство Адама умножилось настолько, что Каинъ

¹⁾ Anthropologie стр. 186. 755.

боялся кровавой мести за убіеніе родного брата отъ всякаго встрѣтившагося съ нимъ? Опасеніе Каина за свою жизнь, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Н. П. Рождественскій ¹⁾, гораздо больше говорить за то, что въ его время существовало на землѣ только одно семейство—семейство Адама, чѣмъ за то, что въ это время были какіе-нибудь *преадамиты* или *коадамиты*, вообще люди происшедшіе не отъ Адама. Если Каинъ боялся быть признаннымъ внѣ эдемской земли, какъ братоубійца, то это прямо предполагаетъ, что никакого другого семейства, стоящаго внѣ фамиліальной связи съ родомъ Адама, въ то время не было на землѣ. Предполагаемые преадамиты или коадамиты внѣ эдемской земли не могли узнать Каина какъ братоубійцу, потому что его злодѣяніе могло быть имъ неизвѣстно; кромѣ того, какъ люди чуждые всякаго племенного родства съ родомъ Адама, имѣющіе (какъ это предполагается означенными гипотезами) совершенно особенныхъ родоначальниковъ, они не могли имѣть никакихъ родственныхъ побужденій мстить братоубійцѣ убійствомъ за убійство. Ясно, что у Каина не было никакой мысли о ихъ существованіи, когда онъ высказывалъ свое опасеніе“.

Послѣ сказаннаго уже можно объяснить себѣ и то, откуда Каинъ могъ взять себѣ жену.

Правда, съ нѣкоторыми подробностями Библия повѣствуетъ только о трехъ сыновьяхъ Адама: Каинѣ, Авелѣ и Сифѣ; тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчается (Быт. 5, 4. 5) и общее замѣчаніе о томъ, что, проживъ девятьсотъ тридцать лѣтъ, Адамъ „родилъ сыновъ и дочерей“. Ясно, что Каинъ могъ вступить въ бракъ съ одною изъ дѣвицъ, принадлежавшихъ къ потомству его отца или братьевъ.

Построеніе города въ землѣ Ноадъ также ничего не говоритъ въ пользу предположенія о существованіи преадамитовъ или коадамитовъ. Ибо что такое городъ первобытнаго патриархальнаго времени? Не болѣе какъ укрѣпленное землянымъ валомъ или бревнами мѣсто для нѣкоторой безопасности человѣка. А такое укрѣпленіе для себя могъ устроить самъ Каинъ безъ всякихъ помощниковъ....

¹⁾ Христ. Апологетика т. II. Стр. 277.

Гораздо серьезнѣе тѣ возраженія противъ единства человѣческаго рода, которыя высказываются невѣріемъ во имя новѣйшей опытной науки, начиная отъ сравнительной анатоміи и кончая сравнительнымъ языкованіемъ.

Антропологи—полигенисты увѣряютъ, что человѣческій родъ произошелъ не отъ одной супружеской пары (Адама и Евы), а отъ многихъ *видовыхъ* прародителей, признавая однако же одинъ *животный* корень (обезьяновидное существо) для всего человѣчества. По ихъ мнѣнію, между людьми существуютъ такія рѣзкія органическія и психическія различія, которыя не позволяютъ всѣхъ людей подвести подъ одинъ видъ.

Замѣчательно, что это мнѣніе принадлежитъ тѣмъ именно людямъ, которые въ другихъ случаяхъ охотно допускаютъ возможность происхожденія отъ одного общаго родоначальника какъ людей, такъ и обезьянъ, и даже всѣхъ вообще организмовъ, именно отъ одной первоначальной клѣточки, и которые утверждаютъ даже, что „различіе между профессоромъ и носорогомъ“ не столь велико, чтобы нельзя было найти для того и другого общаго предка всѣхъ позвоночныхъ животныхъ ¹⁾.

Видовыми органическими различіями между человѣческими племенами, не допускающими будто бы признанія единства человѣческаго рода, указанные ученые считаютъ: а) устройство черепа (его внѣшній видъ и емкость), б) цвѣтъ волосъ и в) цвѣтъ кожи. Уже по одному этому мы можемъ судить о тенденціозности противниковъ единства человѣческаго рода. Когда рѣчь идетъ о собакахъ, они всѣхъ собакъ относятъ къ одному виду, хотя между мопсомъ и гончею, напр., гораздо болѣе можно указать отличительныхъ признаковъ, чѣмъ между людьми отдѣльныхъ расъ. Мало того, въ лицѣ дарвинистовъ, какъ мы сказали выше, они охотно могутъ допустить, что всѣ люди произошли отъ обезьянъ, хотя обезьяны также имѣютъ черепа весьма различнаго устройства, не мѣшающіе имъ одинаково принадлежать къ одному и тому же типу или виду обезьянъ. Но когда рѣчь заходитъ объ ученіи Божественнаго Откровенія, тогда они находятъ основаніе не довѣрять ему

¹⁾ Эбраръ Апологетика. I. Стр. 266.

потому только, что у однихъ людей—черные волосы, а у другихъ рыжіе. Какъ неосновательно судить о людяхъ по формѣ и емкости черепа, можно видѣть изъ того, что черепъ гениальнѣйшаго композитора (Автона Рубинштейна) обладалъ всѣми характеристическими признаками черепа идіота. Слѣдовательно, какъ легко по черепу смѣшать гениальность съ идіотизмомъ! Еще менѣе существеннымъ признакомъ человѣческаго вида слѣдуетъ считать цвѣтъ волосъ и цвѣтъ кожи. Даже *Дарвинъ* находитъ, что цвѣтъ кожи, считающійся наиболѣе рѣзкимъ отличіемъ человѣческихъ племенъ, не можетъ быть признаваемъ существеннымъ признакомъ вида, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зависитъ отъ вліянія климата, воздуха, воды и пищи. Негритянское дитя при своемъ рожденіи только въ незначительной степени своею красною кожею отличается отъ цвѣта кожи европейцевъ; но около восьми дней спустя послѣ рожденія оно становится уже чернымъ. Ясно, что черный цвѣтъ кожи не столько есть признакъ вида по природѣ, сколько результатъ климатическихъ вліяній. Нельзя не замѣтить, что отъ сѣвера къ югу, отъ холодныхъ странъ къ тропическимъ бѣлый цвѣтъ кожи среди человѣческихъ племенъ постепенно переходитъ въ черный. Это впрочемъ, нужно сказать не только относительно человѣческихъ племенъ, но даже относительно животныхъ и растеній, которыя въ жаркихъ странахъ всегда темнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ. Бѣлаго медвѣдя можно встрѣтить только на крайнемъ сѣверѣ. Извѣстный ученый *Раухъ*, авторъ весьма серьезнаго изслѣдованія о „единствѣ рода человѣческаго“ (1877 г.) такъ объясняетъ черный цвѣтъ кожи у африканскихъ негровъ. По его мнѣнію, въ жаркихъ тропическихъ странахъ воздухъ бѣденъ кислородомъ и поэтому легкія сами по себѣ не могутъ въ надлежащемъ количествѣ выдѣлять углеродъ крови, который, дабы не было нарушено въ организмѣ равновѣсіе долженъ быть удаляемъ уже усиленною дѣятельностію другихъ органовъ. Такимъ образомъ жаркій и вслѣдствіе этого скудный кислородомъ воздухъ производитъ измѣненіе органически-химическихъ процессовъ, перегораніе углерода происходитъ только недостаточно, почему онъ не вполне можетъ быть удаляемъ обыкновеннымъ способомъ. Уменьшенная дѣятельность легкихъ имѣетъ

своимъ слѣдствіемъ усиленную дѣятельность кожи, и послѣдняя должна выдѣлять изъ организма вещества, которыя при другихъ условіяхъ выдѣляются легкими. Но непосредственное вліяніе теплоты и свѣта на эти выдѣляемые вещества производитъ химическое разложеніе ихъ, прежде чѣмъ они проникаютъ чрезъ верхнюю кожицу, причемъ часть углерода задерживается и сообщаетъ цвѣтовымъ клѣточкамъ кожи болѣе или менѣе темную окраску ¹⁾. Что цвѣтъ кожи зависитъ отъ вліянія климатическихъ условій, это доказываютъ многіе опыты. Такъ, не можетъ не обращать на себя вниманія тотъ фактъ, что очень часто встрѣчаются весьма различные цвѣта кожи даже въ одной и той же расѣ: въ верхней Аравіи арабы имѣютъ свѣтло-желтый цвѣтъ кожи, въ Меккѣ—коричневый, на Нилѣ и въ Сахарѣ—совершенно черный; кавказцы, живущіе въ Европѣ, имѣютъ бѣлую кожу, въ Индіи—коричневую, въ Абиссиніи—черную; евреи въ Барабинской степи—обыкновенно бываютъ свѣтло-бѣлыми, въ Германіи—желтоватыми, въ Конго—черными; у американскихъ индѣйцевъ въ Парагваѣ кожа бѣлая, а у живущихъ въ Калифорніи—черная. Правда, не было случая, чтобы черный негръ, выросшій на югѣ Африкѣ, сталъ бѣлымъ, нѣсколько лѣтъ проживъ въ Европѣ. Но тѣмъ не менѣе были случаи, что негры, переселившіеся въ Америку замѣтно измѣнялись по цвѣту своей кожи, спустя два или три года,—ихъ кожа мало—по-малу теряла свой черный лоснящійся цвѣтъ и становилась болѣе свѣтлою. Впрочемъ, по свидѣтельству *Люкена*, которому также принадлежитъ весьма серьезное изслѣдованіе о „единствѣ рода человѣческаго“, одинъ негръ, поселившійся въ Голландіи, скоро изъ чернаго сталъ коричневымъ. Другой негръ съ дѣтства привезенный въ Венецію, также утратилъ свой первоначальный цвѣтъ кожи и сталъ, по крайней мѣрѣ, не чернѣе европейца, страдающаго желтухою; а объ одной негритянкѣ изъ Занзибара рассказываютъ, что въ Каиро у ней облупилась верхняя кожа и потомъ стала даже бѣлою ²⁾.

¹⁾ Rauh, Die Einheit des Menschengeschlechts, стр. 85; срв. Baumstark's Das Christenthum in seiner Begründung und seinen Gegensätzen. В. III. Стр. 141—142.

²⁾ Baumstark, III, стр. 141.

Вообще же нужно сказать, что между человѣческими расами нѣтъ такихъ рѣзко опредѣленныхъ и характеристическихъ чертъ, которыя бы являлись исключительными для человѣческихъ племенъ; напротивъ черты одной расы такъ легко переходятъ въ другую расу, что ученые и до сихъ не согласны между собою относительно того, сколько вообще слѣдуетъ признавать всѣхъ человѣческихъ расъ. Такъ одни,—Ливней, Вайтцъ и Кювье, утверждаютъ, что всѣхъ расъ—3, другіе—Блюменбахъ и Бурмейстеръ—5, Бюффонъ—6, Бричардъ—7, Агассицъ—8, Геккель—12 видовъ и 36 расъ, а есть и такіе, которые доводятъ число расъ до 60. Болѣе интереснымъ представляется указаніе на тѣ психическія видовыя различія, которые будто бы служатъ препятствіемъ къ признанію единства человѣческаго рода. Полигенисты рѣшительно отказываются причислить многихъ дикарей къ одному виду съ цивилизованными европейцами. Такъ будто бы различны умственные и нравственные силы многихъ человѣческихъ племенъ! Въ особенности послѣдователи Дарвина возстаютъ на этомъ основаніи противъ ученія о единствѣ человѣческаго рода. Они утверждаютъ, что по умственнымъ и нравственнымъ способностямъ даже многія породы обезьянъ стоятъ выше дикарей. „Кто видѣлъ такихъ людей, тотъ едва ли можетъ убѣдить себя, что они подобны намъ творенія и жители одного и того же міра“ (слова Дарвина).

Въ своемъ сочиненіи—*„Der Mensch und seine Stellung“*—извѣстный матеріалистъ—*Бюхнеръ* собралъ изъ разсказовъ различныхъ путешественниковъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ объ умѣ и нравственномъ чувствѣ обезьянъ и доказывающихъ, что послѣднія только степенью отличаются отъ дикарей. По его словамъ ¹⁾, есть люди и человѣческія расы, едва обладающіе большимъ разсудкомъ, чѣмъ нѣкоторыя животныя, и которые столь же мало, какъ и животныя имѣютъ понятіе о религіи или нравственномъ мірѣ. Племена, стоящія на самой низшей ступени духовнаго развитія, такъ называемыя островитяне Великаго океана и африканцы, чужды будто бы какихъ бы то ни было общихъ идей, или абстрактныхъ по-

¹⁾ Срв. Baumstark, III. Стр. 131—132.

нятій. О прошедшемъ и будущемъ они не заботятся, они живутъ только настоящимъ. Австраліецъ не имѣетъ словъ для понятій—Богъ, религія, справедливость, грѣхъ и т. д.; онъ почти не знаетъ другого ощущенія, кромѣ голода и жажды. Первобытные жители Новой Каледоніи у путешественниковъ изображаются людьми безъ всякаго стыда, безъ всякаго нравственнаго побужденія, вѣроломными, невѣрными, лукавыми. Восточно-африканскіе негры, если вѣрить англійскому путешественнику Буртону, также оказываются существами безъ всякихъ нравственныхъ понятій, безъ всякаго мышленія, простирающагося за предѣлы ближайшаго круга чувственно воспринимаемыхъ предметовъ, безъ поэзіи, безъ вѣры, кромѣ грубѣйшаго суевѣрія, лживыми и упрямыми. Негровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Кичей“, путешественникъ Бакеръ называетъ настоящими обезьянами. Жители Филиппійскихъ острововъ не имѣютъ будто бы никакого влеченія къ общественной жизни, не строятъ жилищъ, постоянно бродятъ по горамъ и лѣсамъ, а спятъ подъ деревьями. Индійскіе дикари также не многимъ отличаются отъ животныхъ: вмѣсто одежды жены ихъ закрываются вѣтвями деревьевъ, питаются отчасти варенымъ рисомъ, отчасти дикими плодами и кореньями, нѣтъ у нихъ ни жрецовъ, ни воспитанія, ни письма, ни богопочитанія, а есть только одни суевѣрные обряды; единственными орудіями ихъ являются стрѣла и лукъ, да топоръ для рубки дровъ. Еще болѣе въ жалкомъ положеніи находятся жители Огненной земли: они—людоѣды по привычкѣ, умерщвляютъ и ѣдятъ своихъ старыхъ женщинъ охотѣе, чѣмъ своихъ собакъ, ходятъ совершенно нагими; ихъ отвратительныя лица вымазаны грязною краскою, такую же краскою вымазана вся ихъ кожа, волоса сбиты и нечесаны, голосъ—хриплый, манеры—грубыя и т. д., и т. д.

Максъ Мюллеръ представилъ намъ много доказательствъ того, что не всѣмъ рассказамъ путешественниковъ слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ отчасти по невѣжеству, и неумѣнію, отчасти по небрежности и легкомыслію, а отчасти по предубѣжденію и подъ вліяніемъ ложныхъ воззрѣній путешественники часто преподносятъ читающей публикѣ совершенно ложныя свѣдѣнія, или просто басни собственной фантазіи. Но пусть

даже будетъ правда все то, что намъ они рассказываютъ о дикаряхъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Конечно, *люди* эти жалки въ своемъ нравственномъ огрубѣннн и умственной неразвитости; но тѣмъ не менѣе они все же *люди*; *людьми* называютъ ихъ даже и сами путешественники и не смѣшиваютъ ихъ съ обезьянами. Правда, они не имѣютъ правильныхъ религіозно-нравственныхъ понятій, живутъ они одною только животною жизнью. Но „чтобы найти грубыхъ людей,—справедливо говорить *Баумштаркъ*¹⁾, нѣтъ нужды ходить къ дикарямъ. Какъ извѣстно, и между европейцами въ городахъ и селахъ бывають индивидуумы, которые живутъ только для настоящаго, единственная цѣль жизни которыхъ—чувственное наслажденіе и у которыхъ всѣ увѣщанія и наставленія о нравственности падаютъ на невоспримчивую почву,—но въ человѣческомъ достоинствѣ ихъ однакоже никто не сомнѣвается“.

Какъ ни жалко умственное и религіозно-нравственное состояніе дикарей, по описанію различныхъ путешественниковъ, но даже и эти дикари несравненно выше стоятъ самыхъ смысленныхъ обезьянъ. Нѣтъ у нихъ чистыхъ религіозныхъ представленій,—но у нихъ есть все-таки хотя суевѣрные обряды (у цивилизованныхъ европейцевъ часто не бываетъ ни того, ни другого!); не отвергаютъ путешественники у нихъ и брака, не сомнѣваются (напр., John Ross), что нравственный законъ написанъ и въ ихъ сердцахъ; не умѣютъ дикари шить себѣ одежды,—но они замѣняютъ ее раскрашиваніемъ своего тѣла и древесными вѣтвями; ясно, что они ходятъ не совсѣмъ голыми; есть у нихъ даже и инструменты хотя и не совершенные... Ничего подобнаго ни одинъ путешественникъ не говоритъ объ обезьянахъ. Но что для насъ самое главное, такъ это то, что и самые грубые дикари обладаютъ даромъ слова и способностію, какъ къ умственному, такъ и къ религіозно-нравственному развитію. Сколько ни было дѣлаемо дарвинистами попытокъ—научить обезьянъ говорить,—ни одна изъ такихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ. Напротивъ, дикари быстро усвояють науки и искусства и не рѣдко по успѣхамъ

¹⁾ В. III, стр. 132.

даже превосходятъ своихъ европейскихъ товарищей. Одинъ африканскій дикарь—негръ, по имени Баннакеръ, уже будучи въ зрѣломъ возрастѣ, сталъ учиться читать и писать, затѣмъ прекрасно изучилъ ариѳметику, свободное время посвящалъ занятіямъ по астрономіи, а въ послѣдствіи сталъ даже авторомъ многихъ сочиненій и знаменитымъ спеціалистомъ въ области астрономическихъ наукъ ¹⁾. Другой негръ сталъ, говорятъ, дѣльнымъ актеромъ; дикій каффъ, получивъ въ Англіи серьезное образованіе, вышелъ отличнымъ проповѣдникомъ; одинъ готтентотъ, взятый дикаремъ въ Европу, по словамъ Рауха, скоро выучился говорить и писать по-англійски и по-голландски, какъ на своемъ родномъ языкѣ и кромѣ того говорилъ на всѣхъ діалектахъ южной Африки. Даже Дарвинъ зналъ трехъ дикарей, принадлежавшихъ къ жителямъ Огненной Земли, которые проживъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи, могли говорить уже по-англійски и обнаружили обыкновенныя духовныя способности, свойственныя всѣмъ людямъ; а дикари Огненной Земли, какъ извѣстно, принадлежатъ къ самой низшей и самой грубой человѣческой расѣ. *Гумбольдтъ* съ похвалою отзывается объ умственныхъ способностяхъ дикарей изъ Ориноко. *Окумъ*, проживавшій долгое время среди индійцевъ, рассказываетъ, что когда дѣти индійцевъ обучались вмѣстѣ съ дѣтьми европейцевъ, они не только не отставали отъ нихъ, но иногда даже своими успѣхами и превосходили ихъ. Многіе путешественники, напр., *Мунцингеръ* и *Деккенъ*, охотно признаютъ восточно-африканскихъ негровъ совершенно способными къ умственному образованію и развитію, увѣряя, что они вовсе не находятся на такой низкой ступени, духовной жизни, какъ о нихъ обыкновенно думаютъ, а *Байки* (Baikie) даже пишетъ слѣдующее изъ центральной Африки въ журналъ *Ausland* ²⁾: „Тѣ, которые отказываютъ неграмъ въ способности къ образованію, были бы иного мнѣнія, если бы они могли видѣть короля той страны, изъ которой я пишу. Если бы они могли видѣть ту массу дѣлъ, которыя ежедневно проходятъ чрезъ его руки, образъ и

1) Baumstark, III. Стр. 137.

2) 1863. Стр. 584; срв. Baumstark, V. III. Стр. 137.

способъ, какъ онъ управляетъ своею страной, какъ онъ поступаетъ съ различными расами своихъ подданныхъ, его понятія о справедливости, его знакомство съ каждою частностію, они были бы вынуждены признать, что по крайней мѣрѣ одинъ африканецъ—человѣкъ разумный. Но подобныхъ примѣровъ много. Не подлежитъ сомнѣнію, что степень умственного развитія того или другого человѣческаго племени находится въ весьма сильной зависимости отъ тѣхъ внѣшнихъ климатическихъ и географическихъ условій, среди которыхъ оно живетъ. Эта истина признана уже многими учеными антропологами. Въ холодныхъ странахъ, гдѣ человѣкъ вынужденъ бороться съ нуждою и недостаткомъ и гдѣ забота о пріобрѣтеніи средствъ для удовлетворенія самымъ насущнымъ потребностямъ жизни поглощаютъ все его время и силы, тамъ, по справедливому заключенію Рауха ¹⁾, высшая культура возможна столь же мало, какъ и въ безводныхъ степяхъ или песчаныхъ пустыняхъ; вотъ почему эскимосы и лапландцы уже вслѣдствіе климатическихъ условій своего мѣстожительства, пожалуй, навсегда исключены изъ цивилизаціи; они, какъ говоритъ Гюйо, подобны нищему, который радъ куску чернаго хлѣба, а ужъ куда ему думать о киселѣ. Но поставьте этихъ дикарей въ болѣе благопріятныя условія жизни,—и вы увидите, насколько они также способны къ умственному развитію и цивилизаціи.

Сказаннаго, конечно, достаточно для того, чтобы видѣть какъ несправедливы и эгоистичны антропологи-полигенисты, не желающіе признавать жалкихъ дикарей своими братьями по крови и происхожденію потому только, что они искалѣчены въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ внѣшними условіями жизни. Они указываютъ на различіе формы и емкости черепа, на цвѣтъ волосъ и кожи, какъ на признаки, не позволяющіе признать единство человѣческаго рода; но какъ мы видѣли, эти признаки имѣютъ чисто случайный характеръ и зависятъ отъ внѣшнихъ условій, а не отъ самой природы человѣческой. Между прочимъ у дикарей есть много существенныхъ, какъ органическихъ, такъ и психическихъ признаковъ, общихъ для

¹⁾ Стр. 237; у Баумштарка, III., стр. 135.

всѣхъ людей безъ исключенія, но обыкновенно оставляемыхъ полигенистами безъ вниманія, таковы: одинаковое устройство человѣческаго тѣла (грудная кость, сердце, желудокъ, легкія, печень, почки, нервная система, мускулы, строеніе органовъ рѣчи и т. д.), одинаковая средняя скорость кровообращенія и біеніе пульса, одинаковый періодъ беременности, одинаковая продолжительность жизни, одинаковый составъ крови, одинаковость средняго роста для людей, къ какой бы расѣ они не принадлежали, одинаковое число зубовъ, расположенныхъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, безъ промежутковъ, одинаковое положеніе большого пальца, гладкая кожа, покрытая волосами только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, плодородность потомства отъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ; а изъ душевныхъ способностей—одинаковость законовъ, по которымъ развивается какъ познавательная способность или разсудочная дѣятельность, такъ равнымъ образомъ и другія психическія силы: способность образованія понятій, воля, чувства—религіозное, интеллектуальное, нравственное и эстетическое, а также—память, вниманіе, даръ слова. Наконецъ, какъ мы видѣли уже, дикари обнаруживаютъ замѣтное единство со всѣмъ родомъ человѣческимъ даже въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, по крайней мѣрѣ, о происхоженіи зла, господствующаго въ мірѣ. Ясно, что этихъ основаній для признанія единства человѣческаго рода недостаточно только для тѣхъ антропологовъ, которые уже напередъ рѣшили не признавать такого единства.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что полигенисты приводятъ и нѣкоторыя другія, но уже второстепенныя, и потому недостаточно серьезныя основанія, которыя будто-бы не позволяютъ имъ признать единство человѣческаго рода.

Такъ, они утверждаютъ, что, при предположеніи происхожденія всего рода человѣческаго отъ одной супружеской четы, нельзя будто бы объяснить, какимъ образомъ появились люди въ Америкѣ или на островахъ Тихаго океана. Но болѣе внимательное изученіе жизни, нравовъ, обычаевъ, языка, вѣрованій и преданій этихъ дикарей привело ученыхъ антропологовъ къ заключенію, что ихъ нельзя признать какими-то самород-

ками (автохтонами), но что и они вышли изъ Азіи, этой общей колыбели рода человѣческаго. Нельзя не видѣть, напр., сходства между американскими индѣйцами и азіатскими монголами; это сходство такъ велико, что его долженъ былъ признать даже ярый противникъ ученія о единствѣ рода человѣческаго *Бурмейстеръ*; по его заключенію, „монгольская или татарская раса ближе всего примыкаетъ къ американскимъ народамъ“. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сходство между американскими туземцами и азіатскими монголами не ограничивается одними лишь физическими чертами, но распространяется также на ихъ нравы, обычаи и религіозныя воззрѣнія. Такое же сходство замѣтно между обитателями различныхъ острововъ Тихаго океана и азіатскими народами, какъ по физическимъ чертамъ, такъ равнымъ образомъ по языку, нравамъ, обычаямъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Съ этимъ согласенъ даже *Генкель*, какъ кажется, первый открыто объявившій мнѣніе дарвинистовъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Но какимъ образомъ изъ Азіи народы могли переселиться въ Америку и на острова Тихаго океана? Точнаго отвѣта на это, конечно, дать нельзя; но всегда возможны весьма правдоподобныя предположенія, — въ виду которыхъ приведенное возраженіе теряетъ всякое серьезное значеніе. Такъ, прежде всего указываютъ на Беринговъ проливъ, чрезъ который народы Азіи легко могли переселиться въ Америку. Азія и Америка, раздѣляемая Беринговымъ проливомъ, на 68° сѣверной широты отстоятъ одна отъ другой на 13 миль; на этомъ пространствѣ находятся три острова Гвоздевыхъ и одинъ островъ Ратмановъ, съ которыхъ видны оба материка — азіатскій и американскій. Зимой это пространство даже замерзаетъ, а потому если лѣтомъ легко переѣхать (и переѣзжаютъ) этотъ проливъ на небольшихъ лодкахъ, то зимою его можно переходить пѣшкомъ или переѣзжать на саняхъ. Съ другой стороны легко переселиться изъ Азіи въ Америку и цѣпью Алеутскихъ острововъ, которые такъ близко расположены другъ къ другу, что какъ бы составляютъ естественный мостъ. Здѣсь почти теряется линія, раздѣляющая Азію отъ Америки, — и если теперь на небольшихъ рыбацкихъ лодкахъ алеуты часто переѣзжаютъ, какъ

въ Азію, такъ и въ Америку, то почему же нельзя предположить, что такимъ именно путемъ переселились изъ Азіи первые поселенцы Америки. Мы ложно представляемъ себѣ мужество и способности древнихъ, когда не допускаемъ для нихъ возможности безъ нашихъ пароходовъ перебраться изъ Азіи въ Америку. Но если мы примемъ во вниманіе, что, по китайскимъ источникамъ, моряки небесной имперіи уже въ древнѣйшія времена, пользуясь картами, далеко уходили въ море, если по рассказамъ японцевъ, и они уже рано предпринимали далекія морскія путешествія, если мы примемъ во вниманіе, что китайцы болѣе, чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. уже знали свойство магнитной иглы, если, наконецъ, мы обратимъ вниманіе на то, какъ русскіе по Черному морю около 1000 лѣтъ тому назадъ дѣлали набѣги на Константинополь, а норманы Атлантическимъ и Великимъ океаномъ наѣзжали въ Америку,—то для насъ не составитъ затрудненія даже и рѣшеніе вопроса какимъ образомъ изъ Азіи народы могли расселиться по островамъ Тихаго океана. Для островитянъ море—стихія родная,—и нерѣдки случаи когда островитяне или жители приморскихъ странъ на своихъ простыхъ рыбацкихъ лодкахъ отправляются въ безбрежное море и заносятся вѣтромъ на необитаемыя острова. Какъ извѣстно, въ 12 вѣкѣ островъ Сингапуръ былъ бойкимъ торговымъ пунктомъ, а государство Менагкабо (на о. Суматрѣ) имѣло флотъ въ 90 кораблей разной величины, какого не было тогда даже въ Европѣ. Нельзя считать невѣроятнымъ и гипотезу, по которой всѣ теперешніе острова Тихаго океана суть только вершины горъ большого материка, осыпшаго внизъ. Наконецъ, нельзя не придавать большого значенія и древнимъ преданіямъ первобытныхъ обитателей Америки и островитянъ, увѣряющихъ, что ихъ предки вышли изъ какой-то отдаленной страны, лежащей за моремъ.

Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что, при предположеніи происхожденія всего рода человѣческаго отъ одной супружеской четы, нельзя будто бы объяснить себѣ заселенія всего земнаго шара въ тотъ срокъ (4000 лѣтъ), который назначенъ для этого Библіею. По шутливому замѣчанію Фогта, такъ быстро не могутъ плодиться даже мыши и кролики. На самомъ

дѣлѣ это возраженіе, само по себѣ пустое, только и можетъ поддерживаться плоскими шутками. Вполнѣ удовлетворительное опроверженіе его мы находимъ у проф. Н. П. Рождественскаго ¹⁾ „Выходя изъ совершенно вѣроятнаго предположенія о большемъ долголѣтіи и большей плодовитости людей первобытныхъ временъ сравнительно съ позднѣйшими болѣе ослабленными поколѣніями, англійскій ученый Фоулеръ путемъ этихъ вычисленій пришелъ къ такому заключенію, что отъ одной первоначальной четы, не болѣе какъ черезъ 50 поколѣній, могло произойти нѣсколько миллиардовъ людей. Между тѣмъ какъ въ настоящее время, по приблизительнымъ статистическимъ вычисленіямъ на всемъ земномъ шарѣ живетъ не болѣе 1200—1500 милліоновъ людей. Хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ антропологовъ, дикіе народы, повидимому, менѣе плодовиты, чѣмъ цивилизованные народы, но самъ Дарвинъ признаетъ, что положительнаго на счетъ этого ничего неизвѣстно, потому что у дикихъ никогда не производилось народной переписи. Притомъ же мнѣніе о дикомъ состояніи людей первобытной эпохи есть недоказанная гипотеза“. Вычисленіе Фоулера, какъ мы видѣли, вполнѣ подтверждается также вычисленіями Бурдаха, по которому, полагая четверо дѣтей на супружескую чету, народонаселеніе земли уже черезъ тысячу лѣтъ должно бы быть вдвое больше теперешняго; а по вычисленію Баумштарка въ 1066 лѣтъ народонаселеніе должно было бы дойти до значительной цыфры—134.217,728, при чемъ дѣлается болѣе чѣмъ вѣроятное предположеніе, что оно удваивается не въ 20 лѣтъ, какъ обыкновенно принято считать, а въ 41 годъ. Кромѣ того, положительно нужно утверждать, что въ древнее время условія для размноженія рода человѣческаго были гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ наше, ибо тогда люди не были столь нервозными, какъ теперь,—тогда не были наполнены сифилитиками цѣлые города, тогда въ бракъ вступали цѣломудренныя супруги, а не утратившіе уже половую способность, тогда не было такихъ неравныхъ браковъ по лѣтамъ, какъ теперь, и дѣти, не знавшія дифтерита и другихъ бичей

¹⁾ Христ. Апологетика, II. Стр. 275.

своихъ, раждались болѣе крѣпкими и здоровыми, и не умирали въ такомъ множествѣ, въ какомъ умираютъ они теперь.

Наконецъ, полигенисты, отрицая единство человѣческаго рода, указываютъ на различіе языковъ. Въ своемъ изслѣдованіи „о значеніи языка для естественной исторіи человѣка“ Шлейхеръ считаетъ положительно невозможнымъ свести всѣ языки къ одному первоначальному корню и потому допускаетъ весьма значительное число первоначальныхъ языковъ. Бюхнеръ присоединяется вполне къ этому выводу, чтобы только найти новую опору для своего возраженія противъ богооткровеннаго ученія о единствѣ человѣческаго рода. Но новѣйшія филологическія изслѣдованія наглядно обнаружили всю несостоятельность выводовъ Шлейхера. Въ настоящее время доказано неопровержимо, что всѣ существующіе языки и нарѣчія должны быть сведены къ тремъ группамъ или корневымъ языкамъ: арійскому, семитическому и туранскому. Но и эти три группы языковъ отличны между собою только въ грамматическомъ, или формальномъ отношеніи; но „ничто, говоритъ Марксъ Мюллеръ¹⁾—не принуждаетъ насъ къ признанію различныхъ самостоятельныхъ началъ для *матеріальныхъ* элементовъ туранской, семитической и арійской отрасли языка; ничто не принуждаетъ насъ также и къ признанію различныхъ началъ для формальныхъ элементовъ туранской, семитической и арійской отрасли языка, и хотя невозможно арійскую систему грамматики выводить изъ семитической, а семитическую изъ арійской, тѣмъ не менѣе мы вполне можемъ видѣть, какъ въ Азіи и Европѣ могли быть произведены эти различныя системы или чрезъ индивидуальныя вліянія, или чрезъ употребленіе и облагороженіе языка во время его продолжительнаго развитія“. Такимъ образомъ, различіе существующихъ нынѣ языковъ и нарѣчій нисколько не препятствуетъ признанію единства рода человѣческаго. Но если бы всѣхъ языковъ и вельзя было свести къ одному коренному языку, то и тогда, въ виду библейскаго рассказа о смѣшеніи языковъ, приведенное возраженіе не могло бы имѣть никакого серьезнаго значенія.

1) Срв. Baumstark, III, стр. 156.

И такъ, всѣ возраженія, направленныя противъ единства человѣческаго рода, оказываются пустыми и несостоятельными; а слѣдовательно, вмѣстѣ съ ними падаетъ и построенное на нихъ возраженіе противъ ученія Божественнаго Откровенія о распространеніи зла въ мірѣ. Если всѣ люди произошли отъ одной прародительской четы—Адама и Евы, то у всѣхъ должна быть одна и та же грѣховная природа; а эта всеобщая грѣховная природа, свойственная всѣмъ людямъ, обитающимъ на всемъ земномъ шарѣ, въ свою очередь могла бы служить однимъ изъ доказательствъ единства человѣческаго рода.

2. Второе мнимо-научное возраженіе противъ ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ заимствуется изъ современной геологіи. Дѣло въ томъ, что въ слояхъ земли, гдѣ еще не встрѣчаются кости человѣческія, геологамъ посчастливилось найти кости животныхъ; ясно, что животныя умирали раньше человѣка. Но этого мало; имъ удалось найти въ этихъ же слояхъ земли даже экскременты (копролиты) первобытныхъ животныхъ, содержащіе въ себѣ замѣтные остатки животнаго питанія; именно въ желудкѣ найденныхъ животныхъ оказались еще части другихъ животныхъ, которыя, безъ сомнѣнія, были задушены и съѣдены первыми,—при чемъ и кости первыхъ животныхъ обнаруживаютъ признаки костевыхъ болѣзней. Вотъ и все; но эта рѣдкая находка привела положительно въ восторгъ всѣхъ враговъ Божественнаго Откровенія. Такъ уже физикъ *Эрстедъ*¹⁾ указывалъ датскому епископу *Минстеру*: „а вѣдь есть доказательства вполне ясныя, что тѣлесное зло, гибель, болѣзнь смерть—древнѣе грѣхопаденія“. Но особенно этою находкою воспользовался извѣстный матеріалистъ *Карлъ Фогтъ* для нападенія на ученіе Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ. Въ своихъ „картинахъ изъ жизни животныхъ“ (въ 1853 году) онъ съ желчною насмѣшкою говоритъ вѣрующимъ: „Переступить чрезъ этотъ камень, лежащій въ вашемъ собственномъ раю, теперь вамъ уже не помогутъ болѣе ни заносчивость вѣры, ни благочестивое salto mortale. Нѣтъ сомнѣнія, что смерть существовала съ са-

¹⁾ Geist in der Natur. München. 1850. I. Стр. 298.

маго начала и, скажемъ даже, въ чрезвычайно ужасномъ видѣ. Вообще говоря, едва ли и человѣческими измышленіями были изобрѣтены болѣе страшныя муки, чѣмъ съ какими природа умерщвляетъ свои собственныя творенія“. Въ такомъ же духѣ разсуждаетъ и извѣстный невѣрующій епископъ англійскій, религіозный либераль Джонъ-Вильямъ Колензо, котораго за кощунство предавали суду даже въ Англии. „Геологія, говоритъ онъ, показываетъ, что живыя существа всѣхъ родовъ уже въ незапамятныя времена умирали точно такъ же, какъ умираютъ они и теперь; они умирали отъ разлитія воды, отъ обрушившейся земли, или отъ огненной лавы вулкановъ; они умирали отъ старческой слабости или смертоносной болѣзни, потому что кости ихъ оказываются часто сокрушенными и сожранными, ихъ члены болѣзненно исковерканными; они умирали отъ того, что одно животное часто растерзывало и пожирало другое, точно такъ же, какъ и теперь, ибо кости одного животнаго нерѣдко находятся въ желудкѣ другого“. Такое значеніе указаной геологической находкѣ придаетъ и другой религіозный либераль, долгое время бывший католическимъ священникомъ, а съ 1855 года,—профессоръ философіи въ Мюнхенскомъ университетѣ, *Яковъ Фрошаммеръ* ¹⁾. По его мнѣнію, новѣйшее естествознаніе, а въ особенности геологическія и палеонтологическія изслѣдованія нанесли самое рѣшительное пораженіе библейскому ученію о томъ, что причиною всѣхъ бѣдствій и смерти даже для міра животныхъ послужила свобода человѣческой воли, или грѣхопаденіе прародителей. Геологическія открытія, говоритъ онъ, доказали „съ необходимою ясностію, что уже задолго до существованія рода человѣческаго на землѣ господствовала смерть, а вмѣстѣ со смертію, очевидно, также и всѣ физическія бѣдствія, болѣзни, скорби, взаимное преслѣдованіе и истребленіе животныхъ, такъ что уже не чрезъ грѣхопаденіе первыхъ людей утраченъ счастливый и мирный рай для человѣка и животныхъ, не чрезъ него природа получила свой теперешній характеръ и въ ней явилось физическое зло“.

¹⁾ Das Christenthum und die moderne Naturwissenschaft. Wien. 1868. Стр. 242—243.

Справедливость требуетъ сказать, что указанная геологическая находка смутила даже и многихъ благоразумныхъ западно-европейскихъ апологетовъ христіанства ¹⁾. Они не рѣшались согласиться съ тѣми поспѣшными выводами, которые сдѣланы невѣріемъ, но не могли не видѣть и того значенія, которое дѣйствительно имѣетъ указанное геологическое открытіе. Они утѣшали себя только тѣмъ, что сама геологія еще наука новая, что сдѣланныхъ ею открытій еще далеко недостаточно для того, чтобы обобщать ихъ, что нужно подождать результатовъ будущихъ геологическихъ изслѣдованій, которыя могутъ лучше разъяснить дѣло. И дѣйствительно эти предположенія, повидимому, начинаютъ оправдываться. Знаменитый англійскій геологъ *Лейель* (Lyell), ученые труды котораго имѣютъ, безъ сомнѣнія, міровое значеніе (+1875г.) и *Гексли* (Huxley) извѣстный англійскій естествоиспытатель (1825—1896 г.) на основаніи открытія человѣческихъ костей въ земныхъ слояхъ третичной фораціи, со всею основательностію доказали поспѣшность выводовъ, сдѣланныхъ противниками Божественнаго Откровенія; имъ же удалось сдѣлать и многія открытія, подтверждающія библейскія указанія.

Но мы положительно не понимаемъ опасенія названныхъ апологетовъ христіанства. По нашему мнѣнію, соблазнительная геологическая находка только подтверждаетъ свидѣтельство Библии и вполне съ нимъ согласна. На основаніи Библейскаго разсказа также должно думать, что животныя умирали раньше человѣка, а потому и неудивительно, если кости животныхъ могутъ быть отыскиваемы въ томъ слоѣ земли, гдѣ еще вѣтъ костей человѣка. Въ книгѣ Бытія гл. 3 ст. 21 мы читаемъ: „И сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды *кожаныя*, и одѣлъ ихъ“. Ясно, что животныя, изъ кожи которыхъ были сдѣланы первыя одежды Адаму и Евѣ, должны были умереть раньше, чѣмъ ихъ кожа была употреблена на одежду прародителей; а одежды Адаму и Евѣ во всякомъ случаѣ даны уже послѣ грѣхопаденія. Затѣмъ по изгнаніи Адама

¹⁾ Ср. напр. Fr. Delitzsch, System der christlichen Apologetik. Leipzig. 1869. стр. 148—150.

изъ рая, онъ жилъ еще цѣлыхъ 800 лѣтъ (Быт. 5, 4); но не думаемъ, чтобы новѣйшимъ геологамъ посчастливилось прямо напасть на кости Адама; если же они отыскали кости кого-либо изъ дальнѣйшихъ потомковъ его, то отъ грѣхопаденія прародителей до смерти этого потомка, быть можетъ, прошло не одно тысячелѣтїе,—а за это время сколько могло погибнуть животныхъ чрезъ взаимное самоистребленіе!

На вопросы: „почему Богъ заимствуетъ человѣку одежду отъ животныхъ, а не отъ растений? Откуда взяты кожи для ея составленія? И какъ человѣкъ, не привыкшій еще къ мысли о смерти, могъ безъ отвращенія облещи себя смертію другихъ?“ Знаменитый нашъ богословъ Филаретъ, бывшій митрополитъ Московскій отвѣчаетъ такъ ¹⁾: „Сии недоумѣнія не иначе могутъ быть разрѣшены, какъ тою догадкою, что Богъ въ одно время научилъ человѣка и приносить въ жертву животныхъ, и обращать ихъ кожи въ одежду; дабы, сими жертвоприношеніями, онъ былъ вразумляемъ убивать въ себѣ скотоподобныя вождѣленія и страсти, имѣя также предъ очами будущую жертву побѣдоноснаго *стмени жены*, и вѣрою облакался бы въ заслуги и крѣпость его“.

Но если бы животныя умирали естественною смертію даже до грѣхопаденія прародителей,—то что въ этомъ могло бы быть соблазнительнымъ? Нигдѣ въ Библии нѣтъ указанія на то, что животныя созданы для безсмертія. Какъ мы видѣли, безсмертіе не было дано по природѣ даже и человѣку. Поэтому сколько бы костей различныхъ животныхъ геологи ни нашли въ слояхъ земли,—эти находки ихъ ничего не могутъ сказать противъ истины Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ.

Такимъ образомъ, и это послѣднее мнимо-научное возраженіе противъ ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ не только не наноситъ вѣрѣ „рокового пораженія“, но оказывается пустымъ и неосновательнымъ. Богооткровенная истина остается твердою и непоколебимою. Болѣе 3000 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ она хранится уже

¹⁾ Зап. на ки. Бытія. М. 1868. Стр. 73.

не въ устномъ преданіи народовъ, а въ письменахъ и книгахъ св. Писанія. Мимо нея безслѣдно прошелъ цѣлый рядъ человѣческихъ философскихъ вѣрованій, стремившихся ва иной почвѣ разрѣшить вопросъ о злѣ, внѣ зависимости отъ Божественнаго откровенія. Но насущная потребность человѣческаго сердца не была удовлетворена этими философскими рѣшеніями. Быть можетъ, явятся еще и новыя мудрствованія съ цѣлью нанести „роковое пораженіе“ истинѣ Божественнаго Откровенія, но ихъ судьба, безъ сомнѣнія, будетъ подобна всѣмъ предшествовавшимъ. Ибо „истина Господня пребываетъ во вѣкъ!“

Она предназначена быть вѣчнымъ свѣточемъ человечеству для освѣщенія его скорбнаго пути къ послѣдней цѣли. Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она заключаетъ нѣчто таинственное, необъяснимое, недоступное для нашего ограниченнаго и несовершеннаго разума; но за то она близка нашему сердцу, доступна чистой и преданной вѣрѣ. Въ этомъ ея безпредѣльно-великое значеніе. Только она одна намъ освѣщаетъ яснымъ свѣтомъ Божественнаго Откровенія и цѣль нашихъ страданій, и значеніе земныхъ радостей, и глубокій смыслъ нашей скорбной жизни,—и безграничную любовь Божію, явленную въ дѣлѣ искупленія падшаго человечества крестными страданіями и смертію Господа нашего Іисуса Христа!

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

ЛОЖНЫЕ ПРОРОКИ ВЪ ВЕТХОМЪ ЗАВѢТѢ.

(Продолженіе *).

Ложное пророчество боговъ иныхъ, не смотря на продолжительное и широкое распространеніе въ первый періодъ исторіи народа еврейскаго, въ періодъ судей Израилевыхъ, не могло однакожъ навсегда утвердиться среди него и обезпечить себѣ непрерывное существованіе и развитіе. И это вполне естественно и понятно. Вытекая непосредственно изъ языческаго политеизма и выросши въ связи съ нимъ, оно, какъ явленіе совершенно противоположное духу и характеру ветхозавѣтной религіи, сообразно съ высокими началами еврейской теократіи, требовавшей безусловной чистоты въ отношеніяхъ къ Богу и тѣмъ самымъ исключавшей всякую возможность внѣшнихъ суевѣрныхъ дѣйствій (Лев. 20, 26—27 ср. Вт. 18, 10—14), не могло имѣть почвы для развитія своего въ народѣ еврейскомъ и всегда оставалось для него чуждымъ. Если оно и существовало среди евреевъ, то лишь временно и случайно, вслѣдствіе ихъ склонности къ чувственнымъ и безнравственнымъ культамъ сосѣдей язычниковъ ¹⁾). Когда увлекаемые этою склонностью евреи обращались къ богамъ инымъ, то вмѣстѣ съ идолослуженіемъ, какъ необходимую его принадлежность, перенимали отъ язычниковъ и пророчество языческое. Но такъ какъ самая эта склонность къ культамъ и всему языческому проявлялась временно и случайно, то и возникавшее подъ ея вліяніемъ пророчество иныхъ боговъ носило у евреевъ такой же случай-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12, за 1897 г.

1) Küper. Das Prophetenthum d. Alt. Bundes. S. 28

ный и временный характеръ. Случайностью причинъ появленія языческаго пророчества у евреевъ объясняется и то съ раціоналистической точки зрѣнія постепеннаго развитія непонятное явленіе, что пророчество это существуетъ въ народѣ еврейскомъ не только въ начальный, но и позднѣйшій періодъ его исторіи (4 Ц. 21, 6 и др.), когда, по утверженію раціоналистовъ, религія и вмѣстѣ съ нею пророчество ветхозавѣтное окончательно сформировались и достигли завершительнаго пункта въ своемъ развитіи.—Какъ явленіе случайно и временно возникавшее въ народѣ еврейскомъ, за все свое существованіе не имѣвшее возможности утвердиться въ немъ и всегда оставшееся для него чуждымъ, пророчество боговъ иныхъ не могло, конечно, производить непосредственнаго вліянія на образованіе и развитіе истиннаго ветхозавѣтнаго пророчества, выросшаго на почвѣ еврейской и исключительно свойственнаго народу еврейскому. Но не потому только въ немъ нельзя видѣть начала и исходной формы ветхозавѣтнаго пророчества, что оно не могло привиться въ религіозномъ сознаніи и жизни народа еврейскаго и не имѣло здѣсь благопріятныхъ условій для своего развитія. Само по себѣ оно неспособно было къ развитію и совершенствованію какъ на почвѣ еврейской, такъ и языческой. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что во всѣ періоды своего существованія среди евреевъ, въ началѣ и въ концѣ ихъ исторіи, не смотря на весьма различныя условія ихъ жизни въ то и другое время, оно неизмѣнно обнаруживается въ однихъ и тѣхъ же до точности сходныхъ формахъ, въ какихъ оно изображено во Вт. 18, 10—11. (ср. 1 Ц. 28, 3, 7 и д. 4 Ц. 17, 17, 21, 6. Ис. 8, 19). Эта неизмѣнность и крайне несовершенный, чисто механический характеръ внѣшнихъ формъ его проявленія свидѣтельствуютъ о его неподвижности, объ отсутствіи въ основѣ его одной руководящей идеи, которая сообщила бы ему жизненность и послужила бы началомъ его постепеннаго историческаго развитія.

Разсмотрѣнныхъ нами свидѣтельствъ Библии вполне достаточно, для того чтобъ видѣть безпочвенность мнѣнія Майбаума, поставляющаго истинное ветхозавѣтное пророчество въ зависимость отъ пророчества Боговъ иныхъ. Съ несостоятель-

ностью этого мнѣнія Майбаума самъ собою падаетъ и тотъ его взглядъ, будто пророкъ Самуиль, реформировавъ кореннымъ образомъ существовавшее до него въ народѣ еврейскомъ пророчество языческое, сообщилъ ему новое направленіе и основалъ такимъ образомъ истинное пророчество Господне. Однако же въ Библии нѣтъ недостатка въ положительныхъ свидѣтельствахъ, очевиднымъ образомъ показывающихъ несправедливость этого взгляда и не позволяющихъ считать Самуила въ собственномъ смыслѣ основателемъ истиннаго ветхозавѣтнаго пророчества, впервые указавшимъ ему его высокія цѣли и задачи и положившимъ начало развитію его въ этомъ новомъ направленіи. Истинное пророчество Господне, какъ удостовѣряютъ насъ данныя Библии, существовало и до Самуила и въ это время преслѣдовало всегда принадлежавшую ему, по самому его существу, высокую задачу религіознаго воспитанія народа на основаніи закона и непосредственныхъ Откровеній Божіихъ. Представителями его въ это время были: Девора пророчица (Суд. 4, 4), въ своей побѣдной пѣсни (Суд. 5 гл.) оставившая даже письменный памятникъ пророческаго вдохновенія, пророкъ, незадолго предъ дѣятельностью Гедсона обличавшій израильтянъ за идолопоклонство и напоминавшій имъ объ избавленіи ихъ отъ рабства египетскаго (Суд, 6, 8—10) и неизвѣстный по имени человекъ Божій, выступившій въ обличеніе нечестія дома Илія (1 Ц. 2, 27—36). Послѣдній даже образомъ своей дѣятельности совершенно напоминаетъ позднѣйшихъ пророковъ. Правда, въ правленіе Судей Израилевыхъ пророки Господни выступали значительно рѣже сравнительно съ Самуиловымъ и послѣдующимъ временемъ, и дѣятельность ихъ была не такъ широка и плодотворна. По замѣчанію священнаго историка, *Слово Господне было рѣдко въ тѣ дни, видѣнія были не часты* (1 Ц. 3, 1) и это единственно потому, что въ то время не было благопріятныхъ условій для развитія пророчества. Въ періодъ Судей Израильскихъ народъ избранный самымъ своимъ положеніемъ побуждаемъ былъ сосредоточивать все свое вниманіе на внѣшней политической жизни. По смерти Иисуса Навина, въ землѣ ханаанской оставалось еще много непокоренныхъ ханаанскихъ племенъ (Ис.

Нав. 13, 1—6 ср. 13, 13. Суд. 1 гл. 3, 1—5). Сынамъ Израилевымъ предстояло изгнать ихъ, для того чтобъ утвердить свое положеніе въ Ханаанѣ и имѣть возможность предаться мирному, спокойному развитію на началахъ теократіи. Эту задачу они выполнили бы безъ ущерба для внутренней религіозной жизни, если бы не политическая обособленность и раздробленность колѣнъ, отъ которой они страдали во все время Судей. Ослабляемые внутри, вынуждаемые отражать нападенія враговъ, израильтяне всѣ свои силы должны были отвлекать ко внѣ, къ постоянной и напряженной борьбѣ съ окружающими и жившими среди нихъ ханаанскими народами; а такъ какъ въ то время они не окрѣпли еще въ національной религіозной жизни и недостаточно проникли въ теократическія учрежденія, то порабоощаемыя язычниками и обезсиливаемыя со внѣ, легко поддавали и религіозному ихъ вліянію. Простекавшее отсюда почти постоянное идолопоклонство народа и было главнымъ и весьма существеннымъ препятствіемъ непрерывнаго развитія пророческой дѣятельности ¹⁾. Но и въ это время, когда Израиль подъ давленіемъ бѣдъ и несчастій обращался къ своему Богу и начиналъ снова служить Ему, пророчество появлялось среди него, появлялось, какъ мы видѣли, какъ въ лицѣ собственно пророковъ, такъ и въ лицѣ самихъ Судей, которые, каждый разъ будучи воздвигаемы Богомъ (Суд. 2, 16. 3, 9. 15 и др.), стояли съ Нимъ въ непосредственномъ, близкомъ общеніи (Суд. 2, 18. 3, 10. 11, 29. 6, 34), и, управляя народомъ на основаніи божественныхъ откровеній (Суд. 4, 6. 14, 4 гл. 6 и 7), имѣли для него значеніе пророковъ Господнихъ ²⁾. Это совмѣщеніе обязанности

¹⁾ Keil. Biblischer Commentar über das Alte Testament. Die Bücher Samuelis. Leipzig. 1875. S. 41—42.

²⁾ Хотя несомнѣнно то, что Судии Израилевы были по преимуществу вождями народа и спасителями его отъ внѣшнихъ бѣдъ (ср. Küper. Das Prophetenthum. S. 97), но изъ ихъ дѣятельности нельзя исключить и духовно-нравственную сторону. Спасая народъ отъ внѣшнихъ враговъ, они должны были въ то же время побуждать его къ почитанію Иеговы (Суд. 2, 17) и во время своей судейской дѣятельности дѣйствительно удерживали его въ истинной вѣрѣ (Суд. 2, 19. 3, 11—12. 4, 1. 6, 1. 8, 33—34 и др.). Въ нихъ обиталъ Духъ Господень (Суд. 3, 10. 6, 34. 11, 39), и они сподоблялись непосредственныхъ откровеній Божіихъ, которыми и руководились въ управленіи народомъ (Суд. гл. 6 и 7. 4, 6 ср. 3,

судіи и пророка довольно ясно выступаетъ въ лицѣ Деворы (Суд. 4, 4) и въ особенности въ лицѣ послѣдняго судіи—Самуила. Но въ немъ мы уже видимъ нарожденіе новаго порядка вещей въ пророчествѣ, начало измѣненія въ положеніи пророчества,—измѣненія, произведеннаго его же плодотворною дѣятельностью. Въ его лицѣ дѣятельность пророка заслоняетъ дѣятельность судіи и онъ болѣе пророкъ, чѣмъ судія. Вынужденный обстоятельствами времени проникать во всѣ отношенія жизни Израиля какъ религіозныя, такъ и политическія, Самуиль дѣйствуетъ, какъ пророкъ, даже въ то время, когда онъ выступаетъ въ положеніи Судіи и Спасителя народа отъ внѣшнихъ бѣдъ. Тогда какъ Судіи Израилевы избавляли народъ отъ враговъ силою физической, Самуиль достигаетъ этой цѣли силою духовною. Прежде чѣмъ приступить къ сверженію ига филистимлянъ, Самуиль убѣждаетъ народъ оставить идоловъ и расположить сердце къ Господу (1 Ц. 7, 3). *И когда сыны Израилевы удалили Вааловъ и Астартъ и стали служить одному Господу* (ст. 4), онъ назначаетъ торжественное собраніе въ Массифѣ и посредствомъ поста и молитвы приготовляетъ народъ къ борьбѣ со врагомъ (ст. 5—6) ¹⁾. Но и послѣ этого, онъ не становится во главѣ ополченія израильскаго, а приноситъ *всесожженіе Господу* и спасаетъ Израиля своею молитвою. *И воззвалъ Самуиль къ Господу о Израиль, и услышалъ его Господь. И когда Самуиль возносилъ всесожженіе, Филистимляне пришли воевать съ Израилемъ. Но Господь возгремѣлъ въ тотъ день сильнымъ громомъ надъ Филистимлянами и навелъ на нихъ ужасъ, и они были поражены предъ Израилемъ* (1 Ц. 7, 9—10). Такимъ образомъ, политическаго укрѣпленія народа и освобожденія его отъ иноземнаго ига Самуиль достигаетъ не внѣшними средствами, а духовною силою своего слова и молитвы, т. е., дѣятельностью пророческою ²⁾. Со времени же учрежде-

20). По этимъ чертамъ своей дѣятельности они и могутъ быть причислены къ пророкамъ, хотя въ Библии и не называются такимъ именемъ (Ср. Tholuck. Die Propheten und ihre Weissagungen. Gotha. 1860. S. 26).

1) Keil. Die Bücher Samuelis. S. 61.

2) Keil. Die Bücher Samuelis. S. 13.

нія въ Израилѣ царской власти, когда ближайшее управленіе политической и гражданской жизни народа перешло къ царю (1 Ц. 80, 20), Самуиль совершенно слагаетъ съ себя обязанности судіи и становится только пророкомъ. Отказавшись отъ непосредственнаго участія въ управленіи народомъ, онъ оставилъ за собою общее руководство жизнью Израиля, обязался ходатайствовать за него предъ Богомъ и *наставлятъ его на путь доброй и прямой* (1 Ц. 12, 23), на основаніи, конечно, указаній и Откровеній Божіихъ. Происшедшее такимъ образомъ измѣненіе въ пророчествѣ, касавшееся не самого существа его, а лишь внѣшняго положенія въ теократіи, не ограничилось личностью и дѣятельностью Самуила. Оно легло въ основу всей дальнѣйшей дѣятельности пророчества и закрѣплено было Самуиломъ на будущее время. Возстановивъ союзъ народа съ Богомъ (1 Ц. 7, 3—6), Самуиль высоко поднялъ значеніе религіи Іеговы въ сознаніи Израиля, положилъ прочное основаніе его теократической жизни и тѣмъ самымъ приготовилъ почву для послѣдующей дѣятельности пророчества. Какъ глубоко и плодотворно было вліяніе Самуила на жизнь и настроеніе Израиля, какимъ сильнымъ религіознымъ оживленіемъ сопровождалось оно, лучшимъ свидѣтельствомъ этого служить такъ называемыя школы, или вѣрнѣе, по выраженію Библии, сонмы пророковъ (1 Ц. 10, 5. 10. 19, 20), явившіеся ближайшимъ результатомъ его широкой дѣятельности ¹⁾. Безспорно важное значеніе Самуила въ исторіи ветхозавѣтнаго пророчества сводится, слѣдовательно, къ тому, что онъ поставилъ пророчество въ опредѣленное положеніе въ теократіи и своимъ могущественнымъ вліяніемъ на религіозную жизнь народа создалъ благоприятныя условія для послѣдующаго плодотворнаго его развитія ²⁾.

Итакъ мы видимъ, что истинное пророчество Господне из-

¹⁾ Мнѣніе Майбаума, будто школы пророческія существовали до Самуила (Entwickelung d. israelischen Prophetenthums. S. 38—39), должно быть безусловно отвергнуто, такъ какъ для него нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній въ Библии.

²⁾ Küper. Das Prophetenthum d. Alten Bundes. S. 97. Keil. Die Bücher Samuelis. S. 13—14.

вѣстно было у евреевъ до Самуила, хотя проявлялось не часто. Фактъ этотъ настолько удостовѣренъ въ библии, что его не отвергають даже и нѣкоторые историки раціоналистическаго направленія. По мнѣнію одного изъ болѣе видныхъ ихъ представителей,—Ренана, истинное пророчество Іеговы существовало у евреевъ въ періодъ ихъ жизни до Самуила, не смотря даже на весьма опасное противодѣйствіе со стороны распространеннаго тогда пророчества языческаго ¹⁾. Полагая, что со времени поселенія евреевъ въ землѣ обѣтованной первоначально чистый монотеизмъ ихъ подвергся значительному искаженію примѣсью языческихъ религіозныхъ представленій ²⁾, и что вслѣдствіе этого открылась весьма удобная почва для развитія ложнаго языческаго пророчества ³⁾, вообще несроднаго монотеистическимъ воззрѣніямъ семитическихъ кочевниковъ и заимствованнаго евреями отъ египтянъ вмѣстѣ съ другими чертами язычества ⁴⁾, Ренанъ и въ это время признаетъ существованіе въ Израилѣ истинныхъ пророковъ ⁵⁾. Встрѣчая противодѣйствіе со стороны господствовавшаго въ то время пророчества языческаго ⁶⁾, они, по мнѣнію Ренана, хотя и не пользовались сначала большимъ вліяніемъ ⁷⁾, но все же были хранителями древняго монотеизма ⁸⁾; къ концу же періода Судей совершенно приобрѣли тѣ особенности, благодаря которымъ стали средоточіемъ всей израильской исторіи ⁹⁾. Взглядъ этотъ, признающій существованіе истиннаго пророчества среди евреевъ въ самое древнее время обитанія ихъ въ землѣ обѣтованной и считающій достигшее у нихъ значительнаго распространенія языческое пророчество явленіемъ заимствованнымъ и чуждымъ первоначальнымъ ихъ религіознымъ представленіямъ, хотя въ

1) Renan. Geschichte des Volkes Israel, übersetzt von E. Schaelsky. Berlin. 1894. Band. I. S. 284. 269—270.

2) Ibidem. S. 261.

3) Ibidem. S. 263.

4) Ibidem. S. 159—160 ср. 272.

5) Ibidem. S. 284.

6) Ibidem. S. 284. 269—270.

7) Ibidem. S. 284.

8) Ibidem. S. 286.

9) Ibidem. S. 356—357.

частностяхъ и представляетъ уклоненія отъ библейскихъ данныхъ ¹⁾, важенъ для насъ, какъ доказательство того, что не только при полномъ довѣрїи къ Библии, но и при всякомъ безпристрастномъ къ ней отношенїи результатомъ изысканїй объ истинномъ пророчествѣ и пророчествѣ боговъ иныхъ неизбежно будетъ то заключенїе, что оба эти явленїя, въ своемъ происхожденїи самостоятельныя и независимыя, по существу совершенно противоположны и исключаютъ другъ друга.

Но не одно только истинное пророчество Господне совершенно независимо отъ образовавшагося на почвѣ языческой и затѣмъ перешедшаго къ евреямъ пророчества боговъ иныхъ. Въ точно такомъ же отношенїи самостоятельности и независимости стоитъ къ нему и ложное пророчество Іеговы. Въ существѣ и проявленїяхъ этого послѣдняго нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на его языческое происхожденїе и между нимъ и пророчествомъ боговъ иныхъ настолько большое различїе, что нѣтъ возможности поставить эти явленїя въ связь и допустить влїяніе одного на происхожденїе и образованїе другого. Различїе это касается какъ задачъ и цѣлей ихъ дѣятельности, такъ и тѣхъ внѣшнихъ прїемовъ и средствъ, при помощи которыхъ приводились въ исполненїе эти задачи. Дѣятельность пророковъ боговъ иныхъ направлена была исключительно къ тому, чтобъ удовлетворять частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, вытекавшимъ изъ отношенїй ежедневной жизни, ²⁾ и, какъ видно изъ совершеннаго отсутствїя указанїй въ Библии, никогда не выходила изъ этой узкой сферы ежедневныхъ нуждъ и потребностей. Иныя, болѣе широкїя цѣли и задачи преслѣдовали ложные пророки Іеговы. Въ противоположность пророкамъ боговъ иныхъ, занимавшимся разрѣшенїемъ возникавшихъ въ обыденной жизни разнаго рода сомнѣнїй и недоумѣнїй и пользовавшимся при этомъ чисто механическими сред-

¹⁾ Ренанъ, между прочимъ, предсказанїе посредствомъ урима и туммима считаетъ однимъ изъ проявленїй языческаго пророчества, а уримъ и туммимъ съ его матеріальной стороны—волшебнымъ снарядомъ для цѣлей прорицанїя (Gesch. Band. I. S. 266 и д. 263).

²⁾ Küper. Das Prophetenthum d. Alten Bundes. S. 9—10. Вержболовичъ. Пророческое служенїе въ израильскомъ царствѣ. Стр. 10.

ствами—произвольнымъ и суевѣрнымъ объясненіемъ внѣшнихъ знаковъ и примѣтъ, ложные пророки Іеговы стремятся главнымъ образомъ руководить общественною и политическою жизнью народа ¹⁾. Въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ съ внѣшней, конечно, стороны, имѣетъ много сходства съ дѣятельностью истинныхъ пророковъ ²⁾. Подобно истиннымъ пророкамъ они проникаютъ во всѣ отношенія политической и общественной жизни народа, стараются сообщить теченію ея желательное для себя направленіе и даютъ народу соотвѣтствующія указанія (Іер. 6, 13—14. 8, 10—11. 14, 13. 15. 23, 14 и д. Іез. 13 гл. и др.). Присвоивъ себѣ, такимъ образомъ, принадлежавшее истиннымъ пророкамъ Господнимъ значеніе руководителей народныхъ, ложные пророки Іеговы подражаютъ имъ и въ способахъ пророческаго возвѣщенія, и въ этомъ опять заключается внѣшнее ихъ сходство съ истинными пророками и существенное отличіе отъ пророковъ иныхъ боговъ. Насколько извѣстно изъ библіи, ложные пророки Іеговы никогда не прибѣгали въ своей дѣятельности къ волшебству, гаданію, ворожбѣ, и другимъ обычнымъ у пророковъ боговъ иныхъ средствамъ прорицанія и хотя въ дѣйствительности проповѣвывали народу ложь и мечты сердца своего, но всегда выдавали эти ложныя свои предсказанія за истинныя откровенія и слова Іеговы (Іер. 23, 16—17. 25. 28, 2. 14, 15 и др.). Истинные пророки Господни, возставшіе противъ проявленія суевѣрій въ народѣ (Ис. 8, 19. Мих. 5, 12), никогда не ставятъ имъ въ вину употребленія языческихъ средствъ прорицанія, а обличаютъ ихъ только во лжи, въ томъ, что они возвѣщаютъ народу не слово Божіе, а ложныя видѣнія и гаданія, пустое и мечты сердца своего (Іер. 14, 14. 23, 16 и др. 27, 14—16. 28, 15. Іез. 13, 6—10 и др.).

Такимъ образомъ, ложное пророчество Іеговы, не имѣя ничего общаго съ пророчествомъ боговъ иныхъ какъ въ цѣляхъ и задачахъ своей дѣятельности, такъ и въ способахъ ихъ осуществленія, и въ своемъ происхожденіи не можетъ быть поставляемо въ зависимость отъ него и должно быть разсматриваемо,

¹⁾ Küper. Das Prophetenthum d. Alten Bundes. S. 29. Herzog. Real—Encyclopädie. Heft 113. 114. S. 283.

²⁾ Küper. Das Prophetenthum. S. 29

какъ явленіе въ отношеніи къ нему совершенно самостоятельное. Но признавая его явленіемъ ни въ чемъ не соприкасающимся съ пророчествомъ боговъ иныхъ и безусловно свободнымъ отъ всякаго со стороны послѣдняго вліянія, нельзя въ то же время отрицать его связи съ истиннымъ пророчествомъ Господнимъ. Указанныя нами черты ихъ сходства, хотя и чисто внѣшняго формальнаго свойства и не позволяютъ сближать ихъ совершенно, могутъ быть объяснены не инымъ чѣмъ либо, такъ только тѣмъ, что ложное пророчество Іеговы въ существѣ своемъ есть искаженіе истиннаго пророчества Господня. Это—то же самое истинное пророчество, только лишенное своего божественнаго основанія и неразрывно связаннаго съ нимъ высокаго религіозно-нравственнаго характера дѣятельности. Такъ именно понимали сущность ложнаго пророчества Іеговы истинные пророки. Вся борьба ихъ противъ ложныхъ пророковъ сводится къ тому, чтобъ доказать, что ложные пророки, не отличаясь отъ истинныхъ во внѣшнихъ проявленіяхъ своей дѣятельности, въ дѣйствительности самымъ недобросовѣстнымъ образомъ искажаютъ основы и цѣли истиннаго пророчества, и ложно выдавая свои пустыя предсказанія и мечты сердца своего за истинныя откровенія Божія, преслѣдуютъ безнравственныя задачи. *Такъ говоритъ Господь Богъ, читаемъ мы у пророка Іереміи, всю жизнь свою проведшаго въ самой энергичной борьбѣ съ ложными пророками, Такъ говоритъ Господь Богъ: не слушайте словъ пророковъ, пророчествующихъ вамъ: они обманываютъ васъ, рассказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ. Они прелюбодѣйствуютъ и ходятъ во лжи, поддерживаютъ руки злодѣевъ, чтобы никто не обращался отъ своего нечестія. Я не посылалъ пророковъ сихъ, а они сами побѣждали; Я не говорилъ имъ, а они пророчествовали. Если бы они стояли въ моемъ советѣ, то объявляли бы народу Мою слова Мои и отводили бы ихъ отъ злаго пути ихъ и отъ злыхъ дѣлъ ихъ (Іер. 23, 16. 14. 21—22).* Такой же взглядъ на ложныхъ пророковъ Іеговы находимъ и у Іезекіиля пророка, подобно Іереміи много боровшагося съ ними. Устанавливая внѣшнее ихъ сходство съ истинными пророками, Іезекіиль обличаетъ ихъ за то, что своею ложною дѣятельностью

они извращаютъ высокія цѣли истиннаго пророчества и вмѣстѣ того, чтобъ ограждать стѣною домъ Израилевъ и сообщать ему нравственную крѣпость, вводятъ его въ заблужденіе пустыми видѣніями. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ пророкъ въ своей книгѣ: *Горе безумнымъ пророкамъ, которые водятся своимъ духомъ, и ничего не видѣли! Пророки твои, Израиль, какъ лисицы въ развалинахъ. Въ проломы вы не входите и не ограждаете стѣною дома Израилева, чтобы твердо стоять въ сраженіи въ день Господа. Они видятъ пустое и предвѣщаютъ ложь говоря: „Господь сказалъ“, а Господь не посылалъ ихъ; и обнадеживаютъ, что слово ихъ сбудется* (Иезек. 13, 3—6). Но по тому самому, что ложное пророчество искажало истинное въ существѣ своемъ, въ характерѣ и направленіи своей дѣятельности, съ той именно стороны, которая менѣе всего доступна наблюденію массы, нисколько не удивительно, что, при внѣшнемъ сходствѣ съ истиннымъ, въ глазахъ народа, не желавшаго видѣть въ представителяхъ его ничего предосудительнаго и даже съ любовью и охотою слушавшаго ихъ лестныя и пріятныя предсказанія (Ис. 30, 10. Іер. 5, 31), оно имѣло значеніе не ложнаго, а истиннаго пророчества Іеговы. Неудивительно также и то, что отвергающіе сверхъестественную основу ветхозавѣтнаго пророчества историки—раціоналисты, какъ, напр., Ренанъ и Штаде, руководствуясь тѣмъ же видимымъ сходствомъ истинныхъ пророковъ съ ложными, не полагаютъ между ними существеннаго различія и считаютъ ихъ только представителями различныхъ религіозныхъ и политическихъ взглядовъ и воззрѣній ¹⁾).

Будучи по существу своему искаженіемъ истиннаго пророчества Господня, ложное пророчество Іеговы не могло появиться у евреевъ внѣ связи съ нимъ. А такъ какъ развитіе истиннаго пророчества обуславливалось состояніемъ теократіи въ народѣ еврейскомъ, то въ соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ ея въ сознаніи и жизни народа и нужно искать главной причины происхожденія ложнаго пророчества Іеговы. Такой взглядъ на возникновеніе въ народѣ еврейскомъ ложнаго пророчества Іеговы

¹⁾ Renan. Geschichte des Volkes Israel. Band. III. S. 158—159. Stade. Geschichte des Volkes Israel. Berlin. 1887. Band. I. S. 557—558.

вытекаетъ изъ существа теократіи и истиннаго пророчества Господня и изъ того отношенія, въ какомъ стоятъ другъ къ другу эти тѣсно связанныя между собою божественныя учрежденія. Какъ истинное пророчество было прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ теократіи еврейской въ ея чистомъ и неповрежденномъ видѣ, такъ искаженная въ своемъ существѣ теократія должна была выразиться и въ искаженномъ пророчествѣ, которое непременно должно было носить формы установленнаго Богомъ истиннаго пророчества, подобно тому, какъ и извращенная теократія, чтобъ утвердиться въ народѣ, должна была въ формахъ своего проявленія имѣть сходство съ богоучрежденной теократіей. Разсматриваемое въ этой точки зрѣнія, какъ результатъ поврежденія въ жизни и сознаниі евреевъ теократіи и лежавшихъ въ основѣ ея ихъ религіозныхъ воззрѣній, ложное пророчество Іеговы въ противоположность временно и случайно возникавшему въ народѣ избранномъ пророчеству боговъ иныхъ носить характеръ явленія необходимаго и неизбежнаго. Какъ невозможно было, чтобъ теократія въ своемъ историческомъ развитіи не подверглась существенному искаженію въ сознаниі и жизни большей части народа, такъ невозможно было, чтобъ не появилось ложное пророчество Іеговы. Этою его историческою необходимостью объясняется и то обстоятельство, что Моисей, предусмотрѣвшій возможность измѣненія въ положеніи теократіи, предвидѣлъ и появленіе ложнаго пророчества Іеговы, и не только предвидѣлъ, но и опредѣлилъ его существенныя свойства и признаки и тѣмъ самымъ предуказалъ отчасти даже и время его происхожденія. Сущность ложнаго пророчества Іеговы Моисей видитъ въ содержаніи его дѣятельности, несогласномъ съ волею и откровеніями Іеговы (Вт. 18, 20), а признакомъ неистинности его считаетъ неисполненіе его предсказанія (Вт. 18, 22). Опредѣляя такимъ образомъ ложное пророчество Іеговы, Моисей указываетъ косвенно на условія и время возникновенія его въ народѣ еврейскомъ. Предсказывая народу то, чего на самомъ дѣлѣ Іегова *не повелѣлъ* (Вт. 18, 20), ложное пророчество Іеговы не могло появиться въ Израилѣ ни во время забвенія религіи Іеговы и поклоненія богамъ чуждымъ,

ни во время подъема и сохраненія въ чистотѣ національнаго религіознаго сознанія. Въ первомъ случаѣ оно не имѣло бы ни какого смысла, во второмъ ни малѣйшаго успѣха, такъ какъ при высокомъ состояніи въ народѣ религіи Іеговы ложь и несостоятельность его легко была бы узнана. Оно могло возникнуть лишь въ тотъ темный періодъ жизни евреевъ, когда религія Іеговы хотя и существовала въ качествѣ религіи національной, но подверглась значительному искаженію и затемнена была примѣсью языческихъ идей, когда, слѣдовательно, трудно было провести грань между тѣмъ, что говорилъ Іегова, и тѣмъ, чего Онъ не говорилъ и не повелѣлъ. И то обстоятельство, что признакомъ неистинности ложнаго пророчества Іеговы Моисей полагаетъ только неисполненіе его предсказаній (Вт. 18, 22), еще болѣе говоритъ въ пользу нашего взгляда, ибо, потерявъ первоначальную чистоту своихъ религіозныхъ воззрѣній, евреи въ сужденіи объ истинности или ложности пророческихъ возвѣщеній, выдаваемыхъ за откровенія Іеговы, могли руководствоваться только такимъ очевиднымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, какъ неисполненіе ихъ.

Итакъ, представляя въ своемъ существѣ искаженіе истиннаго пророчества Господня, ложное пророчество Іеговы могло возникнуть только въ связи съ нимъ и во время и подъ вліяніемъ извращенія религіи Іеговы, составлявшей основу еврейской теократіи. Если мы обратимся къ изслѣдованію фактическихъ условій его происхожденія, то увидимъ, что это наше положеніе не вполнѣ безосновательно. Разсмотримъ сначала вторую часть этого положенія.

Ложное пророчество Іеговы появилось сначала въ царствѣ израильскомъ въ правленіе Ахава (3 Ц. 22 гл. 2 Пар. 18 гл.). Ахавъ, какъ извѣстно, въ угоду жепѣ своей Іезавели ввелъ въ своемъ царствѣ культъ Ваала (3 Ц. 16, 30—32). Этому то обстоятельству Майбаумъ и придаетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи ложнаго пророчества Іеговы. По его мнѣнію, введенное Ахавомъ Ваало—служеніе въ связи съ возникшими въ то время у нѣкоторыхъ пророковъ высокими представленіями объ Іеговѣ, какъ Творцѣ всего міра и Богѣ, вступившемъ во внутренній завѣтъ съ народомъ своимъ—Израи-

лемъ,—и было ближайшей причиной появленія ложныхъ пророковъ Иеговы. Взглядъ этотъ не имѣетъ для себя основаній въ Библии. То раздѣленіе пророчества на истинное и ложное, которое, по утверженію Майбаума, возникло будто бы во время Ахана вслѣдствіе введенія культа Ваала и появленія въ средѣ пророческой высокихъ представленій объ Иеговѣ, при наличности этихъ условій должно было совершиться во всякое другое время. Между тѣмъ библейскія свидѣтельства съ несомнѣнностью говорятъ въ пользу того, что служеніе Ваалу, равно какъ и другимъ языческимъ божествамъ, не сопровождалось тѣми измѣненіями въ развитіи ветхозавѣтнаго пророчества, какія указываетъ Майбаумъ, не сопровождалось во все то время, когда высокія истины религіи Иеговы, существовавшей съ самаго начала исторической жизни Израиля, сохранялись въ чистомъ и неизмѣнномъ видѣ. Хотя Ахавъ и первый изъ царей израильскихъ допустилъ въ своемъ царствѣ служеніе Ваалу, но у евреевъ вообще почитаніе этого божества было явленіемъ далеко не новымъ и не безъизвѣстнымъ. Культъ Ваала весьма распространенъ былъ между народомъ еврейскимъ въ первый періодъ его исторіи, въ періодъ Судей, и однако же въ это время мы не встрѣчаемъ ложныхъ пророковъ Иеговы, не встрѣчаемъ именно потому, что, не смотря на продолжительное служеніе народа Ваалу, религія Иеговы не потерпѣла измѣненій въ своемъ существѣ и не подверглась искаженію въ сознаніи народномъ. Насколько чисты были вѣрованія евреевъ въ тѣ рѣдкіе свѣтлые моменты этой вообще мрачной эпохи, когда они *отставали отъ стропотнаго пути своего и обращались къ Господу Богу* (Суд. 2, 19), съ особенною ясностью открывается изъ пѣсней Деворы пророчицы (Суд. 5 гл.) и Анны, матери Самуиловой (1 Ц. 2, 1—10), заключающихъ самыя высокія представленія себѣ Иеговѣ. Представленія эти были принадлежностью не отдѣльныхъ только лицъ, а и большей части народа. Если бы даже въ Деворѣ пророчицѣ видѣть исключительную личность своего времени, одаренную притомъ же пророческимъ вдохновеніемъ, то нельзя такъ смотрѣть на Анну, мать Самуила. Она не была пророчицей и не выдѣлялась своимъ положеніемъ изъ среды народа. Высказанныя ею

вѣрованія и отличавшее ее благочестіе принадлежали въ равной степени и ея мужу (1 Ц. 1, 3) и даже женѣ безнравственнаго священника Финеса (1 Ц. 4, 21—22) и всему вообще народу. Какъ жива и сильна была вѣра въ могущество и святость Іеговы, видно съ одной стороны изъ того угнетающаго впечатлѣнія, какое произвело на народъ плѣненіе ковчега завѣта (1 Ц. 4, 13), съ другой—изъ того негодованія, какое вызывали въ народѣ соблазнительные поступки нечестивыхъ сыновей первосвященника Илія (1 Ц. 2, 23). Народъ былъ еще молодъ, крѣпокъ и силенъ, и если служилъ инымъ богамъ, то главнымъ образомъ вслѣдствіе политической разобщенности и тѣснаго жизненнаго общенія съ сосѣдями язычниками. Хорошо извѣстная склонность его къ чувственнымъ культамъ чуждыхъ боговъ, такъ часто проявлявшаяся на первыхъ порахъ его исторической жизни, была результатомъ не столько глубокаго развращенія его природы, неспособной къ обновленію, сколько грубыхъ и дикихъ страстей, неупорядоченныхъ еще и не находившихъ для себя преграды вслѣдствіе отсутствія единства и порядка въ его политической и общественной жизни. *Въ тѣ дни, замѣчаетъ священный писатель, не было царя у Израиля: каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ* (Суд. 21, 25). При такомъ положеніи вещей идолослуженіе хотя и было явленіемъ нерѣдкимъ въ это время безначалія и произвола, но не дѣйствовало еще глубоко развращающимъ образомъ на религіозное сознаніе евреевъ, и когда они подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни обращались къ Богу, то дѣлали это вполне искренно, предаваясь Ему всѣмъ сердцемъ и совершенно устраняя боговъ иноземныхъ (1 Ц. 7, 4. 6). Крѣпостью духовныхъ силъ евреевъ, давшею имъ возможность уберечь древнія вѣрованія отцевъ при непрерывномъ почти идолопоклонствѣ, объясняется и тотъ блестящій расцвѣтъ религіи Іеговы, какой мы видимъ въ ихъ жизни въ царствованія Давида и Соломона. Не только въ первый періодъ исторіи евреевъ, а и въ болѣе позднее время ихъ жизни служеніе Ваалу и вообще идолопоклонство не имѣло тѣхъ послѣдствій для ветхозавѣтнаго пророчества, какія оно должно было бы имѣть по представленію Майбаума. Уже при пер-

вомъ іудейскомъ царѣ, Ровоамѣ іудеи устроили у себя высоты, и статуи, и капища на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ и дѣлами мерзости всѣхъ тѣхъ народовъ, которыхъ Господь изгналъ предъ лицемъ сыновъ Израилевыхъ (3 Ц. 14, 23—24). Также поступали они и при преемникѣ Ровоама, Авии (3 Ц. 15, 3), и въ царствованіе Іорама, Охозии и (матери этого послѣдняго) Гоолии, установившихъ, по примѣру Ахава израильскаго, служеніе Ваалу (4 Ц. 8, 18. 27, 11, 18). И не смотря даже на то, что идолослуженіе іудеевъ вызывало обличенія со стороны истинныхъ пророковъ (2 Пар. 12, 5), мы не видимъ существованія ложныхъ пророковъ Іеговы, такъ какъ и въ это время религіозныя воззрѣнія іудеевъ сохраняли еще первоначальную свою чистоту (2 Пар. 13, 4—12), и привязанность къ почитанію Іеговы была сильна еще какъ въ народѣ, такъ и въ правящихъ его классахъ. То дружное участіе, которое принимали въ уничтоженіи культа и храма Ваала первосвященникъ Іодай, священники и левиты, главы поколѣній Израилевыхъ (2 Пар. 23, 1—3. 4 Ц. 11, 4—9) и весь народъ (4 Ц. 11, 18. 2 Пар. 23, 17), можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ только нерасположеніемъ іудеевъ къ культу этого божества, введенному и поддерживаемому силою ¹⁾).

¹⁾ Можно думать, что культъ Ваала введенъ былъ въ царствѣ іудейскомъ силою. Основаніемъ къ такому предположенію служитъ свидѣтельство 2 Пар. 21, 4, по которому Іорамъ, установившій служеніе Ваалу (4 Ц. 8, 18), вступая на престолъ, умертвилъ всѣхъ своихъ братьевъ и нѣкоторыхъ князей израилевыхъ. Правда, Эвальдъ и Кейль полагаютъ, что Іорамъ поступилъ такъ изъ желанія завладѣть имуществомъ братьевъ, доставшимся имъ отъ отца ихъ, (Іосафата 2 Пар. 21, 3. Ewald. Geschichte des Volkes Jsrael. Göttingen. 1866. Band III. S. 563. Keil. Die Bücher d. Könige. S. 279). Однако этотъ мотивъ убійства едва ли можно признать вѣроятнымъ. Если бы Іорамъ дѣйствительно руководился корыстолюбивыми побужденіями въ убійствѣ братьевъ, то для какой же цѣли онъ умертвилъ вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыхъ князей. Гораздо правдоподобнѣе, поэтому, предположеніе Бэра и Боклера, что Іорамъ умертвилъ братьевъ и князей изъ опасенія встрѣтить со стороны ихъ серьезное противодѣйствіе къ введенію культа Ваала, ибо братья его, по замѣчанію 2 Пар. 21, 13 были лучше его и, какъ лучшія дѣти благочестиваго Іосафата, вмѣстѣ съ благомыслящими князьями могли оказать немалое препятствіе религіозной реформѣ Іорама, предпринятой исключительно по вліянію нечестивой жены его, дочери Ахава и Іезавели (4 Ц. 8, 18. 2 Пар. 21, 6. Lange. Theologisch—homiletisches Bibelwerk. Die Bücher Chronik von O. Zöckler. Bielefeld und Leipzig. 1874. S. 253. Die Bücher d. Könige. S. 320).

Итакъ, мы видимъ, что существовавшее по временамъ въ народѣ еврейскомъ служеніе Ваалу не сопровождалось появленіемъ ложныхъ пророковъ Іеговы. Если, поѣтому, культъ Ваала существовалъ въ царствѣ израильскомъ и въ правленіе Ахава (3 Ц. 16, 31—32. 18, 18—19), то въ зависимость отъ него ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить впервые появившагося въ это время ложнаго пророчества Іеговы. Ближайшую причину возникновенія этого по характеру своему религіозно-общественнаго явленія нужно искать не въ культѣ Ваала, а въ состояніи религіи Іеговы въ сознаніи и жизни народа израильскаго. Дѣйствительно, въ религіозномъ состояніи израильтянъ въ царствованіе Ахава замѣчается важная особенность, раньше не наблюдавшаяся. До этого времени культъ Ваала, независимо отъ степени своего распространенія среди евреевъ, хотя и существовалъ одновременно съ религіей Іеговы, всегда имѣвшей вѣрныхъ своихъ служителей, но совершенно самостоятельно и отдѣльно, какъ особый и отличный отъ нея культъ. Въ представленіи народномъ Іегова не смѣшивался съ Вааломъ и наоборотъ. Покланяясь Ваалу и Астартѣ, сыны израилевы забывали Господа Бога своего (Суд. 3, 7. 8, 33—34. 2, 11—13) и когда обращались къ Іеговѣ, служили Ему одному и удаляли Вааловъ и Астартъ (1 Ц. 7, 4). Такъ сохранилось въ народѣ сознание отличія Іеговы отъ Ваала и невозможности совмѣстнаго ихъ почитанія во время наибольшаго распространенія культа Ваала, въ періодъ Судей. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху первыхъ трехъ царей еврейскихъ, въ эпоху общаго оживленнаго движенія въ пользу религіи Іеговы, этотъ грубо—чувственный культъ ханаанскихъ народовъ совершенно былъ вытѣсненъ вѣрою въ истиннаго Бога и совсѣмъ забытъ былъ евреями. Снова онъ появился уже послѣ раздѣленія царства въ царствѣ іудейскомъ при преемникахъ Соломона, Ровоамѣ и Авии ¹⁾, но и въ это время, не смѣшиваясь съ почитаніемъ Іеговы, существовалъ какъ совершенно особый, самостоятельный иноземный культъ, если не безусловно дозволенный, то во всякомъ случаѣ терпи-

1) 3 Ц. 14, 23. Слова: *и устроили они высты* указываютъ на культъ Ваала и Астарты. Lange. Die Bücher d. Könige. S. 153. Keil. Die Bücher d. Könige. S. 176 ср. 3 Ц. 15, 13.

мый и непреслѣдуемый іудейскимъ правительствомъ. Соблазнительный примѣръ покровительственнаго отношенія къ иноземнымъ культамъ, противнаго основнымъ требованіямъ еврейской теократіи (Исх. 34, 13—14. Вт. 7, 5—6. 12, 2—3 и др.), подалъ, какъ извѣстно, царь Соломонъ, устроившій въ Іерусалимѣ для чужестранныхъ своихъ женъ капища Молоху, Хамосу и другимъ языческимъ божествамъ (3 Ц. 11, 7—8 ср. 4 Ц. 23, 13) ¹⁾. Ему подражали его преемники, терпимо относившіеся къ проникавшимъ въ среду іудеевъ иностраннымъ культамъ, и допускавшіе существованіе ихъ рядомъ съ господствовавшимъ служеніемъ Іеговѣ. По крайней мѣрѣ, только при такомъ предположеніи возможно разъясненіе того видимаго противорѣчія, которое замѣтно выступаетъ въ сказаніяхъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ объ іудейскомъ царѣ Авіа. По сказанію книги Царствъ, Авіа поддерживалъ введенное отцомъ его, Ровоамомъ идолослуженіе и ходилъ во всѣхъ грѣхахъ его (3 Ц. 15, 3. 12. 13 ср. 14, 22—24), тогда какъ въ книгѣ Паралипоменонъ онъ представляется не только ревностнымъ хранителемъ религіи Іеговы, но и строгимъ обличителемъ идолослуженія. Противорѣчіе это можно устранить тѣмъ предположеніемъ, что Авіа, будучи исповѣдникомъ религіи Іеговы и вѣрнымъ хранителемъ ея установленій, соблюдавшихся въ его время во всей точности и чистотѣ (2 Пар. 13, 10—12), допускалъ въ своемъ царствѣ существованіе иноземныхъ культовъ и въ всякомъ случаѣ не преслѣдовалъ ихъ ²⁾. Въ его

¹⁾ Многіе изслѣдователи склоняются къ тому вполне вѣроятному предположенію, что Соломонъ до конца своей жизни остался почитателемъ одного только Іеговы и лично не принималъ никакого участія въ идолослуженіи. Вся вина его въ томъ, что онъ своимъ чужеземнымъ женамъ разрѣшилъ служить идоламъ, позволилъ воздвигнуть для нихъ капища и, допустивъ, такимъ образомъ, открытое идолопоклонство рядомъ съ служеніемъ Іеговѣ, Богу истинному, нарушилъ основную заповѣдь закона Божія (Исх. 20, 3). Lange. Bücher d. Könige. S. 106—110. Ewald. Geschichte d. V. Isr. III. S. 378—379. Küper. Das Prophetenthum d. Alt. Bundes. S. 106. Вержболовичъ. Пророческое служеніе въ израильскомъ царствѣ. Стр. 49.

²⁾ Подобное же противорѣчіе, точно такимъ же образомъ устранимое, замѣтно и въ отзывѣхъ священныхъ писателей о Ровоамѣ (3 Ц. 14, 28. 2 Пар. 12, II ср. 2 Пар. 12, 14). По мнѣнію Бэра, Ровоамъ и Авіа, исповѣдудъ религію Іеговы, терпимо относились къ существовавшему въ ихъ время идолослуженію и не при-

царствованіе Вааль почитался, слѣдовательно, какъ совершенно особое, отличное отъ Іеговы и при томъ иноземное божество и, какъ видно изъ 2 Пар. 13, 10—12, предполагающихъ самое широкое распространеніе религіи Іеговы, имѣлъ въ средѣ іудеевъ весьма ограниченное число служителей. Такое же обособленное и замкнутое положеніе занималъ культъ Ваала и въ правленіе родственныхъ дому Ахава іудейскихъ царей,—Іорама, Охозіи и (царицы) Гоооли. Въ ихъ время въ Іерусалимѣ существовало особое капище Ваалово, имѣвшее собственнаго жреца Матеана (4 Ц. 11, 18 ср. 2 Пар. 23, 17) ¹⁾, а это обстоятельство служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ царствѣ іудейскомъ даже и послѣ времени Ахава Вааль почитался, какъ божество совершенно отличное отъ Іеговы.

Свящ. В. Шингаревъ.

(Продолженіе будетъ).

нимали мѣръ къ его искорененію. Іерусалимъ и при нихъ попрежнему оставался центромъ почитанія Іеговы, и хотя рядомъ въ законнымъ культѣ существовали въ немъ и языческіе иноземные культы, но они были только терпимы и не преслѣдуемы правительствомъ. Lange. Die Bücher d. Könige. S. S. 154. 156. 158. Точно такъ же опредѣляетъ отношеніе къ идолопоклонству первыхъ царей іудейскихъ и историкъ Гретцъ. „Если Соломонъ, говоритъ онъ, для своихъ языческихъ женъ допускалъ капища, то Ровоамъ не настолько былъ строгъ, чтобъ запрещать ихъ. Его жена Мааха, особенное пристрастіе имѣвшая къ безнравственнымъ хабаанскимъ культамъ, поддерживала блудниковъ и поставила въ своемъ дворцѣ истуканъ Астарты. Ровоамъ терпѣлъ все это. Такъ же снисходительно относился къ идолослуженію Маахи и сынъ его Abier. Graetz. Geschichte der Juden, II Band. Erste Hälfte. Leipzig. S. 15—16.

¹⁾ Гениусъ совершенно неосновательно изъ 2 Пар. 24, 7 выводитъ заключеніе будто капище Ваала (4 Ц. 11, 18. 2 Пар. 23, 17) устроено было въ области храма Іеговы (Bücher d. Könige. S. 337). Въ 2 Пар. 24, 7 говорится только то, что Гоооли и сыновья ея *все посвященное для дома Господня употребили для Вааловъ*, т. е. воспользовались для капища Ваалова хранившимися въ храмѣ дорогими священными принадлежностями. Само же капище Ваала сооружено было несомнѣнно въ другомъ мѣстѣ, отдѣльно отъ храма Господня, и имѣло особаго жреца, дѣйствовавшаго совершенно независимо отъ первосвященника Іодая, и, конечно, не въ одномъ съ нимъ мѣстѣ. Keil. Die Bücher d. Könige. S. 299. 302. Lange. Die Bücher d. Könige. S. 346. Die Bücher d. Chronik. S. 267.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

II.

Борьба св. Льва съ ересями.

а) Борьба противъ Пелагіанъ.

Ересь пелагіанская была еще сильна и при св. Левѣ, не смотря на дѣятельность его предшественника Сикста III. Особенно она была распространена въ правленіе св. Льва въ верхней Италіи и Галіи. Распространенію здѣсь Пелагіанства содѣйствовалъ извѣстный Юліанъ, бывшій епископъ Екланскій, бѣжавшій сюда послѣ своихъ неудачъ въ Римѣ и Константинополѣ. Распространеніе ереси было настолько сильно, что въ Аквилеѣ „нѣкоторые пресвитеры, діаконы и клирики различныхъ степеней принимались въ общеніе, не отказавшись предварительно отъ ересей“ (Ер. I, 1).

Это „бездѣйствіе пастырской стражи“ обратило на себя вниманіе Септимія, еп. Алтинскаго (Altineusis). Онъ донесъ объ этомъ св. Льву. Св. Левъ тотчасъ отправилъ къ нему и къ Аквилейскому епископу ¹⁾ посланія (Ер. I и II). Въ обоихъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 9, за 1897 г.

¹⁾ Кто былъ въ это время еписк. въ Аквилеѣ, неизвѣстно. Сассиарі (въ своихъ *Dissertationes de Pelagiani heresi cap. VI. Migne LV. стр. 1080*) думаетъ, что это былъ Іануарій, къ которому написано письмо XVIII (по Сассе. XIV), также по поводу пелагіанской ереси.

Но XVIII письмо составлено частію изъ II (начало), частію изъ I (конецъ). Кажется страннымъ, что св. Левъ послалъ Іануарію два почти одинаковыхъ письма, конецъ которыхъ буквально сходенъ.

этихъ посланіяхъ св. Левъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что въ Господней овчарнѣ явились подъ видомъ овецъ волки, нарушающіе церковныя правила. Они любятъ оставлять тѣ церкви, гдѣ они были поставлены и постоянно блуждать (*semper errare*) по другимъ церквамъ, всюду развращая сердца ложнымъ знаніемъ (*per falsi nominis scientiam multorum corda corrumpunt*). Будучи уличены въ ереси, они стараются опять войти въ церковное общеніе, чтобы опять совращать другихъ. Этого не было бы, если-бы предстоятели церквей (*Ecclesiarum praesules*) соблюдали необходимую осторожность (*necessariam diligentiam*) при ихъ приѣмѣ въ общеніе. Для прекращенія ереси св. Левъ требуетъ, чтобы былъ собранъ соборъ изъ мѣстныхъ священниковъ (*congregata apud vos synoda provincialium sacerdotum*). Всѣ принятыя въ общеніе, но не осудившіе предварительно ереси, должны публично осудить ее; это имъ не повредитъ, а напротивъ, принесетъ пользу. Они должны собственноручно (*propria manu*) подписать всѣ утвержденныя апостольскимъ престоломъ соборныя опредѣленія (*decreta synodalia, quae ad excisionem hujus haereseos apostolicae sedis confirmavit auctoritas*), направленные къ уничтоженію этой ереси. Въ ихъ словахъ не должно быть ничего темнаго и двусмысленнаго.

Кто не подчинится этимъ требованіямъ, будетъ ли это клирикъ или мірянинъ, долженъ быть лишенъ церковнаго общенія, чтобы, погубивъ свою душу, онъ не могъ повредить душѣ другаго.

Кенель, Антельми и въ новѣйшее время Langen (стр. 5) заподозриваютъ самую подлинность письма XVIII. Беллерини на основаніи многихъ манускриптовъ утверждаютъ подлинность XVIII письма и думаютъ, что 1-е написано не къ Януарію, а къ его предшественнику (вѣроятно Максиму). Этимъ объясняется тождественность концовъ письма I и XVIII, особенно если приять во вниманіе, что св. Левъ имѣлъ привычку нѣкоторыя письма составлять изъ своихъ предъидущихъ, (напр. 149, 150; 124, 165). Время написанія I и II писемъ Кенель относитъ къ 444, Антельми 447, а Беллерини 442. Установить что нибудь твердое относительно этихъ писемъ трудно. Мнѣніе братьевъ Беллерини, кажется, болѣе правдоподобнымъ, хотя основанія для него болѣе чѣмъ шатки. Они основываются на сообщеніи неизвѣстнаго автора (Du-Pin, IV, 189).—„De promissionibus et praedictionibus Dei pars IV c. 6: In Italia..... dum..... papa Leo Manicheus subverteret et contereret Pelagianos..... ambiens tum quidam Florigus и т. д.“ Здѣсь относительно пелагіанъ говорится contereret. Слѣдовательно св. Левъ противъ нихъ дѣйствовалъ прежде, чѣмъ относительно Манхеевъ.

Отъ клириковъ, переходящихъ отъ церкви къ церкви, должно потребовать, чтобы они возвратились къ тѣмъ церквамъ гдѣ были поставлены: не желающій подчиниться этому требованію долженъ быть лишенъ преимуществъ чести и церковнаго общенія (*ab honoris privilegio, et a communionis vinculo habeatur extraneus*).

Этими мѣрами Пелагіанство, конечно, было ослаблено; но далеко еще было до его полнаго уничтоженія. Св. Левъ. долженъ былъ бороться съ нимъ до конца своей жизни. Доказательствами этого является: 1) письмо XVIII къ Январію Аквилейскому, которое по всей вѣроятности написано противъ Пелагіанъ, хотя здѣсь они прямо и не упоминаются. Написано оно 30 декабря (III Cal. Jan., по другимъ рукоп. въ іюль) 447 года. Что оно написано противъ Пелагіанъ, это видно изъ того, что а) оно составлено изъ I и II писемъ, направленныхъ противъ Пелагіанъ; б) оно было послано къ Аквилейскому епископу, въ епархіи котораго пелагіанство было особенно распространено (Ер. I. 1). 2) Сообщение констант. патриарха Фотія (Bibl. I. 54), что „нѣкоторые свободно разсуждали о ереси въ самомъ Римѣ, когда еще на Римскомъ престолѣ былъ Левъ. Но они исчезли, когда нѣкто Просперъ, по истинѣ Божій человекъ, издалъ противъ нихъ сочиненіе“.

б) Воряба противъ Манихеевъ.

Въ концѣ 443 г. св. Левъ получилъ извѣстіе, что въ Римѣ чрезвычайно умножились Манихеи. Причиною этого умноженія было завоеваніе Африки Гензерихомъ въ 439 г. Изъ страха предъ грознымъ завоевателемъ, не отличавшимся вообще благосклонностію къ покореннымъ, многіе изъ нихъ переселились изъ Африки въ Римъ. Здѣсь они жили скромно, не обнаруживая своего ученія вѣроятно изъ боязни строгихъ законовъ относительно нихъ въ Римской имперіи. (Деокл. 290 г. Валентиніана I, 372, Граціана 379, Θεодосія I, 381, Θεодосія II и Валентиніана II, 425 г. Тексты нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ смотр. у Gieseler, Lehrb. d. Kirchg. I, 415). Но эта скромность имъ помогла не надолго.

Получивъ извѣстіе о Манихеяхъ, св. Левъ тотчасъ собираетъ

соборъ, гдѣ кромѣ епископовъ и пресвитеровъ, присутствовали многіе изъ знатныхъ римлянъ ¹⁾. На этомъ соборѣ было произведено нѣчто въ родѣ суда надъ Манихеями. „Были приведены, рассказываетъ самъ св. Левъ (S. XVI, 4), избранные и избранныя (*Electi et Electae*). Послѣ разказа о развращенномъ своемъ ученіи и препровожденіи своихъ праздниковъ, они между прочимъ сознались въ такомъ преступленіи, о которомъ стыдно говорить. Это преступленіе изслѣдовано съ такою тщательностію, что даже для мало вѣрующихъ и порицающихъ насъ не можетъ быть въ этомъ ни какого сомнѣнія. Присутствовали всѣ лица, которые совершили невыразимое преступленіе т. е., дѣвочка, которой не болѣе 10 лѣтъ, и двѣ женщины, которыя воспитали ее и приготовили для этого преступленія. Тутъ былъ также и мальчикъ, растлитель дѣвочки и ихъ епископъ (*episcopus*), который устроилъ это отвратительное дѣло. Они всѣ сознались въ этомъ (*hinc omnium par fuit et una confessio*) (ср. Е. XV, 16). Таковы результаты слѣдствія, произведеннаго св. Львомъ.

Дѣлая всѣмъ извѣстными дѣянія манихеевъ, св. Левъ преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы поселить въ своей паствѣ отвращеніе къ практической сторонѣ манихейства, какъ наиболѣе понятной для простыхъ слушателей и наиболѣе бросающейся въ глаза. Впрочемъ св. Левъ не оставляетъ безъ вниманія и теоретической стороны манихейства. Онъ во многихъ своихъ проповѣдяхъ (IX, XVI, XXIV, XXVI, XXXIV, XLII, LXXVI) излагаетъ и опровергаетъ манихейское ученіе, такъ что изъ его проповѣдей можно составить довольно полное представленіе о манихействѣ и его отношеніи къ христіанству.

Манихейство, по мнѣнію св. Льва, составлено изъ различныхъ элементовъ. „Что было дурнаго у язычниковъ, что было темнаго у плотскихъ Іудеевъ, что было не позволеннаго въ тайнахъ волшебнаго искусства, что наконецъ было святетатственнаго и богохульнаго во всѣхъ ересяхъ, все это стеклось къ нимъ въ смѣси всѣхъ нечистотъ, какъ бы въ какую помойную яму (*sentina*)“ (Serm. XVI, 4).

¹⁾ Residentibus mecum episcopis ac presbyteris, ac in eundem concessum christianis viris ac nobilibus congregatis (S. XVI, 4).

Ереси Арія, Македонія, Аполлинарія и другія, которыхъ анаемствоваала Православная церковь, всѣ онѣ имѣютъ нѣчто такое, что можно отдѣлить отъ достойнаго осужденія; „въ преступнѣйшемъ же ученіи Манихеевъ нѣтъ ничего, что хотя отчасти можно было-бы признать терпимымъ“ (S. XXIV, 5).

Основатель этого „гнуснаго суевѣрія“ Манесъ. Этотъ „служитель діавольской лжи сталъ извѣстенъ спустя 260 лѣтъ послѣ воскресенія Господа при консулахъ Пробѣ (впослѣдствіи) императорѣ и Павлинѣ, когда уже свирѣпствовало 8-е гоненіе на христіанъ ¹⁾).

Манихеи думаютъ, что въ Манесѣ, этомъ „обольстителѣ несчастныхъ“, явился Духъ Святыи Параклитъ, обѣщанныи Богомъ, который наставилъ своихъ учениковъ на всякую истину и открылъ имъ никогда не познанныя тайны прошедшихъ вѣковъ (S. LXXVI, 6).

Въ ученіи Манихеевъ св. Левъ особенно обращалъ вниманіе на „діавольское нечестіе“—на извращеніе въ немъ христіанскаго догмата о воплощеніи. „Для убійства душъ, обманутыхъ ими, они соткали (texuerunt) изъ нечестивой сказочной лжи смертоносный вымыселъ нечестиваго ученія и чрезъ эти обломки нелѣпыхъ мыслей они быстро спустились до того, что стали признавать во Христѣ призрачное тѣло (ut sibi falsi corporis fingerent Christum), которое для глазъ и дѣйствій (actionibus) людей не представляло изъ себя ничего твердаго, ничего истиннаго; но только показывало пустой видъ мнимаго тѣла.

Имъ угодно считать недостойнымъ довѣрія, что-бы Богъ, Сынъ Божій, вошелъ въ женскую утробу и подвергъ этому по-

¹⁾ Manes... eo tempore... innotuit, quo post resurrectionem Domini ducentesimus et sexagesimus annus impletus est, Probo impreatore Paulinoque consulibus cum octava jam in Christianos persecutio desaeviret (S. LXXVI, 6). Беллерини основательно замѣчаютъ, что св. Левъ говоритъ здѣсь со словъ хроники Проспера (Migne. LIV, 540—3). Здѣсь св. Левъ согласно Просперу разумѣетъ гоненіе Авреліана, которое Просперъ считаетъ осмымъ. Затрудненіе заключается въ обозначеніи времени. Время, о которомъ говоритъ св. Левъ, было лѣтъ на 10 раньше. Авреліанъ царствовалъ съ 270—275 г. по Р. Х. Св. Левъ считалъ года не отъ Рождества Спасителя, а отъ страданій и смерти Его (какъ это дѣлаетъ и Просперъ), долженъ былъ бы считать 245 или въ крайнемъ случаѣ 250. Очевидно, св. Левъ говоритъ здѣсь съ приблизительною точностію.

ношенію свое величіе; чтобы Онъ, смѣшавшись съ природою тѣла, родился въ истинной сущности человѣческаго тѣла. Между тѣмъ это дѣло не поношеніе для Него, но выраженіе Его могущества; и считать его нужно не оскверненіемъ, но славною честію“ (Ser. XXIV, 4). Не признавая во Христѣ воплотившагося Бога, Манихеи „отрицаютъ, что Онъ былъ распятъ за спасеніе міра; отрицаютъ, что изъ прободеннаго копіемъ ребра истекла кровь искупленія и вода крещенія; отрицаютъ, что Онъ былъ погребенъ и въ третій день воскресъ; отрицаютъ, что Онъ былъ превознесенъ въ виду всѣхъ учениковъ выше всѣхъ небесъ“ (Ів. с. 4). „А такъ какъ это великое и неизреченное таинство возвѣщено всѣми свидѣтельствами святыхъ Писаній, то эти противники истины презрѣли законъ, данный чрезъ Моисея, и указанія пророковъ, вдохновенныхъ свыше, и самыя даже евангельскія и апостольскія писанія исказили, свое выбрасывая изъ нихъ, а другое внося съ имени апостоловъ и съ авторитетомъ словъ Самаго Спасителя, вымышляя себѣ и пуская въ свѣтъ многія ложныя кѣги, которыми они подкрѣпляли вымыслы своего заблужденія и вливали смертоносный ядъ въ умы уловляемыхъ ими. Манихеи искажаютъ и церковныя постановленія. Такъ одинъ изъ самыхъ великихъ церковныхъ праздниковъ—праздникъ въ честь Рождества Христа Спасителя они празднуютъ только потому, что въ это время приходится рожденіе новаго солнца—переходъ его отъ зимняго стоянія къ лѣтнему¹⁾).

Манихеи особенно привлекали къ себѣ православныхъ внѣшнимъ благочестіемъ и постами. Поэтому св. Левъ старается показать своимъ слушателямъ, какова эта праведность и благочестіе и чѣмъ они обусловливаются.

Христіане воздерживаются отъ извѣстнаго рода пищи не потому, что считаютъ его нечистымъ, сквернымъ, а потому, что воздержаніе это уничтожаетъ тѣлесныя страсти и подчи-

¹⁾ Св. Левъ не выясняетъ (суди по тому, что до насъ дошло отъ него) во всей полнотѣ и точности, въ чемъ именно состояло это поклоненіе солнцу. Изъ его твореній (S. XXXIV, 4) видно только то, что Манихеи почитаютъ въ солнцѣ и лунѣ—Христа; въ честь солнца и луны они празднуютъ воскресенье и понедѣльникъ (*prima et secunda sabbati*. S. XLII, 5, Ер. XV, 4, Ер. CXXXIII, V).

няеть плоть духу. Манихеи напротивъ воздерживаются отъ извѣстнаго рода пищи потому, что считаютъ его нечистымъ, созданнымъ не Богомъ, но діаволомъ. Между тѣмъ „совершенно нѣтъ никакой злой субстанціи и даже зло не имѣеть, никакой природы (*nulla sit substantia mala, nec ipsius mali sit ulla natura*). Ибо благой Творецъ все создалъ добрымъ и одинъ виновникъ всѣхъ вещей, сотворившій небо и землю, море и вся, яже въ нихъ (Пс. СXLV, 6). Все, что позволено употреблять въ пищу и питіе, все свято и чисто въ качествѣ своего рода. Если что употребляется съ неумѣренною жадностію, то вредитъ піющимъ и ядущимъ излишество, но не оскверняетъ ихъ природа пищи и питія: вся-бо, по слову апостола, чиста чистымъ (Тим. 1. 13) (СXLII, 4). Между прочимъ Манихеи воздерживаются отъ вина и простираютъ это до того, „что недостойными устами принимаютъ только тѣло Христово, и совершенно уклоняются отъ принятія крови нашего искупленія“ (S. XLII. 5). Манихеи очевидно имѣли не мало приверженцевъ какъ въ Римѣ, такъ и въ Италиі. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ дѣятельности св. Льва противъ нихъ какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ Италиі вообще.

Св. Левъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ не имѣть никакого общенія съ еретиками, не заводить съ ними никакихъ знакомствъ. Особенно св. Левъ проситъ объ этомъ женщинъ (S. XVI, 5), которыхъ особенно, вѣроятно, привлекали „ихъ посты, простота одежды, блѣдныя лица“.

Такъ какъ ересь, въ виду строгихъ законовъ, направленныхъ противъ нихъ, не могла распространяться иначе, какъ только тайно, то св. Левъ всѣми силами старался открыть ихъ тайныя убѣжища. Онъ увѣщаетъ своихъ слушателей, чтобы они доносили пресвитерамъ, если кому нибудь изъ нихъ удасться узнать, гдѣ собираются еретики.

„Ибо великое благочестіе (говоритъ онъ) открывать убѣжища нечестивыхъ и въ нихъ наносить удары самому діаволу, которому они служатъ. Противъ нихъ съ оружіемъ вѣры нужно подняться всей вселенской церкви; но ваше благочестіе въ

этомъ дѣлѣ должно проявиться по преимуществу, такъ какъ въ лицѣ предковъ своихъ вы услышали Евангеліе о крестѣ Христовомъ изъ устъ блаженнѣйшихъ Петра и Павла“ (S. IX, 4) ¹⁾. „Увѣщаніе это приложено къ слову о милостынѣ, говоренному по случаю особаго благотворительнаго учрежденія въ Римской церкви и прямой связи не имѣетъ съ предметомъ слова. Видно, что открытіе въ Римѣ ереси глубоко заняло душу епископа“ (Пѣвн. 2, 238). Но св. Левъ былъ озабоченъ искорененіемъ ереси не только въ предѣлахъ Рима, но и всей Италіи вообще. Многіе Манихеи бѣжали отъ преслѣдованій въ Римъ въ другія мѣста Италіи и здѣсь опять продолжали распространять свое ученіе. Это побудило св. Льва издать (30 января 444 г.) окружное посланіе къ Италіанскимъ епископамъ (Ер. VII). Въ этомъ посланіи св. Левъ призываетъ епископовъ къ содѣйствию въ его заботахъ относительно искорененія дѣвольской лести.

Разсказывая объ открытіи въ Римѣ множества послѣдователей и учителей манихейскаго нечестія и о мѣрахъ, принятыхъ противъ распространенія его, св. Левъ побуждаетъ своихъ собратьевъ къ вниманію и бдительности, чтобы среди ихъ паствы не было манихейскаго развращенія и его учителей (*doctores*), особенно бѣжавшихъ изъ Рима.

Св. Левъ побуждаетъ къ дѣятельности противъ манихейства и свѣтскую власть. Онъ ходатайствуетъ предъ императоромъ Валентиніаномъ III относительно изданія закона противъ еретиковъ. Валентиніанъ издалъ очень строгій Эдиктъ (Ер. VIII 19 Іюня 445 г.). Манихейство въ этомъ Эдиктѣ признавалось государственнымъ преступленіемъ (*publicum crimen*). На манихеевъ имѣетъ право доносить всякій, не подвергаясь опасности за это когда либо и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ быть обвиненнымъ. Никто не имѣетъ права скрывать ихъ, или вступать съ ними въ какія либо сношенія. Всѣ законы противъ нихъ прежнихъ императоровъ остаются въ силѣ. Манихеи не имѣютъ права поступать въ военную служ-

¹⁾ Эта и предыдущія тирады о манихействѣ приведены въ переводѣ Пѣвническаго.

бу и жить въ городахъ, чтобы они не могли уловить кого либо изъ невинныхъ. Они лишаются права получать наслѣдство и дѣлать завѣщанія; они не имѣютъ права искать судебной защиты отъ несправедливостей и притѣсненій, не имѣютъ права заключать какія либо условія, сдѣлки. Начальникъ, допустившій служить въ войскѣ Манихея, наказывается штрафомъ въ 10 фунтовъ золота (римскій фунтъ=0,8 нашего фунта). Вообще, никакая мѣра не можетъ быть признана слишкомъ жестокой для тѣхъ, чье скверное развращеніе подъ видомъ религіи совершаетъ то, чего не знаютъ и стыдятся даже мѣста разврата (*lupanaria*).

Само собою разумѣется, что такія мѣры должны были имѣть дѣйствіе. Они не уничтожили, конечно, ереси (Ер. XV, 16), но сильно препятствовали ея распространенію въ Италіи.

с) Воряба противъ Присцилліанъ.

Въ 447 году св. Левъ былъ извѣщенъ Туррибіемъ, епископомъ Астурійскимъ, что въ Испаніи „опять возникла болѣзнь заблужденій изъ остатковъ старой язвы“, опять „стали разогрѣвать смраднѣйшую помойную яму (*sentina*) Присцилліанистовъ ¹⁾).

¹⁾ Вопросъ о Присцилліанѣ и Присцилліанистахъ въ настоящее время, благодаря открытію и изданію сочиненій Присцилліана, можно считать значительно выясненнымъ. (Сочиненія Присцилліана открыты Шеллсомъ и изданы въ 1889 году въ XVIII томѣ *corpus'а scriptorum ecclesiae latinae*). Присцилліанъ, основатель секты его имени, по сообщенію Сульпиція Севера (*Sulp. Severus. Historia sacra, lib. II, с. 46* у *Migne, P. L. XX, 155*) происходилъ изъ знатной фамиліи, былъ человекъ образованный (*multa lectione eruditus*), остроумный, краснорѣчливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойный и склонный къ спорамъ. Онъ отличался большой нестяжательностію и воздержностію (*vigilare multum famem ac sitim ferre poterat, habendi minime cupidus utendi... parcissimus*). Впрочемъ, не смотря на свои добродѣтели, онъ былъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ гордился знаніемъ свѣтскихъ наукъ, чтобы можно было сомнѣваться въ томъ, что онъ еще съ молодости не занимался магіей (*sed idem vanissimus et plus iusto inflatior profanarum rerum scientia, quin et magicas artes ab adolescentis eum exercuisse creditum est*).

Краткая характеристика Сульпиція Севера въ общемъ замѣчательно правдива и согласна какъ съ характеромъ открытыхъ сочиненій Присцилліана, такъ и со всей его дѣятельностію. На основаніи ново-открытыхъ его сочиненій, правда, нельзя его обвинять во всемъ томъ, въ чемъ обвиняли впоследствии основанную имъ секту. Но въ нихъ очень много *новодовъ* къ этому обвиненію. Такъ онъ пре-

Причиной распространенія этой секты вѣроятно было вторженіе въ Испанію въ началѣ IV вѣка разныхъ народовъ, отвлекшее отъ нихъ вниманіе правительства въ другую сторону. Секта быстро возросла и обратила на себя вниманіе Туррибія, дѣятельно принявшагося за ея уничтоженіе. Кромѣ св. Льва, онъ извѣстилъ еще посланіями епископовъ Идація (Idacius) и Цепонія (Ceponius), побуждая ихъ быть внимательными къ „сѣющимъ плевелы и злыя ученія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ какіе апокрифы особенно уважаются Присцилліанистами, именно: Acta S. Thomae, S. Andreae, S. Iohannis и особенно „злословнѣйшія“ (blasphemiissimo illo libro) Memoria Apostolorum, „извращающія законъ Господень и разрушающія законъ Ветхаго Завета“ (Migne XLIV, 693—695). Къ св. Льву кромѣ упомянутаго уже извѣщенія (св. Левъ называетъ его Epistolam familiarem. Ep. XV, 17.), Туррибіій послалъ еще: 1) Commonitorium въ XVI главахъ, содержащей

увеличиваетъ значеніе апокрифовъ (liber de apocryphis. Opp. 44—56). Въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ есть разсужденія, сильно напоминающія Савелліанство (въ трактатѣ: Benedictio super fideles, Opp. 103—106: Unus Deus crederis, invisibilis in patre, visibilis in filio et unicus in opus duorum sanctus spiritus inveneris).

Любопытно то, что онъ отвергаетъ (въ Tractatus Genesis, Opp. 62—63) мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что міръ не сотворенъ, но существовалъ постоянно (non factum, sed perpetuum fuisse mundum) и тѣхъ, которые думаютъ, что все существующее сотворено не Богомъ (nihil in his, quae apparent, Deum fecisse), т. е. какъ разъ тѣ мнѣнія, въ которыхъ обвиняли и его, и его послѣдователей. На соборѣ, который былъ собранъ въ 380 году противъ него въ Сарагоссѣ (Caesaraugusta), онъ не былъ лично осужденъ: осуждены только разные гностическія и манихейскія мнѣнія, разные уклоненія отъ церковной дисциплины, въ которыхъ Присцилліанъ не признавалъ себя виновнымъ (см. его liber apolog. Opp. — 3—33, написанный вѣроятно къ о.о. этого собора). Вскорѣ послѣ собора онъ былъ поставленъ своими единомышленниками, епископами Салвіаномъ и Инстаціемъ, епископомъ Абилы (Abila) въ Испанію. Послѣ собора начали преслѣдовать какъ Присцилліана, такъ и его послѣдователей, какъ заподозрѣнныхъ въ мнѣніяхъ, осужденныхъ соборомъ. Присцилліанъ ходатайствовалъ предъ папой Дамасомъ (liber ad Damas. episcopum, Opp. 34—43) и Амвросіемъ Медиоланскимъ (Sulp. Sever. l. c.), но напрасно. При посредствѣ подкупленнаго вельможи Македонія имъ удалось добиться отъ императора Граціана указа о припятіи ихъ въ церковное общеніе (Sulp. Sev. l. c.). Возвратившись въ Испанію, Присцилліанъ и его приверженцы начали преслѣдовать своихъ враговъ, какъ возмутителей общественнаго

осужденныя на соборѣ мнѣнія Присцилліана и 2) посланіе, тоже XVI гл., въ которомъ также какъ въ *Commonitorium*'ѣ излагалось ученіе Присцилліана. Но ни *Commonitorium*, ни посланіе Туррибія къ св. Льву не дошли до насъ. Сохранилось только отвѣтное посланіе св. Льва къ нему. Въ этомъ посланіи св. Левъ подробно излагаетъ заблужденія присцилліанъ, о которыхъ ему написалъ Туррибій въ своихъ посланіяхъ. Здѣсь св. Левъ иногда опровергаетъ ихъ, а иногда ограничивается краткимъ изложеніемъ православнаго ученія, или даже только указаніемъ изъ какой ереси присцилліанисты взяли свое заблужденіе. Ересь присцилліанистовъ, по мнѣнію св. Льва, есть смѣсь самыхъ разнообразныхъ заблужденій. „Если—говоритъ онъ—внимательнѣе разсмотрѣть всѣ ереси, которыя существовали до Присцилліана, то не найдется почти ни одного заблужденія, отъ котораго не заражалось-бы это нечестіе; оно не удовольствовалося принятіемъ лжи тѣхъ, которые подъ именемъ Христа, далеко ушли отъ Евангелія, но погрузилось еще въ мракъ

спокойствія. Особенно пострадалъ Итацій (Ithacius) Оссонобскій (Ossozona въ Португаліи), который обратился съ жалобой къ узурпатору Максиму, бывшему въ то время въ Трирѣ (384). Максимъ повелѣлъ собрать соборъ въ Бордо (Burdigala), который былъ въ 384 году. Присцилліанъ и его послѣдователи были осуждены и апеллировали Максиму (Sulp. Sev. I. c.). Максимъ поручилъ разобратъ дѣло префекту Еводію, человѣку справедливому (*vir, quo nihil unquam justius fuit*. Sulp. Sev. Vita Martini c. 20) и вмѣстѣ суровому (*vir acer et acerbus*. Sulp. Sev. Hist. Sacra c. 50). Есть основанія думать, что Еводій довелъ обвиняемыхъ до признанія въ ереси посредствомъ пытокъ. По крайней мѣрѣ язычникъ Пакать въ своемъ панегирикѣ Θεодосію I говоритъ о *gemitus et tormenta miserorum*. (У Kurtz, Hand. der Kirchengesch, I, 2, стр. 235). Присцилліанъ и нѣкоторые изъ его приверженцевъ были казнены; другіе сосланы въ заточеніе. Присцилліане были первые еретики, противъ которыхъ была употреблена смертная казнь, которая вызвала протестъ у многихъ благочестивыхъ и благородныхъ мужей. Такъ напр. противъ этой казни высказался св. Амвросій Медиоланскій (Ep. 24 ad Valentinianum); Мартинъ Турскій открыто называлъ эту казнь новымъ и неслыханнымъ злодѣяніемъ (*novum esse et inauditum nefas, si causam ecclesiae iudex saeculi judicaret*. Sul. Sev. I. c.). Сульпицій Северъ говоритъ въ своей *Historia sacra* (с. 50), что ему одинаково не нравятся какъ обвиняемые, такъ и обвинители (*ae mea quidem sententia est mihi tam reos, quam accusatores displicere*). Были впрочемъ и за эту казнь. Въ этомъ смыслѣ высказался бл. Августинъ (*de mendacio ad Convent. c. 3*) и св. Левъ Великій (Ep. XV, 1). См. о Присцилліанѣ трактатъ въ новомъ изданіи патрологіи Fessler'a (II, I, 219—234).

язычества. Согласно нечестивымъ таинствамъ магіи и пустой лжи математиковъ, оно (нечестіе) поставило вѣру и нравственность (*religionis fidem morumque rationem*) въ зависимость отъ власти демоновъ и вліянія звѣздъ. Справедливо, поэтому, отцы наши, при которыхъ появилась эта мерзкая ересь (*haeresis*), повсюду найстойчиво старались изгнать это нечестивое безуміе; даже свѣтская власть (*principes mundi*) возымѣла такое отвращеніе отъ этого безбожнаго ученія, что самаго виновника его со многими учениками ниспровергла мечемъ общественныхъ законовъ. Они видѣли, что если дозволить далѣе жить людямъ съ такой вѣрой, то это значитъ отложить всякое попеченіе о чести, разрушить всякую брачную связь и вмѣстѣ уничтожить законъ божескій и человѣческій. Такой пріемъ давно уже принесъ пользу церковной снисходительности, которая хотя и избѣгаетъ кровавыхъ наказаній, довольствуясь церковнымъ судомъ (*sacerdotali iudicio*): однако пользуется услугами строгихъ постановленій христіанскихъ правителей въ ожиданіи, что боящіеся тѣлеснаго наказанія прибѣгнутъ къ духовному средству. Твое стараніе изложило осужденныя мнѣнія въ 16 главахъ. Мы вкратцѣ рассмотримъ все, чтобы не было относительно этихъ злословій чего-либо сомнительнаго или терпимаго.

I. Итакъ въ первой главѣ показывается, какъ нечестиво мыслятъ о божественной Троицѣ тѣ, которые утверждаютъ, что лицо (*persona*) Отца, Сына и св. Духа есть одно и то же; какъ будто одинъ и тотъ-же Богъ называется то Отцемъ, то Сыномъ, то Духомъ Святымъ; и не отличны другъ отъ друга родившій, рожденный и происшедшій отъ того и другого (*de utroque*); что совершенное единство (*singularis unitas*) должно понимать (*accipienda*) такъ, что оно заключается въ трехъ словахъ (*tribus vocabulis*), а не въ трехъ лицахъ. Этотъ родъ злословія они заимствовали изъ ученія (*opinione*) Савеллія.

II. Во второй главѣ показывается нелѣпый и пустой вымыселъ объ исхожденіи изъ (*ex*) Бога нѣкоторыхъ силъ, которыя получили отъ Него начало, которыхъ не было прежде Его существа (*quas labere coeperit et quae essentia sui praecesserit*). Здѣсь имъ оказываетъ помощь заблужденіе Аріанъ.....

III. Въ третьей главѣ нечестивые утверждаютъ, что Сынъ Божій потому называется едиnorodнымъ, что Онъ одинъ только (*solus*) рожденъ отъ дѣвы. Они не осмѣливались-бы говорить такъ, если бы они не почерпнули эду отъ Павла Самосатскаго и Фотина...

IV. Въ четвертой главѣ говорится, что они не празднуютъ, какъ должно день Рождества Христова, постясь въ этотъ день такъ же, какъ и въ день Господень, который есть день воскресенія Христова. Такъ они дѣлаютъ потому, что не вѣрують въ рожденіе Христа Господа въ истинномъ человѣческомъ естествѣ (*natura*), и думаютъ, что все это было не дѣйствительнымъ, а призрачнымъ (*per quandam illusionem ostentata*). Въ этомъ они слѣдуютъ мнѣніямъ Кердона и Маркіона, будучи въ то же время во всемъ согласны съ своими родственниками (*cognotis*) Манихеями“.

V. Въ пятой главѣ говорится о томъ, что душа человѣка имѣетъ, по ихъ мнѣнію, божественную сущность (*substantiam*) и наша природа по своему свойству не отличается отъ природы своего Творца. Вселенская церковь осуждаетъ это нечестіе, истекающее изъ ученія въкоторыхъ философовъ и Манихея.

VI. 6-ое замѣчаніе показываетъ, что діаволь, по ихъ словамъ, никогда не былъ добрымъ, и его природа не есть созданіе Божіе, но онъ произошелъ изъ хаоса и мрака. Не будучи никѣмъ сотворенъ, онъ является началомъ и сущностью зла. Но истинная вѣра исповѣдуетъ, что злой сущности нѣтъ и природа всѣхъ твореній, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ имѣетъ добрую сущность. Отсюда и діаволь былъ бы добрымъ, если бы остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ сотворенъ, но „онъ въ истинѣ не устоялъ“ (Іоан. VIII. 44). Это, впрочемъ, не значитъ, что онъ перешелъ въ противоположную сущность; это значитъ только, что онъ удалился отъ добра; зло такимъ образомъ не есть сущность діавола, а только „наказаніе этой сущности“ (*malum non erit substantia, sed poena substantiae*).

VII. „Изъ седьмой главы слѣдуетъ, что они осуждаютъ бракъ и питають отвращеніе отъ рожденія дѣтей, въ чемъ (какъ почти во всемъ другомъ) они согласны съ нечестіемъ Манихея. При-

чина отверженія ими брака заключается въ томъ, что при существованіи брака, „гдѣ сохраняется стыдъ и потомство, нѣтъ свободы для разврата“.

VIII. „8-е ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что (по ихъ мнѣнію) образованіе человѣческихъ тѣлъ есть дѣло (*figmentum*) діавола и сѣмя для зачатія образуется въ утробѣ женщинъ демонами (*orega demonum*). Поэтому не должно вѣрить воскресенію тѣла, такъ какъ соединеніе съ тѣломъ не соотвѣтствуетъ достоинству души. Эта ложь безъ сомнѣнія дѣло діавола, который образуетъ не людей въ женской утробѣ, а такія заблужденія въ сердцахъ еретиковъ. Этотъ самый нечистый ядъ, истекающій въ частности изъ источника манихейскаго нечестія, вселенская церковь давно уже осудила.

IX. Изъ девятаго замѣчанія видно, что, по ихъ словамъ, сыны обѣщанія ¹⁾ хотя рождены отъ женъ, но зачаты (*conceptos ex*) отъ св. Духа. Это противно вселенской вѣрѣ, исповѣдующей, что весь человѣкъ въ существѣ (*substantia*) тѣла и души образуется Творцомъ вселенной и одушевляется внутри матерней утробы. Притомъ остается зараза грѣха и смерти, переходящая на потомство отъ прародителя. И сыны обѣтованія возрождаются св. Духомъ при помощи таинства возрожденія не въ плотскомъ чревѣ, а въ силѣ крещенія.

X. Въ 10-й главѣ, они утверждаютъ, что души, находящіяся въ человѣческихъ тѣлахъ, существовали прежде безъ тѣлъ; но они согрѣшили въ небесномъ жилищѣ и потому ниспали сверху внизъ, подпали подъ власть разныхъ силъ (*principes*) и были заключены силами (*per potestates*) воздуха и звѣздъ, одни жестокими, другіе кроткими, въ тѣла, имѣющія разную судьбу и положеніе. Такимъ образомъ все, что есть въ жизни неравнаго и различнаго, имѣетъ основаніе въ прошедшемъ. Эту нечестивую басню они соткали изъ многихъ заблужденій... Но вселенская вѣра всѣхъ такихъ отсѣкаетъ отъ единенія съ собою; она твердо и истинно исповѣдуетъ, что человѣческія души не

¹⁾ Сыны обѣтованія—*filii promissionis*—по мнѣнію Арендта суть не что иное какъ духовные христіане—*псевратікоі гностиковъ* (стр. 220).

были прежде, чѣмъ они были вдохнуты въ тѣло, и никто ихъ не вселялъ въ тѣло, кромѣ Бога Художника, Творца какъ ихъ самихъ, такъ и тѣлъ.

XI. 11-е ихъ хуленіе состоитъ въ томъ, что человѣческія души и тѣла (по ихъ мнѣнію) зависятъ отъ рѣшающихъ судьбу (*fatalibus*) звѣздъ. Изъ этого безумія съ необходимостію слѣдуетъ то, что они, будучи запутаны всѣми заблужденіями язычества, стараются почитать тѣ звѣзды, которыя (по ихъ мнѣнію) благопріятствуютъ имъ, и умилоствляютъ неблагопріятствующія. Слѣдующимъ этому, по истинѣ нѣтъ никакого мѣста въ церкви вселенской; кто поддастся этимъ доводамъ, тотъ совершенно удалится отъ тѣла Христова.

XII. „12-е заблужденіе состоитъ въ томъ, что они подчиняютъ однимъ силамъ (*potestatibus*) части души,—другимъ членамъ тѣла. Тѣ силы, которымъ подчинена душа, называются именами патріарховъ; тѣ, которымъ подчинено тѣло—именами звѣздъ. Тѣ, которые осмѣливаются такъ учить или вѣрить, не должны имѣть съ ними ничего общаго“.

XIII. На тринадцатомъ мѣстѣ поставлено то, что по ихъ словамъ всѣ каноническія книги св. Писанія, носящія имена патріарховъ, должно принимать (*omne corpus Scripturarum, canonicarum sub patriarcharum nominibus accipiendum est*), такъ какъ въ ихъ словахъ говорится о тѣхъ 12-ти сынахъ, которые возраждаютъ внутренняго человѣка (рѣчь идетъ очевидно объ апокривахъ, изъ которыхъ многіе носятъ имена патріарховъ, напр. *Ascensio Isaiæ, apocalipsis IIIæ*). Безъ этого знанія ни одна душа не можетъ достигнуть превращенія въ ту субстанцію, отъ которой произошла. Но христіанская мудрость презираетъ эту печестивую ложь. Она знаетъ, что природа истиннаго Божества непреложна и неизмѣнна а душа, какъ при жизни въ тѣлѣ, такъ и отдѣльно отъ тѣла, подвержена многимъ страстямъ. Если бы она была Божеской природы, то не могла бы впасть ни въ какой грѣхъ. Они несравнимы: „иное Творецъ—иное тварь“.

XIV. Въ 14 главѣ излагаются мысли относительно положенія тѣла, именно,—что оно вслѣдствіе своего земнаго свойства,

находится въ подчиненіи звѣздамъ и созвѣздіямъ; что въ священныхъ книгахъ много такого, что относится къ внѣшнему человѣку и противоположность между божественной и земной природой существуетъ и здѣсь. Чтобы украсить эту святотатственную ложь, они осквернили почти всѣ божественныя слова, придавая имъ нечестивый смыслъ.

XV. Содержаніе 15-ой главы справедливо порицается, какъ діавольское намѣреніе. О томъ, что говорится здѣсь, мы также узнали изъ доноса вѣрныхъ свидѣтелей и нашли много сильно испорченныхъ кодексовъ, которые они называютъ каноническими.

Нужно поэтому стараться и какъ можно внимательнѣе смотрѣть со всѣмъ пастырскимъ прилежаніемъ, чтобы всѣ испорченные (*falsati*) кодексы, несогласные съ чистой истиной, не были совсѣмъ въ употребленіи (*in nullo usu lectionis habeantur*). Апокрифическія писанія, которыя подъ именемъ апостоловъ заключаютъ въ себѣ сѣмена лжи, не только должны быть запрещены, но и совершенно изъяты и сожжены (*non solum interdictae, sed etiam penitus auferendae sunt, atque ignibus concremandae*). Хотя между ними есть такіе, которые кажется имѣютъ видъ благочестія, однако они никогда не свободны отъ яду. Благодаря завлекательнымъ баснямъ, они незамѣтно достигаютъ того, что запутываютъ совращенныхъ разсказами про необыкновенное въ сѣти какого нибудь заблужденія. Поэтому епископъ, не припятствующій имѣть апокрифы дома, или дозволившій читать въ церкви подъ именемъ каноническихъ тѣ кодексы, которые осквернены прелюбодѣйнымъ исправленіемъ Присцилліана—тотъ епископъ пусть знаетъ, что его должно считать еретикомъ: такъ какъ тотъ, кто не отклоняетъ другихъ отъ заблужденія, показываетъ, что онъ заблуждается самъ.

XVI. Въ послѣдней главѣ находится справедливая жалоба, что многіе съ благоговѣніемъ читаютъ тѣ сочиненія Диктинія, которые онъ написалъ въ пользу ученія Присцилліана, между тѣмъ какъ они должны были-бы, если хотятъ что-либо воздать памяти Диктинія, любить болѣе не паденіе его, но возстаніе. Поэтому они читаютъ не Диктинія, но Присцилліана; они одобряютъ то, чему онъ училъ ошибочно, а не то, что онъ избралъ

по своемъ исправленіи. Поэтому никто не долженъ знать этого безнаказанно; и всякій, кто пользуется сочиненіями, осужденными не только церковію, но и авторомъ, не долженъ считаться православнымъ. Не должно позволять нечестивымъ скрывать свои мысли и подъ покровомъ христіанскаго имени отклонять отъ себя постановленія императорскихъ декретовъ.

Въ ихъ нечестивыхъ мистеріяхъ, которыя чѣмъ грязнѣе, тѣмъ тщательнѣе скрываются, исключительно одно непотребство, одна грязь и одно безстыдство.

XVII. Въ концѣ дружественнаго письма ¹⁾ Туррибія, былъ предложенъ вопросъ, многимъ показавшійся недоумѣннымъ: „было-ли тѣло Іисуса Христа во гробѣ, когда онъ сходилъ въ адъ?“ Св. Левъ отвѣчаетъ на это утвердительно: „тѣло Іисуса Христа дѣйствительно было мертво, погребено и въ третій день дѣйствительно воскресло... Не вѣрить этому довольно нечестиво. Это, безъ сомнѣнія, имѣетъ отношеніе къ ереси Манихей и Присцилліана“. Далѣе св. Левъ предлагаетъ средства для борьбы съ ересью: „Пусть соберется епископскій соборъ (*episcopale concilium*) и при томъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ было-бы удобно собраться священникамъ (*sacerdotes*) окрестныхъ провинцій“. На этомъ соборѣ сообразно тому, какъ отвѣчалъ св. Левъ Туррибію, должно быть произведено самое тщательное изслѣдованіе, нѣтъ ли кого изъ епископовъ, оскверненныхъ сообщеніемъ съ этой ересью. Тѣ, которые не по-

¹⁾ Св. Левъ излагалъ и опровергалъ мнѣнія Присцилліана по *Commonitorium*'у и посланію, но не по тому посланію, которое въ этой главѣ называется „дружественнымъ“ (*familiaris*), а другому, о которомъ говорится въ концѣ XVI гл. 15 письма: *Decusis omnibus quae libelli series comprehendit et a quibus commonitorii forma non discrepat* и т. д., а также въ предисловіи: *Nam et epistolae (familiaris гл. XVII) sermo, et commonitorii series et libelli* и т. д. *et libelli textus eloquitur*. Посланіе (*libellus*) и коммониторіумъ, по которому св. Левъ излагалъ ересь Присцилліана, состояли изъ 16 главъ (16-ую главу онъ называетъ „последней“) и содержали 16 заблужденій Присцилліана. 17-е заблужденіе, приводившее многихъ въ недоумѣніе (откуда св. Левъ взялъ его, если Туррибіій написалъ ему только о 16-ти заблужденіяхъ?) вѣроятно взято изъ *epistola familiaris*, которое часто смѣшивали съ тѣмъ, что св. Левъ называетъ *libellus*. (*Cacciari de Pricill. haeresi et historia. Migne LV, 1036—1044. Ballerini de epistolis de perditis, Migne. LIV, 1220—11.*)

желаютъ осудить эту нечестивѣйшую секту (sectam), безъ сомнѣнія, должны быть удалены отъ общенія“. Далѣе св. Левъ сообщаетъ Туррибію, что онъ писалъ относительно собора къ братьямъ и епископамъ Тарраконійскимъ, Кареагенскимъ, Лузитанскимъ и Гальскимъ (Gallices. Канель-Галиційскимъ-Gallicos—въ Испаніи) ¹⁾ Св. Левъ проситъ также Туррибія, чтобы онъ позаботился о сообщеніи его письма (nostrae ordinationis) всѣмъ епископамъ. Если будутъ какіе либо препятствія къ собранію общаго собора (generale concilium), то по крайней мѣрѣ должны собраться галиційскіе священники (Galliciae sacerdotes). Дѣйствительно въ скоромъ времени былъ собранъ соборъ въ Испаніи, такъ называемый concilium Hispanicum, собранный вѣроятно въ Толедо, въ 447 году. Соборъ этотъ не былъ „общимъ“, какъ того желалъ св. Левъ. Причина этому была та, что Испанія въ это время находилась подъ властью разныхъ народовъ: Галиція и часть Лузитаніи была подъ властью Свевовъ; остальной частью Испаніи владѣли Готы и Римляне. Собрались только изъ Испаніи Тарраконской, Кареагенской, изъ Лузитаніи и Бетики. Составлены были 18 анаематизмовъ и символъ (Hefele, Concilieng. II, 288—89). Въ анаематизмахъ осуждаются всѣ тѣ заблужденія Присцилліанистовъ, о которыхъ мы знаемъ изъ письма св. Льва къ Туррибію, съ самыми незначительными добавленіями. Такъ какъ на этомъ соборѣ не могли присутствовать галиційскіе епископы, то св. Левъ распорядился, чтобы акты этого собора были посланы къ Бракорскому епископу, какъ митрополиту Галиціи (Migne LIV, 1221—2).

Немного спустя послѣ Испанскаго собора, былъ еще соборъ въ Галиціи, также относительно Присцилліана. Св. Левъ отправилъ сюда посланіе, не дошедшее до насъ (Migne LIV, 1222). Мѣры, употребляемыя св. Львомъ къ подавленію Присцилліанъ, не могли принести той пользы, какой слѣдовало бы ожидать отъ нихъ. Они постоянно парализовались тогдашними

¹⁾ Письмо это утеряно. См. Баллерини: de epistolis deperditis dissertatio (Migne. LIV, 1221).

политическими обстоятельствами. Отъ преслѣдованій въ одномъ мѣстѣ Присцилліависты могли перейти въ другое, гдѣ ихъ не было. Все это дало возможность сектѣ не только существовать, но и распространяться. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что спустя болѣе ста лѣтъ церковь вынуждена была противъ нея опять собирать соборъ (въ Бракарѣ (Брагѣ) въ 563 году) и издавать законы ¹⁾.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Анафематизмы соборовъ: Испанскаго въ 447 году и Бракарскаго въ 563 г. см. у Kurtz, Handb. d. Kirchg. I, 2, 237.

Безуеловная истинность и чистота евангельскаго правоученія.

Что религія безъ воздѣйствія на жизнь при посредствѣ нравственныхъ правилъ не имѣетъ правъ на существованіе,—съ этимъ почти всякій согласится. Религія обязана возвышать и исправлять человѣческіе нравы. Но многіе думаютъ и утверждаютъ, что эта связь нравственности съ религіей не необходима для первой, что нравственность можетъ утверждаться на основаніяхъ, совершенно независимыхъ отъ религіозной догматики. Нерѣдко приходится слышать отъ сторонниковъ независимой морали такія признанія: „я преклоняюсь предъ высотой евангельскаго правоученія, но христіанской догматики я не понимаю и не принимаю“.

Послѣдовательный сторонникъ независимой морали не можетъ остановиться на такой точкѣ зрѣнія на евангельское правоученіе. Ибо, если нравственныя правила Евангелія имѣютъ происхожденіе не отъ Сына Божія, а только отъ Иисуса изъ Назарета, то современная мораль, послѣ осьмнадцати вѣковъ цивилизаціи и вслѣдствіе успѣховъ философіи, должна быть выше евангельскаго правоученія. Вотъ это положеніе смѣло и даже рѣзко высказывается наиболѣе послѣдовательными сторонниками независимости морали отъ религіи. При этомъ они не только устанавливаютъ новыя начала нравственности ¹⁾, но и

¹⁾ Напримѣръ, Штраусъ рекомендуетъ принять за основу нравственности идею рода, а, по Гартману, индивидуумъ долженъ, сознавши безуміе бытія, горделиво содѣйствовать процессу освобожденія Безсознательнаго, переходу бытія въ небытіе. Шпенглеръ въ своей морали исходитъ изъ признанія всеобщей п

указываютъ въ евангельскомъ правоучевіи важный недостатокъ: Евангеліе, по ихъ словамъ, способствуетъ развитію въ чловѣкѣ своекорыстія, когда побуждаетъ къ добродѣтели обща-ніями наградъ за добрыя дѣла и мученій за худыя. Нравствен-ность тогда только безукоризненна и чиста, когда она истекаетъ изъ чувствованій альтруистическихъ, а не эгоистиче-скихъ ¹⁾. А христіане „хотятъ получить на чаекъ за то, что позаботились о больной матушкѣ и не отравили брата“ ²⁾. Эта „трансцендентально-эгоистическая псевдо-мораль“ Евангелія „вво-дитъ только въ преддверіе нравственности“ ³⁾. Расчетъ на не-бесную награду ничуть не выше расчета на земныя выгоды, и даже ниже. „Земное своекорыстіе думаетъ прежде всего о себѣ, и во вторыхъ и въ третьихъ о себѣ, но въ четвертыхъ оно заботится о женѣ, дѣтяхъ друзьяхъ, и рабочихъ. Небес-нос (?) своекорыстіе, напротивъ, всегда думаетъ только о се-бѣ, такъ какъ знаетъ, что жена и дѣти не останутся тамъ въ прежнемъ отношеніи къ мужу и отцу“ (Гартманъ). Отголоски такихъ чужеземныхъ сужденій о евангельской морали встрѣ-чаются и въ русской литературѣ.

Этотъ приговоръ надъ евангельскимъ правоученіемъ не мо-жетъ считаться правильнымъ даже съ формальной точки зрѣ-нія: указываютъ на одно изъ побужденій къ добродѣланію и судятъ по этому побужденію о цѣлой системѣ нравственности. Въ евангельскомъ правоученіи указаны не одни побужденія (мотивы) къ добродѣланію, но и основныя начала нравствен-ности. Безъ разсмотрѣнія этихъ началъ сужденіе о достоинствѣ правоученія не имѣетъ основательности.

Далѣе, сторонники независимой морали опускаютъ изъ виду, что загробное возмездіе признается въ Евангеліи не мотивомъ

необходимой бѣдственности, но, въ противоположность этому аскетическому уче-нію, составилъ низшую эвдемонистическую систему нравственности, которой и слѣдовалъ въ жизни. Подобно Шпенггауеру, Штраусъ держался въ жизни теоріи благоразумія, а пессимистъ Гартманъ постарался устроиться здѣсь какъ можно комфортабельнѣе. Таковы „повыя начала“ нравственности.

¹⁾ Штраусъ. *Alter und neuer Glaube*, S. 84. 11-te Aufl. 1881.

²⁾ Слова эти приписываются Герелю: *Hase. Gnosis*. 2 B. S. 428.

³⁾ *Phänomenol. des sittlich. Beweises, Hartman's*. S. 24, 27.

только, но неизбежною дѣйствительностію, а новые моралисты смотрятъ на евангельскія изображенія о загробной участи людей только какъ на обѣщанія и угрозы. Но если бы моралисты представили себѣ, что это радостное общеніе съ Богомъ однихъ, и этотъ неумирающій червь поздняго сожалѣнія въ другихъ—не мечта, а непреложная истина, то они согласились бы, что умолчаніе объ этой истинѣ не согласовалось бы съ человеколюбіемъ Господа Іисуса.

Богъ рѣшилъ спасти человѣка, а моралисты ратуютъ за нравственность, свободную отъ всякихъ побужденій, кромѣ любви къ добру. Пусть гибнутъ люди, пусть они служатъ злу, лишь бы чистая нравственность торжествовала! Хотя загробныя награды и муки—дѣйствительность, но о нихъ, съ точки зрѣнія этихъ моралистовъ, слѣдовало бы умолчать, дабы спаслись одни только безкорыстные любители добра! Если существуютъ и возможны такіе любители добра, то ученіе о возмездіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ огорчить ихъ и ослабить ихъ любовь къ добру. Для кого же это ученіе вредно? Можетъ быть, для тѣхъ милліоновъ людей, у которыхъ представленіе о добродѣтели неразрывно соединено съ представленіемъ о блаженномъ состояніи добродѣлающаго? Но дѣйствительность земная представляетъ собою картину возмущающихъ душу страданій праведниковъ и торжества злодѣевъ. Не какой нибудь вѣрующій простецъ, но утонченный поэтъ 19-го вѣка проситъ прямыхъ отвѣтовъ на „проклятые вопросы: отчего подъ ношей крестной весь въ крови влачится правый? Отчего вездѣ безчестный встрѣченъ почестью и славой? Кто виной? Иль силѣ правды на землѣ не все доступно? ¹⁾. Этотъ великій диссонансъ въ жизни человѣчества и разрѣшается ученіемъ о возмездіи. Въ Евангеліи, измученный торжествомъ неправды, человѣкъ находитъ радостный отвѣтъ, что правда въ концѣ концовъ торжествуетъ, что добродѣтель и счастье, „здѣсь“ несправедливо разлученныя, „тамъ“ сливаются во едино. Опять спрашиваемъ: кого можетъ испортить, сдѣлать эгоистомъ такое ученіе? Никого оно не можетъ испортить, но,

¹⁾ Удовлетворительнѣйшее рѣшеніе этого вопроса находимъ въ притчѣ Господа о плевелахъ (Мѡ. XIII, 24—30).

отвѣчая потребности человѣческой души, оно укрѣпитъ въ людяхъ вѣру въ добро и прибавитъ силъ къ совершенію добра. А сомнѣніе и отчаяніе въ торжествѣ добра можетъ только подорвать нравственныя силы человѣка.

Разсмотрѣвъ ближе христіанское учевіе о возмездіи, мы еще болѣе убѣдимся въ его благотворномъ дѣйстви на нравственность человѣчества.

О тайнахъ Царствія Божія Спаситель болѣе всего училъ въ притчахъ, гдѣ подъ житейскими и земными подобіями изъяснялась идея неземныхъ отношеній. Ни объ одной изъ этихъ притчей нельзя сказать, чтобы она поощряла эгоизмъ, развивала въ слушатель тщеславіе и манила къ добродѣтели картинными описаніями наградъ. Самая цѣль притчей была—выяснить отношеніе человѣка къ благовѣстію Царствія Божія. Вотъ притча о вечерѣ сына царскаго ¹⁾. Слуги зовутъ къ готовому пиру царя. Но званые отказываются: одинъ занятъ новокупленными волами, другой только что приобрѣтеннымъ полемъ, третій угожденіе молодой женѣ считаетъ выше обязанности повиновенія царю. Вотъ какъ относится эгоизмъ къ небеснымъ обѣтованіямъ! Но бываютъ эгоисты другого рода: они принимаютъ приглашеніе и являются на пиръ, не позаботившись о достойномъ приготовленіи къ общенію съ царемъ, о перемѣнѣ своего сердца, наклонностей, являются на пиръ, не имѣя *брачнаго одѣянія*. Но ихъ расчетъ оказывается ошибочнымъ: нельзя служить и Богу, и маммонѣ, нельзя, не отказавшись отъ своекорыстія, быть наслѣдникомъ небесныхъ обѣтованій.

Исканіе Царства Божія и правды его заключается не въ формальномъ добродѣланіи, каковое доступно и эгоисту, но въ развитіи способностей, которыя положены Богомъ въ душѣ человѣка. Это изображается въ притчахъ о талантахъ (Мѡ. XXV, 14—30) и мнасахъ (Лук. XIX, 11—27). Не перечень дѣлъ сдѣлаетъ тебя членомъ Царствія Божія, не твоя подготовленность, способность къ воспріятію этого Царствія, которое пачивается въ душѣ христіанина еще здѣсь, на землѣ (Лук. XVII, 21).

¹⁾ Мѡ. XXII, 1—14.

Дѣла, безъ сомнѣнія, имѣютъ значеніе на послѣднемъ судѣ, такъ какъ они воспитываютъ душу къ воспріятію Царства Божія, но это значеніе дѣла имѣютъ только тогда, когда они совершаются безъ тѣни расчета и превозношенія, а съ дѣтскою простотою (Марка X, 15). Поэтому въ приточномъ изображеніи страшнаго суда (Мѡ. XXV 31—46) праведники не признаютъ за собою заслугъ, но съ изумленіемъ спрашиваютъ: „Господи, когда Ты видѣхомъ алчуща, и напिताхомъ? или жаждуща, и напоихомъ? Когда же Ты видѣхомъ странна, и введохомъ?“ Они совершали эти дѣла безъ своекорыстныхъ видовъ на блаженство, подвигнутые любовью ко Христу и братьямъ во Христѣ. Человѣкъ все можетъ дѣлать своекорыстно: можетъ изнурить постомъ тѣло, подставить щеку ударяющему, раздѣть имѣніе, предать себя на казнь, но любить Христа и ближнихъ своекорыстно онъ не можетъ, а безъ любви всѣ вышеупомянутые подвиги—ничто иное, какъ отвратительное лицемѣріе, заслуживающее не награды, а наказанія. Безъ любви человѣкъ—*„ничто“* (1 Кор. XIII, 2).

Спаситель изъяснялъ тайны Царствія Божія въ притчахъ между прочимъ въ виду того, чтобы послѣдователи его не возымѣли о грядущемъ Царствіи такого же плотскаго и чувственнаго представленія, какое имѣли Іудеи время Іисуса Христа о царствѣ Мессіи. Поэтому же въ притчахъ не находимъ сколько нибудь точнаго и подробнаго раскрытія, въ чемъ будетъ состоять блаженство праведниковъ и муки грѣшниковъ. Намѣчается только сила и продолжительность блаженства и мукъ.

Чтобы эти обѣщанія и угрозы могли дѣйствовать на своекорыстіе человѣка столь же сильно, сколь сильно дѣйствуютъ на волю человѣка ожиданія плотскихъ наслажденій и страданій,—евангельскимъ обѣщаніямъ и угрозамъ какъ будто недостаетъ опредѣленности, пластичности. Для вѣрующаго, правда, обѣщанія и угрозы имѣютъ значеніе, но вѣрующій чуждъ грубаго своекорыстія и у него имѣются другіе мотивы къ исполненію воли Божіей. Но для тѣхъ, которые въ самой вѣрѣ и любви ко Христу не находятъ достаточныхъ побужденій къ добродѣланію, для нихъ приточныя обѣтованія едва ли имѣютъ

какое-либо значеніе, особенно сравнительно съ плотскими побужденіями. Эти побужденія такъ сильны, что ихъ не можетъ осилить страхъ даже завтрашнихъ наказаній: пьяницы и блудники знаютъ весь вредъ и опасность этихъ пороковъ, видятъ послѣдствія ихъ на другихъ собратьяхъ, и однако не оставляютъ пагубнаго пути. „Судилица—видимы, и каждый день мы слышимъ, что такой-то наказанъ, имущество такого-то описано, иной работаетъ въ рудникахъ, другой сожженъ на огнѣ! Однако, слыша это, порочные, злодѣи не вразумляются. Многие даже изъ осужденныхъ, избѣжавъ наказанія, подкопавъ темницу и убѣжавъ изъ нея, нерѣдко обращались къ тѣмъ же преступленіямъ и совершали гораздо тягчайшія дѣла“¹⁾. Если страхъ завтрашнихъ и очевидныхъ наказаній не полагаетъ преграды эгоизму, то насколько слабѣе дѣйствіе на душу страха наказаній отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ? Для своекорыстныхъ геенна имѣетъ значеніе темнаго представленія, не болѣе; представленіе загробныхъ наказаній, повторяемъ, не бесплодно только для истинно вѣрующихъ, но для таковыхъ угрозы не составляютъ единственнаго или главнаго мотива къ воздержанію и нравственному совершенствованію.

Столь же мало поощряется человѣческое своекорыстіе и евангельскими обѣтованіями. Если мы къ притчамъ Спасителя прибавимъ и тѣ черты, которыя находятся въ апостольскихъ посланіяхъ, то и тогда небесныя награды слишкомъ мало будутъ говорить воображенію и чувству своекорыстнаго человѣка. Определенія этихъ наградъ по большей части отрицательнаго свойства: освобожденіе отъ болѣзней, печалей и различныхъ тѣлесныхъ нуждъ; прекращеніе семейныхъ отпошеній; ясное богопознаніе и лицезрѣніе Бога (I Кор. XIII, 12; Мѡ. V, 8); общеніе со Христомъ, ангелами, праведниками и всеединство (Филип. I, 23; Евр. XII, 23; I Кор. XV, 28). Апокалипсическое изображеніе будущей жизни въ видѣ богослуженія, съ пѣніемъ, куреніемъ еиміама—суть только образы, взятые изъ ветхаго завѣта. Вообще же загробная жизнь не поддается описанію, и ап. Павелъ, предъ которымъ открылась

¹⁾ Творенія Златоустаго. Изд. Слб. Акад. Т. I, стр. 821.

часть отдѣляющей насъ отъ неба завѣсы, слышалъ въ раю „неизреченныя слова, которыхъ человеку нельзя пересказать“. (2 Кор. XII, 4) „Возлюбленные, пишетъ св. Іоаннъ Богословъ, мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“ (I Іоан. III, 2).

Въ сравненіи съ приманками чувственности и гордости эти неопредѣленные указанія имѣютъ значеніе только для любящихъ Господа и вѣрующихъ въ Него. Но эти „истинно богомудрые и боголюбивые люди любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ“ (Св. Григорій Богословъ). Они служатъ Богу не ради Царствія, какъ бы для купли и корысти, и не по причинѣ наказанія, уготованнаго грѣшникамъ, но какъ приверженные къ единому Богу“ (св. Василій Великій). Они съ недоумѣннымъ вопросомъ обращаются къ любителю загробныхъ наградъ: „что говоришь ты, малодушный человѣкъ? Тебѣ надлежитъ сдѣлать нѣчто угодное Богу, а ты стоишь съ заботою о наградѣ? Ты дѣлаешь пріятное Богу и ищешь еще другой награды? Или не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что если бы ты зналъ это, то никакой другой награды не сравнялъ бы съ этимъ благомъ? Развѣ ты не знаешь, что награда тебѣ будетъ больше, когда ты станешь дѣлать должное, не надѣясь на награды“? ¹⁾

Христіанство, какъ ученіе, всегда само себѣ равно. Но христіанинъ имѣетъ различныя степени духовнаго возраста—отъ младенческаго до возмужалости (Ефес. IV, 13—14). Начинающихъ христіанъ апостолъ Павелъ называетъ плотскими (I Кор. III, 1—3), такъ какъ въ нихъ дѣйствуютъ мотивы своекорыстія. И вотъ для такихъ-то христіанъ—младенцевъ полезно напоминаніе о наградахъ и наказаніяхъ загробныхъ, потому что оно воспитываетъ ихъ, возводитъ на высшія ступени усвоенія христіанскаго ученія. Эти „люди, внимая ученію, возбуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и страхомъ угрожающихъ наказаній, содѣлываютъ свое спасеніе“ ²⁾. „Угроза геен-

¹⁾ Твор. св. Іоанна Златоустаго. I, 159.

²⁾ VI всел. собора, прав. 19.

ною, не менѣе обѣтованія Царства небеснаго, показываетъ челоуѣколюбіе Божіе. Одно обѣтованіе благъ не достаточно для побужденія къ добродѣтели, если *не имѣющихъ усердія къ ней* не поощряетъ и страхъ наказанія“ ¹⁾). Если бы для такихъ людей „страхъ не былъ благомъ, Христосъ не изрекъ бы многихъ пространныхъ наставленій о тамошнемъ наказаніи и мучевіи... Когда страхъ объемлетъ души наши, ни одна изъ низкихъ страстей не можетъ легко войти въ насъ, но всѣ удаляются и бѣгутъ, гонимыя отвсюду силою страха. Страхъ съ великимъ удобствомъ вводитъ всякую добродѣтель. Гдѣ страхъ, тамъ и заботливость о милостынѣ, и усердіе къ молитвѣ, и слезы теплыя и непрерывныя, и стenanія, выражающія великое сокрушеніе“ ²⁾). Такимъ образомъ страхъ наказаній не только не развиваетъ своекорыстія *въ вѣрующемъ*, но воспитываетъ и совершенствуетъ его душу. Особенно полезны бываютъ обѣтованія и предостереженія Господни во дни искушеній и бѣдствій, ибо „страхъ геенны и желаніе Царствія подають терпѣніе въ скорбяхъ“ ³⁾).

Правда, это признаніе выражаетъ немощь, но немощь души челоуѣческой, а не немощь ученія евангельскаго. Искупитель приходилъ не здоровыхъ и считающихъ себя здоровыми врачевать, но болящихъ. А многіе ли изъ насъ признаютъ себя духовно-здоровыми? Многіе ли любятъ добро ради добра? И вотъ Онъ, безковечно кроткій и смиренный сердцемъ Врачъ, говоритъ каждому изъ насъ: ты ищешь славы,—она тамъ; ты любишь богатство, тамъ будешь имѣть сокровище безцѣнное; ты избѣгаешь страданій здѣшнихъ, избѣгай мученій вѣчныхъ. *Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни* (Апок. II, 10). *Се, грядуща скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его“* (XXII, 12).

Вѣра во Христа и любовь къ Нему придають обѣтованіямъ Евангельскимъ высшій и духовный смыслъ, такъ что правед-

¹⁾ Твор. Злат. I, 169.

²⁾ Твор. Злат. II, стр. 170 и 168.

³⁾ Марка Подвижникъ, слово о думающихъ оправдаться дѣлами, гл 141. Въ сборникѣ еп. Игнатія Брянчанинова „О терпѣніи скорбей“ стр. 36 (изд. 3-е, Сиб. 1883 г.).

ники все земное считаютъ за ничто, желаютъ разлучиться съ жизнью, чтобы быть съ Христомъ. Таковы были мученики и таковъ былъ ап. Павелъ. Но это чаяніе небеснаго житія ни мало не развиваетъ въ совершенныхъ христіанахъ своекорыстія, но даже, напротивъ, дѣлаетъ ихъ самоотверженными. „Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей“, вопрошаетъ ап. Павелъ. И отвѣчаетъ: „ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина... не можетъ отлучитъ насъ отъ любви Божіей“ (Рим. VIII, 35, 38—39). Подъ глубиной апостоль разумѣлъ геенну, т. е. лишеніе Царствія ¹⁾. „Любовь Христова такъ одушевила его, что если бы ему предстояло терпѣть для Христа и вѣчныя наказанія, онъ никогда не отказался бы и отъ этого, потому что онъ служилъ Христу не такъ, какъ мы, наемники, страшась геенны и желая Царствія. Бывъ объятъ какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнѣшею любовію, онъ и терпѣлъ, и дѣлалъ все не для чего иного, какъ для того, чтобы удовлетворить любви, которую питалъ ко Христу и которая такъ овладѣла его умомъ, что онъ пренебрегалъ и геенной и Царствомъ небеснымъ, рѣшившись для Христа встрѣтить и съ великою готовностію принять, какъ одно изъ вожделѣннѣйшихъ благъ, даже и это невыразимое отлученіе“ ²⁾. *Я желалъ бы, писалъ апостоль, самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ* ³⁾ (Рим. IX, 3).

Мы видѣли, что ученіе о возмездіи, изложенное Господомъ въ притчахъ для всего народа, не можетъ придавать нравственности христіанъ характеръ своекорыстный. Но не привлекалъ ли Господь отдѣльныхъ христіанъ къ Церкви своей обѣщаніями загробныхъ блаженствъ и славы? И на это мы должны отвѣтить отрицательно. Призывая Петра и Андрея слѣдовать за собою, Господь указываетъ не на награду, а на трудъ:

¹⁾ Твор. Злат. I, 143.

²⁾ Тамъ-же, I, 142.

³⁾ Подобнымъ образомъ еще въ Ветхомъ Заветѣ молился Моисей: „О, Господи! народъ сей сдѣлалъ великій грѣхъ... Прости имъ грѣхъ ихъ. А если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты описалъ (Исх. XXXII, 31—32).

„сотворю васъ быти ловцы человекомъ“ (Мрк. I, 17). Когда богатый и знатный юноша искалъ пути совершеннаго, Господь далъ ему совѣтъ покончить съ привязанностію къ земнымъ благамъ, чтобы имѣть сокровище на небеси. И юноша отошелъ со скорбію о несовмѣстимости своекорыстія съ служеніемъ Господу (Мѡ. XIX, 16—22). Такъ высоки были требованія Господа отъ своихъ послѣдователей и такъ кратки и неопредѣленны Его обѣщанія, что апостолы вопрошали: „кто убо можетъ спасенъ быти“? И Господь эту трудность спасенія не прикрывалъ, но поставлялъ на видъ: Царство небесное, училъ Онъ, силою беретъ и употребляющіе усиліе, восхищаютъ его (Мѡ. XI, 12). *Входите тѣсными вратами: потому что широкія врата и пространный путь ведутъ въ погибель, и многіе идутъ ими. Какъ тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и какъ немногіе находятъ ихъ!* (—VII, 13—14). *Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее* (Мр. VII, 34—35). *Если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ а при томъ и самой жизни своей; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Луки XIV, 26). Когда одинъ книжникъ, любитель наградъ, выразилъ желаніе быть ученикомъ, Господь отклонилъ его, сказавъ: „лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ Человѣческій не имѣетъ гдѣ преклонить голову“ (Мѡ. VIII, 20). Въ своемъ ученіи Господь такъ мало приноравливался къ чувствамъ и желаніямъ учениковъ, что „многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него, и уже не ходили съ Нимъ. Тогда Иисусъ сказалъ двѣнадцати: не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога живо“ (Іоан. VI, 66—69) ¹⁾.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ сами обстоятельства дѣла вызвали Господа на изложеніе истины о возмездіи, но Онъ не желалъ пользоваться этимъ средствомъ для ободренія учениковъ. Евангелистъ Іоаннъ сохранилъ много рѣчей Господа, но ни

Изъ словъ ап. Петра мы видимъ, что главнымъ побужде-
ніемъ апостоловъ къ слѣдованію за Христомъ была вѣра въ
Его Богочеловѣчество. Но непришедшіе еще въ возрастъ со-
вершенный апостолы не чужды были желанія узнать, что ожи-
даетъ ихъ въ Царствѣ Христа. Мать Іакова и Іоанна проси-
ла даже для сыновей своихъ первенства. И не мудрено: апо-
столы раздѣляли ошибочный взглядъ современныхъ имъ іудеевъ
на Царство Мессіи, какъ на царство земное. На вопросъ апо-
столовъ о наградѣ за то, что они „оставили все и послѣдова-
ли“ за Іисусомъ, Господь отвѣчаетъ имъ: *„истинно говорю вамъ:
нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или родителей, или
братьевъ, или сестеръ, или жену, или дѣтей для Царствія
Божія, и не получилъ бы гораздо больше въ сіе время, и въ вѣкъ
будущій жизни вѣчной“* (Луки XVIII, 28—30).

Эти слова указываютъ, что небесное блаженство, хотя и при-
равняется въ Писаніи награжденію или платѣ за труды, но
въ точномъ смыслѣ не можемъ быть названо ни платой, ни
наградой за добродѣтель, но оно есть даръ Божій вѣрующимъ
во имя Христово. И плата, и награда предполагаютъ соотвѣт-
ствіе между трудомъ и воздаяніемъ. Но когда человѣкъ дѣлаетъ
добро, то онъ исполняетъ только свою обязанность по отноше-
нію къ Богу, ущедряетъ только себя самого. Богъ же, всесо-
вершенный и вседовольный, ни въ чемъ отъ насъ не нуждается
для полноты своего бытія. „Сколько бы мы ни умножали
сегодня добродѣтель нашу, этимъ не заслужимъ воздаянія: это
обличеніе предшествовавшаго нерадѣнія“¹⁾. „Господь, научая
насъ, что исполненіе каждой заповѣди Его есть долгъ нашъ,
а усыновленіе Богу есть даръ Его, даруемый вслѣдствіе иску-
пленія человѣковъ кровію Его, говоритъ: *егда сотворите вся,
повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмь, и еже
должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Луки XVII, 10).
Изъ этихъ словъ явствуетъ, что Царство Небесное не есть
возмездіе за дѣла, но даръ, по благоволенію Божію уготован-

въ одной изъ нихъ нѣтъ яснаго ученія о загробныхъ наградахъ и мукахъ. Изъ
этого видно, что Спаситель чаще указывалъ на трудности слѣдованія за Нимъ,
чѣмъ привлекалъ общапіемъ наградъ.

¹⁾ Марка Подв. „Слово о дум. опр. дѣламъ“ гл. 24. О терн. Скорбей, стр. 29.

ный вѣрнымъ рабамъ“¹⁾). Не наши дѣянія, но великое дѣло Христово, Его страдальческая жизнь на землѣ и крестная смерть даютъ намъ возможность спастись.

Изъ этого отношенія Христа къ человѣку возникаетъ другой мотивъ христіанской нравственности: христіанинъ подражаетъ Христу, повинуется Ему и ищетъ духовнаго съ Нимъ общенія изъ благодарной любви къ Нему. *„Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте, говорилъ Самъ Христосъ апостоламъ. „Подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя; и живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ (увѣщаетъ апостоль), и предалъ Себя за насъ въ приношеніе и жертву Богу“ (Ефес. V, 1—2). „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу свою: и мы должны полагать души за братьевъ“ (1 Иоан. III, 16).*

Не диво ли, что и этотъ мотивъ христіанской нравственности подвергался порицанію? Фенелонъ и квіетисты его времени утверждали, что въ благодарной любви къ Богу есть эгоизмъ, такъ какъ любятъ Бога ради Его благодѣяній, а не ради Его самого; должно, по мнѣнію квіетистовъ, любить Бога „любовью чистаго удивленія“ безъ всякой мысли о Его дарахъ.

Эта удивительная и утонченная требовательность по отношенію къ сердцу человѣческому заслуживаетъ вниманія только потому, что квіетисты, какъ и сторонники независимой морали, въ своихъ сужденіяхъ о евангельскомъ правоученіи злоупотребляютъ словомъ эгоизмъ. Они разумѣютъ подъ эгоизмомъ всякое чувство, имѣющее отношеніе къ нашему я. Но, съ этой точки зрѣнія, всякую мысль, всякое желаніе, чувствованіе и поступокъ,—словомъ все человѣческое придется назвать эгоистическимъ, не исключая и „любви чистаго удивленія“. Добродѣланіе изъ любви къ добру, при широкомъ пониманіи слова „эгоизмъ“, должно будетъ признать эгоистичнымъ: ты дѣлаешь добро, потому что находишь въ томъ свое удовольствіе, свою радость, слѣдовательно ты—эгоистъ²⁾). Даже слѣдо-

¹⁾ Тамъ-же, гл. 2-я.

²⁾ Съ этой точки зрѣнія можно назвать эгоистомъ отца, ничего нещащаго для успѣховъ въ жизни своихъ дѣтей, и патриота, жертвующаго трудомъ и имуществомъ для блага отечества.

ваніе Кантовскому принципу долга не избавляетъ человѣка отъ обвиненія въ эгоизмѣ: коль скоро ты найдешь внутреннее удовлетвореніе въ исполненіи должнаго, ты не избѣгнешь укоризны въ эгоизмѣ. Свободнымъ отъ обвиненія въ эгоизмѣ будетъ только человѣкъ, дѣлающій добро съ нерасположеніемъ къ нему. Но это явный абсурдъ. Гдѣ отвращеніе къ добру, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственности.

Эгоизмъ не должно смѣшивать съ любовью къ себѣ самому. Эта любовь вполне нравственна. Если бы любовь къ себѣ не была такъ естественна и легка для исполненія, то она стояла бы въ числѣ заповѣдей священнаго Писанія. Въ заповѣди Христовой: *возлюбими искренняго твоего, яко самъ себя* (Мѣ. XXII 39) предполагается и нимало не порицается нормальная любовь къ себѣ. Поэтому желаніе и исканіе себѣ блага временнаго или вѣчнаго вполне нравственно. Да и какъ мнѣ не любить себя, если Богъ любитъ и дорожитъ мною, если я—Его образъ и подобіе, если Самъ Сынъ Божій сдѣлался подобнымъ мнѣ, кромѣ грѣха, и тѣло мое сдѣлалось храмомъ Духа Святаго?

Эгоизмъ также относится къ себялюбію, какъ неумѣренность къ питанію, алчность къ бережливости, лѣность къ отдохновенію. Эгоизмъ—это ненормальное развитіе любви къ себѣ. Эгоистъ за собою только признаетъ реальность, а всѣхъ другихъ признаетъ нризраками и тѣнями, на себя смотритъ, какъ на центръ міра и цѣль, а на другихъ только, какъ на средства къ своему удовлетворенію. Эгоизмъ противоположенъ любви, потому что любовь стремится къ единству, а эгоизмъ къ обособленію. Таково отвлеченное опредѣленіе эгоизма, но въ чистомъ своемъ видѣ эгоизмъ не встрѣчается, какъ не встрѣчается и чистой безкорыстной любви въ мірѣ человѣческомъ. Чистая любовь—свойство Господа, а чистый эгоизмъ—свойство діавола.

Опредѣливши эгоизмъ, мы вновь поставимъ вопросъ: содѣйствуютъ ли развитію эгоизма главные мотивы христіанской дѣятельности: благодарная любовь къ Богу и ожиданіе будущей жизни въ единеніи съ Богомъ и праведниками? Оба эти мотива ослабляютъ эгоизмъ, дѣйствуя въ противоположномъ

ему направленіи. Эгоизмъ ставитъ центромъ міра личное человѣческое я, благодарная любовь къ Богу и чаяніе будущей жизни переносятъ центръ стремленій отъ человѣка къ Богу. Эгоизмъ уединяетъ человѣка, а евангельскіе мотивы нравственной дѣятельности и самая эта дѣятельность пробуждаютъ и развиваютъ въ человѣкѣ сознаніе единства людей въ Богѣ.

Насколько сродны эгоисту или нераскаянному грѣшнику муки ада, настолько же чужды ему по существу своему блаженства райа. Благо, по удачному опредѣленію Канта, есть соединеніе праведности и счастья, которыя здѣсь по большей части раздѣлены. Подобно этому и адскія мученія опредѣляются, какъ соединеніе грѣха и бѣдствія, которыя здѣсь значительно разлучены. Но какъ грѣшникъ стоитъ у входа въ адъ и уже на землѣ предвкушаетъ адскія муки, такъ и праведникъ вредкушаетъ уже здѣсь покой и радость будущей жизни. *„Кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи“* (Іак. I, 25). И отецъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ говоритъ старшему сыну: *„сынъ мой! ты всегда со мною и все мое—твое“* (Лука XV, 31), т. е. твоя вѣрность—есть уже награда тебѣ. На всѣ приманки гордости и чувственности христіанинъ можетъ отвѣтить словами Господа: *„моя пища есть творить волю пославаго меня и совершить дѣло Его“* (Іоан. IV, 34). То, что мы, по обычному словоупотребленію, называемъ небесной наградой, совершенно однородно съ добродѣтелию. Загробное блаженство есть безпрепятственное завершеніе дѣла, начатаго здѣсь со многими препятствіями и трудностями. Кто преодолѣлъ эти трудности съ помощію Божіею и не бросилъ дѣла, тотъ становится сыномъ Царствія, сыномъ Божіимъ по благодати, потому что Богъ есть величайшее Благо и творящій Его волю есть истинно Его сынъ.—Блаженство—не плата за нравственность, но эта сама торжествующая нравственность. Нравственность и блаженство относятся между себою, какъ юность и возмужалость, какъ начало и завершеніе.

Задача философіи по отношенію къ евангельскому нравоученію состоитъ не въ придумываніи поправокъ къ основнымъ началамъ христіанской нравственности, но въ уясненіи и раз-

витіи этихъ началъ. И на этомъ пути кое-что философіей уже достигнуто.

Сдѣлаемъ краткіе выводы изъ сказаннаго.

Ученіе Спасителя о возмездіи не придаетъ евангельскому правоученію характера эвдемонистическаго, такъ какъ:

1) Спаситель не столько привлекалъ послѣдователей обѣщаніемъ наградъ, сколько указывалъ имъ на трудность пути евангельскаго;

2) описаніе будущей жизни въ Евангеліи столь прикровенно, что не даетъ пищи человѣческому эгоизму;

3) полное умолчаніе о возмездіи вредило бы евангельскому правоученію: ученіе о возмездіи отвѣчаетъ общечеловѣческому сознанію единства праведности и счастья, грѣха и бѣдствія, и возмездіе—не предположительный мотивъ нравственной дѣятельности, но сама дѣйствительность;

4) возмездіе, какъ мотивъ, бесполезно для грубыхъ эгоистовъ, до нѣкоторой степени полезно для несовершенныхъ христіанъ, особенно во время искушеній и бѣдствій, а въ болѣе совершенныхъ христіанахъ возмездіе замѣняется мотивомъ любви къ Христу и ближнимъ;

5) эта любовь есть основной принципъ христіанской нравственности, не примиряющейся съ эгоизмомъ;

6) вообще, подозрѣвать эгоизмъ въ христіанской нравственности можно только при неправильномъ употребленіи слова: „эгоизмъ“;

7) въ точномъ смыслѣ слова блаженство не можетъ быть названо платой или наградой за добродѣтель: блаженство дается не соразмѣрно нравственной дѣятельности, но даромъ, по щедрости и человѣколюбію Бога, и оно совершенно однородно съ нравственностію, составляя только завершеніе ея.

Священ. Ст. Остроумовъ.

Идея Бога и безсмертіе души предъ еудомъ новѣйшихъ критиковъ.

КАРО, члена Парижской Академіи наукъ.

(Окончаніе *).

II.

Если для того, чтобы защищать предпринятое нами дѣло, нужно поборотъ страхъ предъ людскимъ мнѣніемъ, то мы къ этому привыкли: давно уже эта защита служитъ мишенью насмѣшекъ со стороны новыхъ школъ! Осмѣлимся же подвергнуться имъ еще разъ.

Трудно оставаться равнодушнымъ предъ насмѣшками критической философіи. Она имѣетъ въ запасѣ для ограниченныхъ людей, которые все еще не хотятъ принимать ея свободныхъ методовъ и широкихъ взглядовъ, столько ироніи, что нужна нѣкоторая смѣлость, чтобы вступить въ ея лагерь безъ оружія и подготовки. Высказаться противъ нея это значитъ осудить самого себя; это значитъ пасть подъ бременемъ неумолимаго презрѣнія. Изобрѣтена даже теорія для того, чтобы съ большей высоты поражать низменные души. Это—теорія *трансцендентальнаго презрѣнія*. Въ устахъ философовъ, которые стараются лишить интуиціи разума, какъ и религіозныя стремленія, всякой высшей реальности, это слово довольно странно: для нея нѣтъ ничего „*трансцендентальнаго*“, кромѣ презрѣнія...

Говоря серьезно, эти крайности полемики противъ спиритуализма и его защитниковъ достойны сожалѣнія и даютъ пло-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 12.

хое понятіе о скромности и терпимости его противниковъ. Нужно бы покончить съ этими слишкомъ обильно расточаемыми выраженіями высокоумія души и ума, не признающаго надъ собой суда и разбирательства.

Вступимъ, однако, въ борьбу,—при томъ не обмѣниваясь предварительно ругательствами, какъ это дѣлаютъ герои Гомера. Свобода споровъ страдаетъ отъ этого, а публика смѣется. Постараемся не подражать въ этомъ отношеніи своимъ противникамъ. Они могутъ быть скептиками, или пантеистами—это ихъ дѣло; намъ не придетъ въ голову искуссительная мысль сдѣлать ихъ смѣшными или возбудить къ нимъ ненависть. Для насъ эти термины не заключаютъ ни какой мысли, которая стояла бы въ противорѣчьи съ требованіями вѣжливаго спора. Даже въ томъ случаѣ, когда мы боремся съ самыми тяжкими заблужденіями, мы уважаемъ философскій духъ, т. е. свободу. Ту же дань справедливости и наши противники должны были бы отдавать спиритуалистамъ, и не предполагать, что для того, чтобы вѣрить въ бессмертную душу или въ живаго Бога, нужно напередъ отказаться отъ науки или отъ разума. Еще разъ: смѣлость отрицанія не предполагаетъ ни высоты, ни свободы духа. Такимъ способомъ было бы очень легко сдѣлаться великимъ мыслителемъ. Эта позировка и эти странные приемы критики ни кого уже теперь не обманываютъ и было бы признакомъ благоразумія, если бы ихъ совсѣмъ оставили.

Итакъ, не станемъ платить тою же монетою,—что было бы уже очень легко,—и откажемся отъ того, не великаго, конечно, преимущества, какое выпадаетъ на долю послѣдняго, сказавшаго ругательство. Будемъ цѣнить мелкую борьбу тою цѣною, какой она стоитъ, и перейдемъ къ нѣкоторымъ болѣе серьезнымъ обвиненіямъ, какія возбуждаются противъ спиритуализма. Они—весьма разнообразнаго свойства, смотря по складу ума и темпераменту его противниковъ. Одни упрекаютъ его въ томъ, что онъ опирается на здравый смыслъ, другіе въ томъ, что онъ опирается на мораль, третьи въ томъ, что ссылается на чувство. Все это, какъ имъ кажется, стоитъ въ противорѣчьи съ научнымъ развитіемъ свободной философіи, которая должна

идти къ своей цѣли, не обращая вниманія ни на практическія послѣдствія, ни на протесты сердца, ни на предрасудки толпы.

Прежде чѣмъ философовать, говорятъ намъ, нужно превратить свою мысль въ *tabula rasa* и отказаться отъ всякихъ интересовъ, чуждыхъ обсуждаемому вопросу. Нужно даже забыть, что мы люди,—забыть, кто мы, въ какомъ вѣкѣ и въ какой странѣ живемъ. Лишь въ условіяхъ абсолютнаго равнодушія по отношенію къ результатамъ и можетъ составиться научное знаніе. Если наука имѣетъ въ виду оправдать общій смыслъ, то ея характеръ искажается и она теряетъ всякую цѣну въ глазахъ критики.

Я согласенъ, что общій смыслъ не долженъ порабощать науку; но метафизическая система, которая ниспровергла бы существенныя данныя общаго смысла, много ли имѣетъ шансовъ, не скажу быть популярною, но быть истинною? Общій смыслъ не есть разумъ развитой, но—разумъ скрытый (*implicite*), разумъ въ его первоначальныхъ, основныхъ элементахъ. Трудно различить эти первоначальныя данныя разума отъ побочныхъ и второстепенныхъ вѣрованій, которыя примѣшались сюда подъ вліяніемъ воображенія, предрасудковъ, мнѣній. Но какъ ни трудно это дѣло, можно ли его назвать невозможнымъ? Не думаемъ. Жюффруа пытался опредѣлить роль общаго смысла въ философіи, съ такою простотою стили и скромностью тона, которыя теперь ужъ не встрѣчаются: „Истина, красота, благо, природа вещей, все, что служитъ предметомъ философіи, хотя и смутно, но постоянно и легко открывается человѣчеству; отсюда тѣ сбивчивыя понятія, тѣ смутныя, но глубокія вѣрованія, тѣ неясныя, но сильныя чувствованія относительно самыхъ возвышенныхъ вопросовъ, работа которыхъ глухо сказывается во всѣхъ классахъ общества, которыя управляютъ имъ во всякую эпоху. Отсюда весь здравый смыслъ“. Потомъ, въ интересной параллели, Жюффруа устанавливаетъ, что безотчетный синтезъ, составляющій отличительное свойство здраваго смысла, предшествуетъ сознательному анализу, который составляетъ сущность научнаго знанія; что особенность первобытной жизни—это широта, неопредѣленность, неясность; что сознательное изслѣдованіе хотя и различаетъ предметы, но оно

узко; что наука, если она ясно видитъ то, что уснѣваетъ схватить, видитъ лишь отдѣльные пункты, тогда какъ здравый смыслъ, не различая ясно ничего въ отдѣльности, видитъ предметъ въ его цѣломъ.

Итакъ, не будемъ обращаться къ здоровому смыслу за критеріемъ научнаго знанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ пренебрегать и тѣми спасительными (*salutaires*) предостереженіями, какія онъ даетъ, когда отвергаетъ извѣстную систему. Предразсудки затемняютъ, но не подавляютъ извѣстный запасъ понятій и вѣрованій, которыя представляютъ непосредственное отраженіе, какъ-бы отголосокъ дѣйствительности въ нашемъ умѣ. Весьма опасно слишкомъ презирать эти *первичныя данныя*, которыя составляютъ существенную часть нашей природы. Безстрастный философъ, какъ намъ его изображаютъ, не станетъ, конечно, доказывать существованіе вѣшняго міра при помощи воспріятія. Онъ имѣетъ свои основанія, и я согласенъ, что такое положеніе разума необходимо для того, что-бы научное знаніе было дѣйствительно научнымъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ не можетъ сильно заблуждаться, если выводы его теоріи рѣшительно идутъ противъ мысли о реальности міра, и, какимъ бы великимъ философомъ онъ ни былъ, можно смѣло держать пари, что онъ не отдастъ должнаго вниманія непосредственному убѣжденію рода человеческого. Въ философіи, какъ и въ другихъ областяхъ, прерзительное отношеніе къ здоровому смыслу сопровождается печальными послѣдствіями.

То же самое сказалъ бы я и о чувствѣ. Въ философіи, говорятъ намъ, нѣтъ болѣе пагубнаго вліянія, чѣмъ вліяніе чувства. Это положеніе, однако такъ-же требуетъ разъясненія и ограниченій. Если бы намъ говорили лишь о томъ, что нужно опасаться увлеченія, критически относиться къ энтузіазму, изслѣдовать факты, то какъ не согласиться со столь мудрыми и притомъ столь мало имѣющими въ себѣ новаго совѣтами? Но въ сущности, говоря это, требуютъ не осмотрительнаго отношенія къ чувству, а его устраненія. Въ этомъ заключается новизна тезиса; здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и серьезное

развогласіе, и мы можемъ лишь мимоходомъ указать его причину и значеніе.

Что въ нѣкоторыхъ вопросахъ, напримѣръ въ вопросахъ логики, долженъ играть роль единственно и исключительно чистый разумъ, въ самой строгой формѣ,—противъ этого мы ничего не можемъ возразить; всякіе порывы сердца, всякое движеніе чувства въ этой области были бы столько же излишни, сколько и смѣшны. Но нравственныя науки еще не сведены къ этому разряду вопросовъ. Вообще можно сказать, что ихъ предметомъ служить не абстрактное, какъ въ математическихъ наукахъ, и не реальное въ его механической формѣ, какъ въ наукахъ физическихъ, но реальное и живое, въ формѣ въ высшей степени подвижной и сложной, т. е., человѣчество, и реальное въ формѣ самой высокой и достопокланяемой,—т. е., Богъ. Задачею философіи служить не рѣшеніе уравненій, а нѣчто другое, болѣе сложное. Ея главная задача познать человѣка и Бога, человѣка со всѣми его умственными и нравственными силами, Бога во всей его живой реальности. При этомъ предпріятіи, самомъ трудномъ и возвышенномъ, какое только можетъ взять на себя знаніе человѣческое, не могутъ быть излишними никакіе источники свѣта, какіе только существуютъ въ насъ. Если всякая мысль предполагаетъ извѣстный предметъ, то чувство предполагаетъ движущую силу, какую нибудь возбуждающую и направляющую его реальность. Неужели совершенно не слѣдуетъ обращать вниманія на эту движущую силу, на эту реальность, которая такъ ясно обнаруживается посредствомъ дѣйствія на нашу душу? Сердце имѣетъ свои предчувствія, и такъ какъ оно имѣетъ свои привязанности, то у него есть свои откровенія.

Если это такъ, если слова имѣютъ извѣстный философскій смыслъ, какъ они имѣютъ смыслъ человѣческой, то мы должны повѣять, что философія не должна пренебрегать этими косвенными источниками познанія, что она не выказываетъ безполезной гордости и не лишаетъ себя того идеальнаго свѣта, который проливаетъ въ насъ движеніе чувства при видѣ прекраснаго зрѣлища природы, при какомъ-нибудь жизненномъ кризисѣ или при одномъ изъ тѣхъ непреодолимыхъ порывовъ

души, которые составляютъ великіе моменты психической жизни. Страсть не должна руководить наукой, но свѣтъ умственной интуиціи, который проливаетъ живое чувство, можетъ открыть наукѣ новые горизонты, неожиданныя перспективы, которыя никогда не могутъ замѣтить сторонники „чистой логики“, анализа и классификацій, всю жизнь проводящіе надъ собираніемъ и группированіемъ явленій. Факты—вотъ безъ сомнѣнія неизмѣнный матеріаль науки, въ области философіи, какъ и во всякой другой. Но эти восторги души, которые производитъ въ ней безконечное, не являются ли также фактами,—фактами вполне реальными, и глубоко человѣчными? Не съ такимъ же ли правомъ, какъ и классифицируемыя и перечисляемыя вами явленія, можно назвать явленіями эти столь мимолетныя и столь глубокія предчувствія великихъ истинъ, эти столь таинственныя интуиціи, которыя неизвѣстно откуда къ намъ приходятъ, въ которыхъ чувство столь тѣсно связывается съ идеей, что Платонъ не отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга, соединивъ въ своихъ глубокихъ психологическихъ взглядахъ *Ερωσ* съ *Νόησις*; въ которыхъ мы сами склонны видѣть почти божественное явленіе, какой-то неизъяснимый лучъ, освѣняющій насъ, такъ сказать философскую благодать (*la grâce philosophique*).

Посмотрите, напр., какъ справедливо участіе чувства въ томъ отдѣлѣ философіи, который имѣетъ своимъ предметомъ человѣка. Спиритуализмъ утверждаетъ вмѣстѣ съ Платономъ, что Богъ дѣйствуетъ на нашу душу посредствомъ любви, какъ на разумъ посредствомъ идеи. Это—тонкая психологическая истина, которую каждый можетъ наблюдать на себѣ. Никто, вѣроятно, не станетъ утверждать, что фактъ религіи, во всей ея чистотѣ и непринужденности, есть плодъ силлогизма. И вотъ, если вы не станете признавать этого ощутительнаго воздѣйствія Божія на сердце человѣческое, если вы презрительно отнесете его къ области мечтаній, если ваша фанатическая наука не будетъ придавать ему никакой цѣны,—то вы будете жестоко наказаны. Вы непременно кончите тѣмъ, что перестанете вѣровать въ Бога и разрѣшите идею о Богѣ въ идею неопредѣленной субстанціи или въ идею закона, которая не имѣетъ въ себѣ ничего достойнаго любви,—не имѣетъ ни ра-

зума, ни любви и въ сущности не есть Богъ. Это потому, что вѣра въ Бога не есть и не можетъ быть исключительно выводомъ какой нибудь теоремы; она есть высшее выраженіе нашихъ чувствъ; она исходитъ изъ нашихъ самыхъ возвышенныхъ радостей и нашихъ самыхъ святыхъ скорбей; она есть плодъ жизни.

По мнѣнію нашихъ противниковъ, здравый смыслъ даетъ защитникамъ спиритуализма лишь предрасудки, чувство сообщаетъ лишь обманчивый свѣтъ: не доставитъ ли имъ въ такомъ случаѣ, твердой точки опоры по крайней мѣрѣ нравственности? Конечно нѣтъ, и было бы большимъ безразсудствомъ съ нашей стороны рассчитывать, при защитѣ нашего дѣла, на эту предуготовленную гармонію между спиритуалистическими вѣрованіями и порядкомъ практической жизни. Ихъ согласіе съ общественнымъ порядкомъ особенно возбуждаетъ сатирическое вдохновеніе у нашихъ противниковъ. Они преслѣдуютъ самыми острыми эпиграммами тѣ мудрыя доктрины, которыя хвалятся тѣмъ, что назидаютъ благонамѣренныхъ людей и доставляютъ удовольствіе отцамъ семействъ.

По этому пункту мы сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе. Конечно, если вы не допускаете, въ совокупности мірозданія, извѣстнаго преднамѣреннаго плана, обнимающаго все мірозданіе и представляющаго лишь осуществленіе вѣчнаго Разума; если, вмѣсто разумнаго порядка, управляющаго взаимными отношеніями всѣхъ существъ и водворяющаго въ нихъ извѣстную гармонію, царствуетъ лишь слѣпой порядокъ, проистекающій изъ естественной работы физическихъ силъ и стремленія природы къ самоорганизованію, то всякая связь науки съ нравственностью непонятна и даже, прибавили бы мы, самая нравственность немислима. Но если мы продолжаемъ допускать, что науки появились не случайно, но что происхожденіе всѣхъ ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто абсолютное, какъ имѣетъ его происхожденіе всѣхъ вещей, что невидимый міръ духовъ,—міръ мысли и свободы,—стоитъ въ вѣчной гармоніи съ тѣмъ міромъ, въ которомъ рязвиваются физическія силы, то намъ не только легко, но и необходимо понять, что нравственность не есть произвольный наборъ понятій, стоящихъ особнякомъ и не на-

ходящихся ни въ какой связи съ остальнымъ міромъ; что она утверждается на извѣстныхъ принципахъ, какъ и всѣ другія науки, что въ своей основѣ, она сливается съ самою метафизикою; что съ этой высшей точки зрѣнія, все стоитъ во взаимной связи и зависимости, все представляетъ единое цѣлое и раздѣленіе наукъ произошло уже впоследствии: что слѣдовательно, въ послѣднемъ выводѣ философская идея, которая приводила бы къ ниспроверженію извѣстнаго нравственнаго принципа, не можетъ быть истинною.

Этимъ я не хочу сказать, что ученый, устремившій свой умъ къ этому единому предмету, долженъ въ своихъ размышленіяхъ заботиться лишь о большемъ или меньшемъ согласованіи каждаго изъ нихъ съ нравственностью. Такая исключительная заботливость не преминула бы сузить его взгляды и извратить его умъ. Но такой смѣшной философъ, если и существовалъ когда-нибудь прежде, теперь существуетъ лишь въ воображеніи нашихъ противниковъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, извращается порядокъ терминовъ въ вопросѣ. Мы не говоримъ: такая-то доктрина *истинна*, потому что она *хороша* (въ нравственномъ отношеніи). Мы говоримъ: „она истинна“, и потомъ, доказавъ, что она истинна, показываемъ, что она хороша. Это, какъ всякій согласится, совсѣмъ не одно и то же. Нѣтъ ничего справедливѣе, установивъ извѣстную доктрину, показать ея согласіе съ принципомъ долга, съ принципомъ права, съ свободой. Намъ позволятъ смотрѣть на это согласіе не какъ на доказательство, но какъ на повѣрку доктрины. Такимъ образомъ въ области бытія во всѣхъ его формахъ, равно какъ и въ области познанія со всѣми его законами, открывается тотъ же самый принципъ, который управляетъ какъ этими формами, такъ и этими законами и который приводитъ ихъ къ единству, т. е. къ гармоніи и порядку.

Неумѣстно было бы долго останавливаться на нижеслѣдующемъ возраженіи, которое сдѣлалось уже избитымъ, хотя его все еще и считаютъ иногда побѣдоноснымъ. „Ваша философія, говорятъ намъ, есть оффиціальныи догматизмъ“.

Если этимъ хотятъ сказать только то, что спиритуалистическая доктрина болѣе, чѣмъ всякая другая согласна съ по-

требностями и традиціями народнаго образованія, какъ находящаяся въ гармоніи съ тѣми вѣрованіями и принципами, на которыхъ утверждается не та или другая форма политическаго устройства, но общій порядокъ человѣческихъ обществъ,—то это мысль справедливая. Самая большая похвала, какую можно высказать по отношенію къ тому или другому строю цивилизаціи,—это то, что въ основѣ его лежатъ спиритуалистическіе принципы. Въ этомъ смыслѣ, мы согласны съ мнѣніемъ, что спиритуализмъ есть доктрина, наиболѣе согласующаяся съ общественнымъ принципомъ. Она достойна руководить правами и учрежденіями большой страны. А если, какъ это иногда дѣлаютъ, подъ этимъ названіемъ разумѣютъ что-нибудь другое, то это значитъ, что въ данномъ случаѣ хотятъ замѣнять честный споръ тактикой инсинуацій и мы не намѣрены имѣть съ ней дѣла.

Послѣднее и самое важное изъ обвиненій, возводимыхъ противъ нашей философіи, состоитъ въ томъ, что даваемая ею рѣшенія по вопросу о происхожденіи и принципѣ вещей не отличаются новизною. Она, говорятъ намъ, осталась при старомъ ученіи о трансцендентальномъ Богѣ, о верховной причинѣ, отличной отъ ряда происшедшихъ отъ нея существъ и отдѣльной отъ міра. Но защищать общепринятая ученія не значитъ еще не имѣть оригинальности, и отвергать ихъ не значитъ быть болѣе оригинальнымъ. Все зависитъ отъ качествъ ума, съ какимъ ведется нападеніе или защита. Въ великихъ тезисахъ метафизики давно уже нельзя ввести ничего новаго. Основныя идеи, которыми можно объяснить происхожденіе вещей, разумъ человѣческій открылъ съ самыхъ раннихъ поръ. Ихъ можно разнообразить до безконечности, и онѣ находятся въ основѣ всѣхъ системъ. Что же можетъ служить теперь мѣркою оригинальности извѣстнаго философа? Очевидно, лишь та сила, съ какою онъ раскрываетъ ихъ и усваиваетъ себѣ, съ какою онъ устанавливаетъ связь между своими идеями и сообразуетъ частности съ основною идеею,—словомъ, то какъ онъ пользуется своими познаніями и разумомъ при доказательствѣ избраннаго имъ принципа и при раскрытіи системы. Но, сколько мнѣ извѣстно, это возможно и для спиритуали-

стовъ точно такъ-же, какъ и для ихъ противниковъ. Искать философской оригинальности въ чемъ нибудь другомъ, помимо того, значить гоняться за иллюзіями или словами. Впрочемъ, для того, кто понимаетъ философію, и здѣсь широкій просторъ для самыхъ смѣлыхъ полетовъ мысли и для ея наиболѣе благородныхъ стремленій.

Хотятъ ли доказательства высказанной нами мысли? Если устранить „золотую середину“, которая состоитъ въ томъ, чтобы не доводить своей мысли до конца и совмѣщать самыя противоположныя мнѣнія, то, кромѣ спиритуализма, въ разнообразныхъ направленіяхъ новѣйшей философіи, мы найдемъ лишь два рѣшенія проблемы о происхожденіи вселенной.

Первое рѣшеніе: міръ объясняется своими собственными законами, и развивается самъ собою, роковымъ дѣйствіемъ своихъ собственныхъ силъ; его причина заключается въ немъ самомъ. Съ богословской точки зрѣнія это атеизмъ; съ космологической—натурализмъ, а съ точки зрѣнія методологической—эмпиризмъ и позитивизмъ.

Второе рѣшеніе: міръ есть громадный рядъ формъ и явленій, въ которомъ открывается, на протяженіи безконечнаго пространства и времени, единая и универсальная субстанція, которая въ дѣйствительности одна только существуетъ. Матерія и духъ есть лишь феноменальное бытіе. Нѣтъ ни какой реальности помимо космическаго Бытія, которое раскрывается въ двухъ рядахъ явленій: различаемыхъ ощущеніемъ и воспринимаемыхъ сознаніемъ. Нѣкоторый родъ смутнаго разума обнаруживается въ этихъ эволюціяхъ; но это есть чистый инстинктъ, соединенный съ самимъ міромъ и имманентный ему, это есть роковая сила, разумная лишь въ своихъ результатахъ, безсознательная, не обладающая знаніемъ преслѣдуемой ею цѣли.—Эта доктрина, смотря по обстоятельствамъ, обусловливающимъ крайне тонкіе ея оттѣнки, является въ формѣ пантеизма или идеализма.

Чистый натурализмъ и идеалистическій пантеизмъ вотъ слѣдовательно два рѣшенія, къ которымъ сводятся всѣ мнимо новыя идеи современныхъ системъ, когда ихъ авторы выражаютъ свои выводы хоть сколько нибудь ясно.

Помимо этихъ двухъ рѣшеній я нахожу лишь спиритуализмъ, который выше міра допускаетъ разумный Принципъ. Согласно его взглядамъ, природа въ своихъ типахъ и законахъ, какъ въ мірѣ вещественномъ, такъ и въ мірѣ духовномъ, выражаетъ вѣчную и божественную мысль. Она есть по одному удачному выраженію „труженица Божія“ (*l'ouvrière de Dieu*).

Такимъ образомъ, какимъ бы именемъ мы не обозначали основныя концепціи, раздѣляющія современную философію на враждебныя школы, ихъ наберется не очень много,—самое большее три. Свидѣтельствуешь ли о большей силѣ разума избраніе одной изъ первыхъ двухъ идей, чѣмъ избраніе третьей? Не думаю. Больше ли новизны въ одной, чѣмъ въ другой? Я это рѣшительно отрицаю.

Чтобы показать настоящую цѣну нѣкоторыхъ неразумныхъ притязаній на большую оригинальность, пусть намъ позволятъ обратиться къ первымъ шагамъ греческой философіи, къ той блестящей эпохѣ, когда разумъ человѣческой впервые созналъ самого себя, свои усилія и цѣль. Мы увидимъ, что главныя концепціи, раздѣляющія философовъ въ настоящее время, суть именно тѣ, которыя сами собою представились разуму, при его первыхъ порывахъ къ истинѣ. Всѣ три появились одновременно съ тѣмъ, какъ зародилась философія въ Греціи.

Какъ только разумъ поставилъ себѣ вопросъ о происхожденіи міра, одни, іоняне, разрѣшили его въ смыслѣ философіи природы, въ смыслѣ универсальной физики; другіе, элеаты,—въ смыслѣ идеалистическаго пантеизма, который отрицалъ реальность матеріи и рассматривалъ міровое Бытіе только съ точки зрѣнія разума, какъ абсолютное Единство, которое одно только обладаетъ реальностью. Съ первыхъ шаговъ философскаго умозрѣнія, разумъ понялъ значеніе обоихъ эти рѣшеній, сначала смутно, а потомъ, послѣ своихъ быстрыхъ успѣховъ, принялъ ихъ со всѣми ихъ выводами, смѣло защищалъ и развивалъ всѣми способами народившейся діалектики.

Натурализмъ нашихъ современниковъ почти ничего не прибавилъ къ той концепціи, которая составляетъ отличіе Іонійской школы т. е., къ исключительному разсмотрѣнію матеріальнаго единства, которое само себѣ служитъ объясненіемъ и

причиной. Между Іонянами намѣчаются даже и тѣ два направленія, на которыя распадается современный натурализмъ: одни объясняютъ разнообразныя формы, рожденіе и жизнь существъ раскрытіемъ единой силы, эволюціями какого нибудь расширяющагося и сгущающагося первобытнаго элемента; это динамическая точка зрѣнія на природу. Другіе сводятъ все объясненіе міра къ математическимъ измѣненіямъ фигуры и разстоянія въ первоначальныхъ элементахъ матеріи, т. е. атомахъ; это—механическая точка зрѣнія. Тѣ и другіе сходятся въ томъ основномъ принципѣ, что міръ существуетъ въ себѣ и чрезъ себя и что достаточно самаго простаго понятія о составляющихъ его элементахъ и объ управляющихъ имъ математическихъ законахъ для объясненія самыхъ сложныхъ явленій универсальной жизни.

Идеалистическій пантеизмъ больше ли ввелъ новаго въ великій метафизическій тезисъ элеатовъ? Не думаю. Ни Спиноза, ни Гегель и никто изъ нашихъ современниковъ не формулировалъ съ большею силою и рѣзкостію, чѣмъ Парменидъ, мысли объ абсолютномъ Единствѣ, уже не матеріальномъ, какъ у іонянъ, но раціональномъ,—мысли о Субстанціи, которая не подлежитъ никакому измѣненію, которая, какъ единая, есть Бытіе въ противоположность небытію,—этому міру призрачности и измѣнчивости, существующему лишь для чувствъ, а не для разума, т. е. въ дѣйствительности не существующему. Это есть Бытіе или Единство, *не по матеріи*, какъ выражается Аристотель ¹⁾, *а по разуму*,—Единство, которое не подлежитъ измѣненіямъ времени и пространства, совершенно однородно, чуждо всякаго различія, равно самому себѣ, недѣлимо, *есть цѣлое, въ которомъ бытіе вездѣ соприкасается съ бытіемъ* ²⁾, существо не имѣющее никакого отношенія даже къ самому себѣ, потому что въ противномъ случаѣ оно отличалось бы отъ самого себя и потеряло бы свое единство. Въ этой древней концепціи умопостигаемаго Единого,—въ этомъ неумолимомъ отрицаніи свидѣтельства чувствъ, экспериментальныхъ

¹⁾ Metaphysique, I, 5.

²⁾ Parmenide. Fragments du poëme Πέρσι φύσως, vers. 81.

данныхъ и чувственныхъ реальностей не проявляются ли уже всѣ отличительныя черты идеализма, съ его необычайными усиленіями мыслить принципъ вещей въ его абсолютной простотѣ?

Материалистическая физика Демокрита и идеалистическій пантеизмъ Парменида—вотъ два великихъ рѣшенія, которыя выставляютъ противъ насъ еще и въ настоящее время. Въ наши дни съ особенною силою воспроизводятъ эмпирическую философію природы и абстрактную доктрину рациональнаго Единства. Между нами вновь родились отцы греческой философіи Демокритъ и Парменидъ, только съ запасами опыта, накопившимися въ теченіе 23 вѣковъ и съ новыми идеями,—плодомъ научнаго прогресса. Будемъ надѣяться, что послѣ первой оплошности и временнаго помраченія разумъ снова возвратится къ своимъ истиннымъ инстинктамъ, къ своимъ принципамъ, къ своей подлинной природѣ, и еще разъ познаютъ себя въ спиритуализмѣ, съ тою же радостью, съ какою онъ позналъ себя въ немъ въ древнее время, когда Анаксагоръ привелъ его отъ обаятельной, но фантастической мечты къ истинѣ,—болѣе прекрасной, чѣмъ всѣ мечтапія.

„Когда явился человѣкъ, сказавшій, что въ природѣ есть умъ, который есть причина строя и порядка во вселенной, то казалось, что этотъ человѣкъ одинъ сохранилъ разумъ среди безумія и опьяненія своихъ предшественниковъ“. Въ такихъ торжественныхъ выраженіяхъ говоритъ Аристотель объ Анаксагорѣ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего проще, нѣтъ ничего сообразнѣе съ великими инстинктами разума человѣческаго, какъ слѣдующая мысль Аристотеля, которую можно назвать первымъ сознательнымъ выраженіемъ философскаго спиритуализма. „Въ безконечной смѣси вещей движенія не существуетъ; эта матеріальная *безконечность* не можетъ сама себѣ сообщить движенія; она пребываетъ въ нѣкоторомъ равновѣсіи съ самимъ собою“. Какой же принципъ приводитъ въ движеніе хаотическую массу элементовъ, и чрезъ движеніе различаетъ вещи одну отъ другой, распредѣляетъ ихъ и упорядочиваетъ мірозданіе. Не случай и не судьба,—эти слова лишены смысла, —а Умъ или Мысль. „*Πάντα χρήματα ἢ ὁμοῦ: εἶτα Νοῦς ἐλθὼν*

αὐτὰ δισκόμησε ¹⁾),—все было сначала перемѣшано: явилась Мысль и создала порядокъ. Я не знаю ничего лучше этихъ словъ, за исключеніемъ развѣ словъ книги Бытія: „да будетъ свѣтъ и сталъ свѣтъ“.

Конечно, здѣсь нѣтъ еще спиритуалистической теодицеи во всемъ ея объемѣ. Мысль Анаксагора не идетъ далѣе дуализма. Божественная мысль не создаетъ самой субстанции бытія; она сообщаетъ ему лишь форму, водворяетъ въ безконечной матеріи вмѣсто хаоса порядокъ. Но здѣсь родилась уже мысль о *Причинѣ*, —объ истинной причинѣ, которая не есть матеріальное единство іонійцевъ и абстрактное, идеальное и чисто раціональное Бытіе элеатовъ, но Мысль, причина разумная, отличная отъ своихъ твореній,—безсмертный Разумъ, не математическая соразмѣрность вещей, но разумъ верховный, существующій въ себѣ, обладающій самосознаніемъ, ставящій себѣ извѣстную цѣль, которая имъ преслѣдуется и достигается. Анаксагоръ мыслить сразу и одновременно три идеи: идею о Причинѣ, о Мысли, какъ матери порядка, и о духовности Бога. Эти великія идеи рождаются вмѣстѣ, соединяются во времени, какъ онѣ соединены въ логикѣ человѣческаго разума.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся въ туманную эпоху возникновенія философіи въ Греціи съ тѣми же основными взглядами по страшному вопросу о происхожденіи міра, которые служатъ причиною раздѣленія и современныхъ философовъ. Мнѣ думается, что возобновеніе идей Демокрита или Парменида не оригинальнѣе возвращенія къ идеямъ Анаксагора,—особенно если развить эти послѣднія со всею строгостью современныхъ методовъ и на основаніи научныхъ данныхъ.

Какой выводъ вытекаетъ изъ всего вышесказаннаго? Во-первыхъ тотъ, что Демокритъ, Парменидъ, Анаксагоръ, при самыхъ первыхъ сознательныхъ стремленіяхъ разума, уже формировали тѣ три принципа, которыми человѣкъ пытается объяснить происхожденіе вещей: матерія со свойственной ей эвергіею, абстрактный принципъ универса, и Богъ, какъ причина міра,—вотъ эти три принципа; во-вторыхъ тотъ, что эти три

¹⁾ Diog. Laert. II, 6.

идеи болѣе, чѣмъ всякая другая, естественны разуму человѣческому и почти неизбежно подсказываются ему самымъ строемъ его природы, какъ только онъ начинаетъ размышлять. Этимъ мы не хотимъ сказать, что эти три идеи имѣютъ одинаковую законность и цѣнность. Нѣтъ, это значитъ только, что онѣ представляются разуму съ самаго начала его размышлений о томъ, откуда произошелъ міръ и куда онъ идетъ; что разумъ имѣетъ свой роковой кругъ рѣшеній, изъ котораго онъ не можетъ выйти; что заблужденія подчинены нѣкоторому закону и ихъ разнообразіе не безгранично; что есть нѣкоторая логика и порядокъ въ измышленіи лжи, какъ и въ открытіи истины; что оригинальность не зависитъ отъ выбора преимущественно какогонибудь одного изъ тѣхъ рѣшеній, въ кругѣ которыхъ движется разумъ человѣческій, но единственно отъ того, съ какою силою мысли оно усвоится,—отъ вѣскости основаній, приводимыхъ для оправданія сдѣланнаго выбора, и отъ плодотворности извлекаемыхъ изъ него выводовъ для объясненія міра и жизни.

III

Итакъ, возвращаясь къ мысли Анаксагора и дополняя ее, осмѣлимся сдѣлать опредѣленіе понятія о Богѣ съ точки зрѣнія спиритуализма, въ противовѣсъ тѣмъ опредѣленіямъ, которыя даютъ наши противники и которыя, на нашъ взглядъ, отрицаютъ Бога. Отъ насъ требуютъ объяснить это слово, неопредѣленный и запутанный смыслъ котораго, говорятъ намъ, допускаетъ такъ много разнообразныхъ толкованій. Почему не принять этого вызова?

Это опредѣленіе будетъ естественнымъ заключеніемъ этой книги.

Скажемъ сначала, *чѣмъ не можетъ быть Богъ*. Онъ не есть то міровое бытіе, о которомъ намъ говорятъ,—субстанція всѣхъ явленій и индивидуумовъ, составляющихъ міръ. Субстанція или совокупность явленій—такой Богъ есть не что иное, какъ міръ и ни чѣмъ отъ него не отличается. Это есть чистѣйшій пантеизмъ и пантеизмъ самый грубый. Кромѣ того этотъ Богъ, осуществляющійся въ природѣ, имѣлъ бы всѣ несовершенства природы. Но какъ поклоняться несовершенству?

Далѣе, Богъ не есть тотъ геометрическій законъ вещей, та произвольная Формула явленій, которая ихъ объясняетъ, а потому, какъ заключаютъ нѣкоторые, и производитъ ихъ, -- не есть тотъ слѣпой принципъ универсальнаго порядка, который, если разобрать его какъ слѣдуетъ, есть лишь математическая необходимость взаимодѣйствія противоположныхъ силъ, поставленная на мѣсто случая или древняго *Fatum*'а. Законъ, Формула, Необходимость—все это не есть существо, а Богъ, который не есть существо, по нашему мнѣнію,—не Богъ.

Отсюда слѣдуетъ, что Богъ не есть также и верховное Совершенство, абсолютная красота, благо и истина, если подъ этимъ Совершенствомъ, подъ этимъ Абсолютнымъ хотятъ разумѣть простой идеаль мысли. Намъ говорятъ, будто необходимость требуетъ допустить, что, если Богъ есть Совершенство, то Онъ не существуетъ; будто реальность и совершенство исключаютъ другъ друга; будто нужно выбрать чтонибудь одно: или признать, что Богъ есть лишь абстракція, или допустить, что Онъ существуетъ, и отвергнуть Его идеальность. Мы откровенно сознаемся, что ничего не понимаемъ въ этой мнимой необходимости. По нашему мнѣнію, нѣтъ большаго противорѣчія, какъ называть *чистый*, лишенный реальности идеаль Богомъ, потому что это было бы самымъ химерическимъ и самымъ бесполезнымъ изъ божествъ.

Богъ не есть также то чистое Бытіе, которымъ, по мнѣнію Гегеля, все начинается, и которое анализъ находитъ тождественнымъ небытію. Онъ не есть ни этотъ неопредѣленный принципъ, раскрывающійся путемъ противорѣчія, ни этотъ *абсолютный духъ*, которымъ завершается діалектическое движеніе. Было бы одинаково противорѣчиво какъ называть Богомъ это лишенное реальности Бытіе, которое Гегель ставитъ въ началъ вещей, такъ и считать за Бога то абсолютное, которое представляетъ послѣдній результатъ универсальнаго *быванія*. Нѣтъ, для Бога нельзя поставить эту жалкую альтернативу: или быть тѣмъ крайне несовершеннымъ нѣчто, которое служить началомъ вещей, или быть послѣднимъ выводомъ и продуктомъ развитія природы.

Не ограничиться ли намъ какоюнибудь идеею, которая бы-

ла бы доступна по крайней мѣрѣ для воображенія? Не усвоить-ли взглядъ на Бога, просто какъ на высшій, наиболѣе совершенный типъ души челоѳической? Но опасно слишкомъ настаивать на подобныхъ аналогіяхъ. Мыслить Бога, какъ душу, подобную той, которая намъ извѣстна, и имѣющую ту же природу и тѣ же свойства, только въ высшей степени, это значитъ подвергаться обвиненію въ антропоморфизмѣ, которое нельзя считать маловажнымъ. Представленіе Бога въ видѣ усовершенствованной души было бы чистѣйшею антрополатріей. Богъ, безъ сомнѣнія, есть существо реальное и живое, но Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и существо совершенное, не будемъ забывать этого.

„Вы хотите, говорятъ намъ, подъ именемъ Бога соединить, какъ это дѣлаетъ толпа, самыя противоположныя идеи. Вашъ Богъ за разъ есть существо и совершенное и безконечное, и идеальное и реальное, и универсальное и личное“.

Да, но съ нѣкоторыми оговорками и поясненіями. Все зависитъ въ этихъ вопросахъ отъ точности опредѣленій, относительно которыхъ однако трудно придти къ соглашенію. Взятая въ извѣстномъ смыслѣ, слова *безконечный, идеальный, личный*, конечно, не имѣютъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы идеямъ совершенства, реальности и личности, которымъ ихъ противопоставляютъ. Но совершенно справедливо, что было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ говорить о совершенствѣ Безконечнаго, если Безконечное есть Все (*le Tout*), о реальности Идеальнаго, если Идеальное есть простое понятіе, или о личности Универсальнаго, если подъ Универсальнымъ понимать универсальность міра. Въ этомъ смыслѣ Богъ ни безконеченъ, ни идеаленъ, ни универсаленъ, потому что Онъ не есть ни совокупность (*totalité*) вещей, ни абстракція. Но давая такое опредѣленіе этимъ различнымъ словамъ, наши противники предпрѣшаютъ вопросъ. Тѣ противорѣчія, на которыя они такъ охотно указываютъ намъ, суть чисто вербальныя противорѣчія.

Въ дѣйствительности, спиритуалистическая философія, быть можетъ, поступила-бы благоразумно, если бы здраво воспользовалась для обозначенія понятія о Богѣ словами: Абсолютный, Безконечный, Идеальный,—терминами туманными и абстрактными, которые необходимо опредѣлять посредствомъ какого

нибудь другаго понятія, чтобы избѣжать двусмысленности. Взятые въ отдѣльности, они имѣютъ тотъ недостатокъ, что не возбуждаютъ въ насъ мысли о реальномъ, конкретномъ, живомъ. Привычка (которую усвоили даже спиритуалисты) обозначать понятіе о Богѣ этими названіями не мало способствовала распространенію тѣхъ недоразумѣній, отъ которыхъ такъ пострадала метафизика.

Идея, соединяемая съ словомъ „*Абсолютный*“, очень неопредѣленна. Взятое въ отдѣльности, что оно выражаетъ? Прежде всего оно неудобно въ томъ отношеніи, что оно примѣнимо какъ къ Богу, такъ и ко всякому другому предмету; это первая причина недоразумѣній. Для многихъ философовъ, абсолютное довольно точно соотвѣтствуетъ тому, что Кантъ называлъ *ноуменомъ*, т. е., причинѣ, субстанціи, сущности, тому, что составляетъ корень и основу вещи, что въ нихъ предшествуетъ всякому развитію, что существуетъ подъ рядомъ явленій. Въ этомъ смыслѣ напр. позитивисты говорятъ о прозрачности изслѣдованій, касающихся абсолютнаго. Они разумѣютъ подъ этимъ не только Причину божественную, но всякую причину и всякую субстанцію, въ противоположность явленіямъ. Когда они говорятъ, что *абсолютное* есть философскій камень, который ищетъ метафизика,—эта послѣдняя форма алхиміи, то они стараются изгнать всякое умозрѣніе о сущности души, и сущности тѣла, а также и о Богѣ.

Вотъ первый смыслъ слова. А вотъ второй и третій. У одного только Гегеля оно имѣетъ два различныхъ смысла. Для него абсолютное за разъ есть и начало и конецъ движенія природы; но абсолютное, которое онъ ставитъ въ началѣ вещей, есть абстрактное абсолютное; а то, которое онъ полагаетъ въ концѣ діалектическаго движенія, есть абсолютное реальное. Какое же изъ нихъ есть настоящее абсолютное: конкретное или абстрактное?

Наконецъ, спиритуалисты обыкновенно употребляютъ это слово для обозначенія Бога, понимая подъ нимъ абсолютность бытія, причины, субстанціи, т. е., такую причину и субстанцію, которая не зависитъ ни отъ какихъ условій, которая существуетъ въ себѣ и чрезъ себя. Но тогда зачѣмъ не сказать

этого прямо? Къ чему это умолчаніе, возбуждающее столько затрудненій? Когда вы мнѣ говорите просто объ абсолютномъ, безъ всякихъ опредѣленій, то я не знаю, о чемъ вы мнѣ говорите: о *ноуменъ* ли Канта, о неуловимой сущности матеріи или духа, о неопредѣленномъ Бытіи Гегеля, которымъ все начинается, или духъ, которымъ все завершается, или, наконецъ, о Богѣ, какъ Его понимаетъ Декартъ, когда говорить о Безконечномъ и Совершенномъ? Это, конечно, достойно сожалѣнія. Языкъ философскій не установился; каждый строитъ и перестраиваетъ его по своему. При такихъ условіяхъ, можно долго спорить объ абсолютномъ, не зная, о чемъ идетъ рѣчь.

То же самое должно замѣтить о *Безконечномъ*. Я думаю, что это одно изъ тѣхъ словъ, которыя, со времени Декарта, произвели наибольшее количество бесполезныхъ споровъ. Штраусъ, который въ сущности есть гегельянецъ, разумѣетъ подъ *безконечнымъ* все (*le tout*),—совокупность вещей,—и потому ему не трудно убѣдить насъ, что, считая Бога личнымъ, мы впадаемъ въ грубое противорѣчіе. Другіе философы склонны, путемъ скорѣе странныхъ, чѣмъ полезныхъ аналогій, сближать математическую безконечность, т. е., простой законъ разума, съ безконечностью метафизическою, которая есть свойство высочайшей реальности. Но математическая безконечность выражаетъ невозможность для разума уловить ускользающій отъ насъ предѣлъ даннаго количества. Безконечность метафизическая означаетъ совершенство бытія. Какое сходство, кромѣ сходства вербальнаго, между невозможностью установить предѣлъ возрастанія или уменьшенія извѣстнаго даннаго количества и невозможностью мыслить какое нибудь несовершенство въ Богѣ? Повторяемъ, здѣсь есть лишь самая отдаленная аналогія, обязанная своимъ происхожденіемъ метафорическому способу выраженія. Будемъ остерегаться подобнаго злоупотребленія словами.

Точно также употребляютъ слово „идеальный“, какъ синонимъ слова „Богъ“, совершенно одно, безъ всякихъ поясняющихъ идей, мнѣ кажется, не менѣе опаснымъ. Обыкновенно идеальное противопоставляется реальному. Постоянная привычка противопоставлять одинъ изъ этихъ терминовъ другому приводитъ

разумъ къ тому выводу, что если Богъ идеаленъ, то только потому, что Онъ не реаленъ. Богъ, вслѣдствіе этого, становится лишь идеаломъ, въ противоположность міру реальности, чистой концепціи въ противоположность переходящимъ явленіямъ.

Всѣ эти слова: *абсолютный, безконечный, идеальный* нуждаются въ истолкованіи. Я ихъ не отвергаю; нѣтъ, но я желаю, чтобы ихъ объясняли. Ни одно изъ нихъ, взятое въ отдѣльности, не достаточно ясно выражаетъ, что Богъ существуетъ не какъ идея; что Онъ существуетъ въ дѣйствительности, реально; что Онъ живетъ и дѣйствуетъ. Напротивъ всѣ они возбуждаютъ въ нашемъ умѣ скорѣе мысль о принципѣ, чѣмъ о существѣ, скорѣе мысль объ извѣстномъ законѣ, чѣмъ о нѣкоторой реальности. Спиритуалистическая философія виновна въ томъ, что слишкомъ увлекалась этими абстракціями, которыя впоследствии были обращены противъ нея. Такимъ образомъ она сама способствовала тому смѣшенію идей, на которое ей теперь приходится жаловаться.

Возвратимся-же къ простымъ выраженіямъ старой метафизики для обозначенія понятія о Богѣ: „первая Причина“, „Винovníкъ бытія“ (*l'Être des êtres*), „разумъ“, какъ атрибутъ, опредѣляющій Его отношеніе къ міру. Здѣсь въ этихъ терминахъ уже нѣтъ мѣста для двусмысленности. Здѣсь ясно видно, что рѣчь идетъ о реальномъ существѣ. „Чистый актъ“, „вѣчный актъ мысли“, „первая причина и высочайшая реальность“, думаю что въ этомъ опредѣленіи заключается все, что для ума человѣческаго наиболѣе понятно въ Богѣ.

Спѣшу заявить, для предупрежденія предусматриваемыхъ мною возраженій, что для меня Причина абсолютная, опредѣленная, каковою она и должна быть, непременно предполагаетъ различіе субстанцій; что это выраженіе не означаетъ эволюціи единой субстанціи, измѣняющейся въ самой себѣ и производящей изъ себя систему своихъ твореній; что оно предполагаетъ актъ существа, которое стоитъ внѣ и выше своихъ произведеній; что абсолютная причина существуетъ въ себѣ, внѣ и выше ряда производимыхъ ею существъ и явленій; вотъ что нужно понять какъ слѣдуетъ. Нужно также остерегаться смѣшенія реального и живаго отношенія Божественной при-

чины съ логическимъ и абстрактнымъ отношеніемъ смысла вещи или закона. Съ извѣстной точки зрѣнія, совершенно справедливо, что Богъ есть разумъ вещей, потому что самая субстанція твореній основывается на актѣ Его воли и Его мысль управляетъ ихъ развитіемъ, но этотъ актъ и эта мысль суть причина трансцендентальная, т. е., отличная отъ ряда своихъ слѣдствій. На это необходимо обратить особенное вниманіе: это чрезвычайно важный и вмѣстѣ тонкій пунктъ опредѣленія, съ которымъ связаны самые серьезные интересы метафизики.

Если мы установимъ, какъ слѣдуетъ, тотъ пунктъ, что Богъ не имманентенъ міру и что міръ не сливается съ нимъ; то этимъ самымъ мы устранимъ въ принципѣ всякую опасность серьезныхъ недоразумѣній. Поэтому намъ тогда ничего уже больше не останется, какъ снова принять тѣ неполныя опредѣленія, которыя мы раньше отвергли и которыя, объясняемыя и подкрѣпляемыя нашимъ опредѣленіемъ, не представляютъ уже ни какой трудности для истолкованія: хотя Богъ и не есть субстанція міроваго Бытія, но, по крайней мѣрѣ, Онъ есть принципъ его реальности. Его дѣятельность, Его мысль обнимаетъ и проникаетъ міръ. Малѣйшій атомъ существуетъ лишь въ силу извѣстнаго математическаго закона, который есть божественная мысль, опредѣляющая какъ самое бытіе матеріи, такъ и его формы и условія. Богъ есть также, съ этой точки зрѣнія, законъ организма, принципъ той образовательной силы, которая открывается въ тѣлахъ и распредѣляетъ ихъ части въ виду извѣстной общей цѣли,—живая формула каждаго типа, удерживающая жизнь въ неизмѣнныхъ рамкахъ рода, препятствующая ей бесполезно расцѣваться; тайная и всегда дѣйствующая сила природы, сообщающая хаотической массѣ вещей движеніе, которое ихъ упорядочиваетъ и распредѣляетъ. Въ то же самое время, Богъ есть совершенный образецъ для души человѣческой, вѣчно-дѣятельный верховный разумъ, которому душа подражаетъ въ своей случайной дѣятельности, составляющей ея природу. Наконецъ, Богъ есть идеаль, ибо истинный идеаль есть не абстракція, но совершенство реальнаго. Идеализировать предметъ не значитъ уничтожать его; это значитъ отнять у него то, что его ограничиваетъ, освобо-

дить его отъ несовершенства, въ грубомъ образѣ открыть божественный перво-образъ.

Все это не есть доказательство, а простое опредѣленіе понятія о Богѣ, которое имѣетъ своею задачею поставить споръ въ необходимые для нашихъ цѣлей предѣлы и устранить двусмысленность.

Это опредѣленіе нѣкоторымъ покажется, быть можетъ, очень отвлеченнымъ. Но нужно понять, что спиритуалистическая философія должна остерегаться метафорическихъ выраженій, которыя могли бы оправдать пошлыя эпиграммы на представленіе о Богѣ Творцѣ, какъ о „верховномъ зрителѣ, возсѣдающемъ гдѣ-то надъ облаками, на тронѣ, окруженномъ громами и молніями“. Нужно притомъ имѣть въ виду, что Богъ есть предметъ интуиціи ума, а не чувственного опыта; что поѣтому, утверждая живую реальность Бога, безъ которой, по нашему мнѣнію, нѣтъ Бога, наше опредѣленіе должно имѣть въ виду лишь чистый разумъ, и не должно давать ни какой пищи нашимъ представляющимъ способностямъ, напримѣръ воображенію, которое можетъ внести лишь смуту въ метафизику.

Итакъ, мы отстаиваемъ Бога живаго и разумнаго въ противоположность Богу натурализма, который есть лишь геометрической законъ или слѣпая сила; въ противоположность Богу гегельянскому, который есть лишь неопредѣленное Бытіе, причина и начало вещей, или абсолютный Духъ, какъ результатъ и продуктъ міроваго развитія; въ противоположность Богу новаго идеализма, который, чтобы спасти, такъ сказать, божественность Бога, отнимаетъ у Него Его реальность. Противъ всѣхъ этихъ утонченныхъ и неразумно-смѣлыхъ концепцій мы утверждаемъ, что если бы существо совершенное не существовало, то оно не было бы совершеннымъ; что простой идеаль мысли не есть Богъ; что если Онъ не есть субстанція, то Онъ есть лишь простая идея, простая категорія разума, продуктъ и принадлежность моей мысли, съ угасаніемъ которой уничтожается и Богъ; что если Онъ не есть причина, то Онъ самое бесполезное изъ существъ; что, если Онъ есть причина, то Онъ отличается отъ ряда своихъ твореній, наконецъ, если Онъ есть причина, то Онъ есть разумъ, высочайшая и само-

сознательная Мысль; ибо если бы Онъ не былъ таковымъ, то Онъ былъ бы лишь роковою силою, слѣпымъ двигателемъ міра и былъ бы ниже своихъ твореній, потому что въ системѣ Его твореній, такъ особенно въ человѣкѣ, обнаруживается и сіяетъ божественный разумъ.

Еще одна послѣдняя черта, и наше опредѣленіе будетъ закончено. Этотъ Богъ живой и разумный есть также Богъ любящій. Въ наши дни много говорятъ о чувствѣ божественнаго, о сознаніи тѣсной связи съ Богомъ, какое имѣютъ въ себѣ добрыя души, о блаженствѣ, въ минуты скорби и смятенія, прибѣгать къ *Небесному Отцу* и говорить Ему: „*Отче нашъ!*“ Я вполне сочувствую этимъ прекраснымъ словамъ. Но этотъ мистическій языкъ смущаетъ меня, какъ скрывающій нѣкоторое противорѣчіе. Многіе изъ употребляющихъ его писателей отказываются (хотя ихъ настоятельно просятъ объ этомъ) отвѣтить на слѣдующій простой вопросъ: этотъ *Отецъ*, которому вы покланяетесь, существуетъ ли въ дѣйствительности? Знаетъ ли Онъ васъ и любитъ ли васъ? И однако не есть ли самая непосредственная, самая простая, самая очевидная истина та мысль, что для того, чтобы поклоняться (*adorer*), нужно вѣрить въ реальность того существа, къ которому обращено наше поклоненіе (*adoration*),—это величайшее явленіе нравственной жизни,—нужно вѣрить, что есть Богъ, который насъ знаетъ, который влечетъ къ себѣ наше сердце и отвѣчаетъ ему взаимностію? Богъ нелюбящій не былъ бы достоинъ поклоненія. Поклоненіе есть не что иное, какъ высшая степень любви, а любовь не мыслима безъ взаимности. Нельзя *обожать* и поклоняться закону, какъ бы простъ и плодотворенъ онъ ни былъ; нельзя *обожать* слѣпую силу, какъ бы могущественна и универсальна она ни была, а также и абстрактный идеалъ, какъ бы чистъ онъ ни былъ. Мы обожаемъ Существо, которое есть живое совершенство, совершенство реальности въ ея высшихъ формахъ, т. е., Мысль, Любовь. Всякое другое поклоненіе и обожаніе есть бессмыслица, если оно относится къ простой абстракціи, и идолопоклонство, если относится къ міровой субстанціи.

Вотъ тотъ Богъ, котораго требуетъ разумъ и религіозное сознаніе человѣка. Вотъ нашъ Богъ.

IV

Я думаю, что спиритуалистическая философія по этому основному вопросу даетъ намъ истинный отвѣтъ. Но недавній суrowsый опытъ, который даетъ себя чувствовать еще и въ настоящее время, долженъ научить ее держаться насторожѣ, не коспѣть, какъ она дѣлала доселѣ, въ мнимо базопасныхъ твердыняхъ возродившейся схоластики, когда вокругъ нея все преобразовалось: историческая и религіозная критика, науки физическія и естественныя.

Критика Канта произвела на спиритуалистическую философію въ ея слишкомъ монотонномъ движеніи благотворное дѣйствіе. Когда эта критика проникла во Францію, или когда она тамъ была серьезно понята (что совершилось медленно и не безъ труда), — она принесла большой плодъ; она заставила насъ размышлять. Она какъ бы потребовала у спиритуалистовъ, чтобы они менѣе легкомысленно относились къ доказательству своего ученія, чтобы оставили поверхностные приемы анализа и поштки слишкомъ поспѣшнаго синтеза, и признали наконецъ трудность вопросовъ, что служить признакомъ философскаго развитія ума и эпохи. Но критика Канта, превосходная, какъ средство, возбуждающее размышленіе, была бы смертельна для всякаго, кто захотѣлъ-бы на ней остановиться. Самъ Кантъ не остался въ ея узахъ. Онъ освободился отъ нихъ путемъ переворота, который покрываетъ его вѣчною славой. Обратившись всѣми силами своей души къ нравственному закону, онъ возстановилъ, путемъ выводовъ изъ этого закона, всѣ великіе предметы метафизической вѣры: свободу, будущую жизнь, Бога.

Къ несчастію, наши противники не подражаютъ ему до конца. Они заимствуютъ у Канта только его критику. Отсюда происходятъ и упорные нападки на ту философію, которая различаетъ въ человѣкѣ два принципа, признаетъ будущую жизнь, Бога реальнаго и живаго. Современная философія предалась духу отрицанія и сомнѣнія.

Воспользуемся, по крайней мѣрѣ, при этомъ переходномъ состояніи умовъ возраженіями нашихъ противниковъ. Можно было бы написать, вслѣдъ за Плутархомъ, прекрасную статью

на тему: *о пользѣ, какую приносятъ намъ наши враги*. Умѣніе обращать свои несчастія въ средство къ исправленію есть великое искусство жизни и имѣетъ превосходное примѣненіе въ философіи. Какъ бы ни было сурово испытаніе, оно можетъ быть полезно для того, кто умѣетъ, какъ слѣдуетъ, къ нему относиться.

Всякая доктрина, хотя бы она была абсолютно истинною, выигрываетъ отъ нападеній на нее противниковъ. Искренно сознаемъ, что у насъ было много недостатковъ и что мы избавились отъ большихъ опасностей. Мы называли равнодушіе и вялость спокойнымъ состояніемъ умовъ, мы считали разрѣшеніе великихъ вопросовъ слишкомъ легкимъ; мы принимали безъ серьезной провѣрки доказательства явно неудовлетворительныя. Наконецъ, мы все болѣе и болѣе обособлялись отъ движенія физическихъ, естественныхъ и историческихъ наукъ, которыя имѣютъ такъ много точекъ соприкосновенія съ философіей и имѣютъ то великое преимущество, что освѣжаютъ универсальныя, идеальныя и абстрактныя изслѣдованія человѣка, ставя его въ постоянное соприкосновеніе съ живою реальностію, въ ея двухъ формахъ: природы и исторіи.

Узнать болѣзнь значитъ почти излѣчить ее. Мы знаемъ теперь, какою болѣзнию страдала спиритуалистическая философія. Она знаетъ средство противъ нея.

Въ особенности пусть она не впадаетъ въ отчаяніе. Она видѣла дни гораздо хуже, чѣмъ теперь. Десять лѣтъ тому назадъ, публика была болѣе равнодушна, и общественное мнѣніе относилось къ ней съ большею враждебностью. Все въ этомъ мірѣ подчинено закону реакціи. Спиритуализмъ успокоивалъ себя обманчивой побѣдой; онъ внезапно очнулся, и увидѣлъ вокругъ себя полный кризисъ. Натурализмъ и пантеизмъ сдѣлали смѣлое нападеніе на умы французовъ, и на время побѣдили ихъ. Теперь французская мысль мало-по-малу оправляется отъ этого жестокаго пораженія. Она приходитъ въ себя и возвращается къ своимъ инстинктамъ, которые въ сущности суть инстинкты человѣческаго разума.

По многимъ признакамъ можно судить объ этомъ возвращеніи и предсказывать его съ большою вѣроятностью. Отчего

зависитъ, что теперь публика сама начинаетъ столь живо интересоваться тѣми высокими вопросами, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось, составляли удѣлъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ натуръ и небольшого числа ученыхъ спеціалистовъ? Теперь эти вопросы обсуждаются запросто и непринужденно, потому что ихъ задаютъ себѣ всюду, и всѣхъ они упорно преслѣдуютъ. Нѣтъ ни одного образованнаго круга, въ которомъ, въ серьезныя или печальныя минуты, не являлся бы на сцену вопросъ о происхожденіи и судьбѣ міра. Всюду замѣчается какъ бы тревожная забота о вещахъ божественныхъ.

Этою безпокойною любознательностію по отношенію къ великимъ проблемамъ мы обязаны нашимъ противникамъ. Если въ душахъ пробудилось живое и глубокое чувство драгоцѣности этихъ идеальныхъ истинъ, этихъ вѣрованій и этихъ надеждъ, то лишь съ того времени, когда люди увидѣли, что имъ угрожаетъ опасность потерять ихъ и что, вслѣдствіе усилій новѣйшей критики, первый Принципъ уходитъ отъ нихъ въ болѣе глубокую тьму. Поэтому не будемъ жаловаться на пережитый кризисъ и на постигшее насъ испытаніе. Это безпокойное сомнѣніе не лучше ли соответствуетъ достоинству философіи, чѣмъ вялость и отсутствіе мысли, чѣмъ пошлый оптимизмъ, отличающій эпохи упадка? Умственные условія нашего времени дѣлаютъ для насъ невозможною ненарушимую ясность вѣрованій, и не мы увидимъ золотой вѣкъ спокойнаго убѣжденія. Этотъ вѣкъ миновалъ безвозвратно. Но послѣ чистыхъ наслажденій истиною, съ полною увѣренностью созерцаемой удовлетвореннымъ разумомъ, я не знаю болѣе возвышеннаго состоянія души, какъ возбужденная любознательность и серьезное сомнѣніе,—не то сомнѣніе, которое рисуется собою и которое въ сущности есть лишь болѣзненная любовь къ парадоксамъ и противорѣчіямъ, но сомнѣніе мужественное, искреннее, которое мучается, страдаетъ и имѣетъ твердую рѣшимость придти къ опредѣленнымъ выводамъ, разъ это сдѣлается для него возможнымъ.

Впрочемъ, будемъ твердо надѣяться, что разумъ человѣческій, который въ настоящее время смущаетъ и какъ бы ослѣпляетъ и величіе природы, и обаяніе абсолютнаго единства,—

возвратитъ себѣ вѣрность взгляда и спокойствіе мысли по отношенію къ тѣмъ метафизическимъ вопросамъ, предметомъ которыхъ служитъ душа и ея конечная цѣль, Богъ и Его отношеніе къ міру. Люди снова начнутъ вѣчную работу философіи, конечно не безъ борьбы, но съ болѣе вѣрными методами, съ болѣе точными и болѣе широкими взглядами на совокупность вещей. Они вновь усвоятъ существенные и дорогіе для человѣчества догматы и, видя, какъ они легко согласуются съ научными данными, будутъ удивляться, что нѣкогда они могли считать ихъ несомвѣстными. Только тогда въ истинномъ величіи явится идея природы. Люди перестанутъ видѣть въ ней фантасмагорію пустыхъ призраковъ или выраженіе механическаго равновѣсія; они опять станутъ смотрѣть на нее, какъ на гармоническую систему реальныхъ, существъ, какъ на планъ, безъ сомнѣнія, исключаяющій произволъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключаящій и случай, обнаруживающій въ стройномъ порядкѣ своихъ явленій высочайшую Мысль, а не слѣпую необходимость.

* * *

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Іюля № 14. 1897 года.

Содержаніе. Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1896 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологи.—Объявленія.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Въ № 26 Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, за 1897 годъ, напечатано объявленіе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ слѣдующаго содержания: въ № 45 Церковныхъ Вѣдомостей за 1895 годъ Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ уже сдѣлано было подробное разъясненіе о бесполезности возбуждаемыхъ церковными причтами, помимо своего Епархіальнаго Начальства, ходатайствъ предъ центральнымъ Управленіемъ Святѣйшаго Синода о скорѣйшемъ назначеніи или увеличеніи имъ содержанія изъ казны. Несмотря, однако, на означенное разъясненіе, весьма многіе причты и отдѣльныя ихъ члены (сами отъ себя или чрезъ третьихъ лицъ) продолжаютъ обращаться непосредственно въ Святѣйшій Синодъ или на имя Синодальнаго Оберъ-Прокурора съ прошеніями о возможно скорѣйшемъ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія. Всѣ подобнаго рода прошенія до настоящаго времени отсылались, обыкновенно, на заключеніе Епархіальныхъ Преосвященныхъ, по отзывамъ которыхъ прошенія эти неоднократно признавались незаслуживающимъ уваженія, о чемъ и извѣщались причты, доставившіе гербовыя марки на отвѣтъ. Нѣкоторые же изъ преосвященныхъ, не входя въ подробности приводимыхъ въ такихъ прошеніяхъ обстоятельствъ, отвѣчали прямо ссылкой на представленныя уже въ центральное управленіе изъ епархій вѣдомости о

матеріальномъ положеніи причтовъ, указывая лишь на ту очередь относительно назначенія содержанія, въ которую, по вѣдомости, включенъ подавшій прошеніе причтъ. Вся эта переписка, при установившемся уже порядкѣ извѣстной постепенности въ обезпеченіи причтовъ содержаніемъ, лишь усложняетъ безъ всякой пользы и безъ того обширное дѣлопроизводство по обезпеченію духовенства содержаніемъ, а для самихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ причтовъ является лишь безплодною проволочкою времени и вызываетъ бесполезный для нихъ расходъ на уплату гербоваго сбора.

Въ виду замѣченной г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода ненормальности такого положенія дѣла, Хозяйственное Управленіе, по приказанію Его Высокопревосходительства, вновь обращаетъ особое вниманіе причтовъ на помѣщенное въ № 45 Церковныхъ Вѣдомостей за 1895 годъ разъясненіе, сущность котораго сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1. Съ ходатайствами объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія, чрезъ назначеніе-ли содержанія изъ казны или какого либо иного пособія, причты должны обращаться къ своему епархіальному начальству.

2. Подача причтами прошеній по указаннымъ въ предъидущемъ пунктѣ предметамъ непосредственно въ Святѣйшій Синодъ или на имя Синодальнаго Оберъ-Прокурора представляется нарушеніемъ установленнаго порядка сношеній и ведетъ только къ излишней перепискѣ и проволочкѣ времени, безъ всякой пользы для дѣла.

3. Порядокъ постепеннаго и ограниченаго, по размѣру, ассигнованія изъ казны суммъ на улучшеніе содержанія городскаго и сельскаго духовенства исключаетъ всякую возможность одновременнаго обезпеченія содержаніемъ всѣхъ причтовъ въ Имперіи, и потому, естественно, содержаніе назначается прежде самымъ бѣднѣйшимъ причтамъ, согласно указанію мѣстнаго епархіальнаго начальства.

За симъ причты поставляются настоящимъ оповѣщеніемъ въ извѣстность, что по всѣмъ подаваемымъ ими непосредственно въ Центральное Управленіе Святѣйшаго Синода прошеніямъ о назначеніи содержанія изъ казны не будетъ отнынѣ возбуждаемо никакой переписки съ епархіальными преосвященными, и всѣ таковыя прошенія будутъ оставляемы безъ всякаго разсмотрѣнія.

Печатаая означенное объявленіе Хозяйственнаго Управленія при

Святѣйшемъ Синодѣ, Харьковская Духовная Консисторія поставляетъ въ непремѣнную обязанность причтамъ Харьковской епархіи обратить на таковое объявленіе Хозяйственнаго Управленія должное свое вниманіе и принять его къ исполненію, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду и опредѣленіе Харьковскаго епархіальнаго начальства, объявленное причтамъ въ циркулярномъ указѣ Консисторіи, отъ 11 ноября 1896 г. за № 10920, чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, по поводу подачи причтами прошеній епархіальному начальству о скорѣйшемъ назначеніи или увеличеніи имъ содержанія изъ казны.

Епархіальныя извѣщенія.

На праздное священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ, согласно прошенію, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Лисенко*.

— Священникъ Варваровской церкви с. Искрисковщины, Сумскаго уѣзда, Василій *Хижняковъ*, 5 Іюля и. г. волею Божіею умре.

— Священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Малаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда, Михаилъ *Подольскій*, уволенъ, согласно прошенію, по старости за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ, тоже согласно прошенію, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Петръ *Кузнецовъ*.

— Кандидатъ Харьковскаго Университета, Макарій *Мантулинъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Покровской церкви сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Николаевской церкви, сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Теодоръ *Войтовъ*, утвержденъ членомъ благочинническаго совѣта 1-го округа того же уѣзда.

— Священникъ церкви сл. Байдовки, того же уѣзда, Евлампій *Агницевъ*, утвержденъ блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ училищахъ 1-го округа того же уѣзда.

— Священникъ церкви сл. Терновой, Волчанскаго уѣзда, Василій *Евсикій*, утвержденъ въ должности помощника благочиннаго 1-го округа Волчанскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Иванъ *Димаревъ* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви с. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщики Рождество-Богородичной церкви с. Боромли, Ахтыр-

скаго уѣзда, Дмитрій *Подольскій* и Преображенской церкви г. Ахтырки Николай *Пономаревъ*, перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Пророко-Ильинской церкви г. Сумъ купецъ Григорій *Кулишевъ*; къ Владимірской церкви с. Могрицы Сумскаго уѣзда, крест. Емельянъ *Карпенко*; къ Вознесенской церкви с. Бобринка, Сумскаго уѣзда крест. Николай *Барановъ*; къ Покровской церкви с. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, крест. Семень *Мевака*; къ Архангело-Михаиловской церкви заштн. гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, крест. Косма *Цымбалъ*; къ Николаевской церкви с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, крест. Евстафій *Назаренко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Трудолюбіе и бодрость папы Льва XIII.—Какъ смотрять на панскія усилія западные народы.—Англійскіе проводы архіепископа Антонія.—Англичанцы о Россіи.—Православныя церковныя общины въ Соединенныхъ Штатахъ.—Церковно-православный конгрессъ венгерскихъ сербовъ.—Рѣчь варшавскаго священника князю Имеретинскому.—Единеніе и взаимность православно-славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова.—Гробъ Господень въ Іерусалимѣ.—Православіе въ Эстляндіи.—Знаніе и просвѣщеніе.—Знаменитый англійскій физикъ Крукъ о естествознаніи.—Древніе рукописи въ Египтѣ.—Профес. Ключевскій о расколѣ.—Въ вителлигентомъ скиту.—Общество Братьевъ милосердія.—Духоборческаа секта.—Полезное напоминаніе.—Некрологи.

Восьмидесяти-семилѣтній старецъ, папа Левъ XIII, являетъ собою удивительный примѣръ трудолюбія и бодрости духа. Не взирая на невыносимые жары, онъ пересѣхалъ со своей виллы въ Ватиканъ, гдѣ усердно предается усидчивымъ занятіемъ. Только поразительная сила воли поддерживаетъ въ немъ бодрость и энергію. По словамъ «Моск. Вѣд.», въ настоящее время онъ, между прочимъ, съ чрезвычайнымъ рвеніемъ трудится надъ вопросомъ о присоединеніи восточныхъ церквей, съ тщательнымъ вниманіемъ относятся ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ, все провѣряетъ самъ. Онъ принимаетъ рѣшительно всѣхъ, какъ политическихъ дѣятелей, такъ и духовныхъ особъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ начатымъ по этому предмету переговорамъ.

— Какъ смотрять на эти панскія усилія западные народы, это лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ англійскаго журнала «Церк. Обзоръ»: Если мы правильно читаемъ указаніе перста Божія, то нашъ (англичанъ) путь лежитъ прямо къ восточной цер-

кви, и мы должны идти этимъ путемъ въ полной зависимости отъ Его водительства, при чемъ въ то же время мы отвращаемъ свои взоры теперь отъ Рима, каковы бы ни были наши склонности и симпатіи—разъ Онъ прервалъ этотъ путь. Если бы мы пошли этимъ путемъ, то встали бы еще въ худшія затрудненія, чѣмъ въ какихъ находимся теперь. Мы уподобились бы Валааму, выступившему на запрещенное дѣло и встрѣтившему ангела, который препятствовалъ его дальнѣйшему движенію. Могутъ однако спросить: „а что, если вы сдѣлали ошибку“?—Даже если бы мы и сдѣлали ее, во всякомъ случаѣ мы не можемъ оказаться въ заблужденій, принимая масличную вѣтвь, протигиваемую намъ православною церковію; мы не можемъ сдѣлать неоправданнаго шага, выступая на встрѣчу этой древнѣйшей изъ церквей. Мы не навязываемъ римской церкви невозможныхъ условій воссоединенія; но если бы церковь русская и англійская соединились между собою, то мы представили бы такую силу предъ лицомъ остальнаго христіанскаго міра, что епископу Рима вполне исполнительно было бы пообсудить свое положеніе и снизойти съ самозакваченнаго сѣдалища непогрѣшимости, чтобы стать въ рядъ съ нами для защиты вѣры противъ усиливающагося раціонализма и невѣрія, которыми характеризуются эти заканчивающіеся годы XIX вѣка. Мы не можемъ оказаться въ заблужденіи, если поставимъ себя подъ водительство Св. Духа и просто будемъ слѣдовать туда, куда Онъ ведетъ насъ, и Онъ, если мы окажемся смиренно слѣдующими нашимъ склонностямъ, позаботится привести насъ обратно къ правымъ путямъ и сохранить Свою церковь отъ ущерба, который мы могли бы причинить ей этимъ.

— Въ Англіи архіепископу Антонію были оказаны самые сердечные проводы. При отъѣздѣ изъ Дувра его провожало все мѣстное духовенство крестнымъ ходомъ до самаго парохода. На двухъ высокихъ береговыхъ террасахъ расположились провожавшіе: на верхней помѣстились хоругвеносцы и крестносцы, сзади ихъ—хоръ пѣвчихъ; обѣ террасы переполнены были народомъ. Было около 11-ти часовъ вечера; стояла темная, безлунная ночь; вся картина освѣщалась лишь мелькавшими здѣсь и тамъ огоньками газовыхъ рожковъ и фонарей, что придавало ей еще болѣе поэтической характеръ. Неумолкавшее стройное пѣніе англиканскихъ пѣвчихъ, правда, оставалось для русскихъ непонятнымъ, за то, въ виду прочей обстановки, оно много говорило христіанскому

чувству... И это мелодичное пѣніе, и развѣвавшіяся хоругви, и симпатичное англиканское духовенство въ цвѣтныхъ мантияхъ, и этотъ народъ, собравшійся посмотрѣть иностраннаго архіерея,—такою теплотою вѣяло ото всего этого, такъ согласно было съ духомъ Руси православной, что невольно забывалась чуждая пока православію среда и совершившимся фактомъ казался отдаленный идеалъ Христовой церкви, по которому она должна представлять единственное стадо съ единымъ пастыремъ... Будемъ же желать, чтобы этотъ отдаленный идеалъ братскаго единенія христіанскихъ народовъ осуществился какъ можно скорѣе.

— Статья въ *Review of Reviews*, посвященная вопросу о федераціи Европы, въ которой роль верховнаго судьи отведена германскому императору, заключаетъ въ себѣ въ высшей степени восторженные строки по адресу Россіи, „первой изъ державъ по пространству и силѣ—мечу Европы противъ невѣрныхъ, единственной въ теченіи столѣтій опорѣ и защитницѣ христіанскаго востока“. „У порога Россіи, говоритъ далѣе авторъ статьи, разыгрывались всѣ ужасы азіатскихъ завоеваній. Было время, когда кочующіе татары хозяевами расхаживали отъ степей до побѣжденной Москвы. Но бури кочующаго варварства не пошла дальше русской земли, которая, хотя сама и была наводнена, тѣмъ не менѣе спасла Европу. Черезъ нѣкоторое время русскіе свергли иго угнетателей и вступили на путь своей вѣковой миссіи—защитниковъ и борцовъ за христіанскій востокъ. Ихъ самоотверженной храбрости обязанъ міръ свободой Румыніи, эмансипаціей Сербіи, независимостью Греціи и освобожденіемъ Болгаріи. Въ настоящее время между Прутомъ и Адриатическимъ моремъ нѣтъ свободнаго человѣка, который не былъ бы своей свободой обязанъ Россіи. Свобода этихъ восточныхъ земель крещена русской кровью, пролитой добровольно въ священной войнѣ съ магометанскими притѣснителями. Но не одна свобода восточныхъ земель находится въ неоплатномъ долгу у русскихъ. Какъ въ средніе вѣка Россія собственной грудью выдержала напоръ татарскихъ копій и, обливаясь кровью, стояла оплотомъ для Европы противъ азіатскихъ ордъ, такъ на зарѣ текущаго столѣтія она встрѣтила и остановила опустошительный потокъ наполеоновскихъ завоеваній. Пламя ея горячей столицы было утренней зарей европейской свободы. Москва нанесла тотъ смертельный ударъ, въ которому Лейпцигъ и Ватерло были только подготовленіемъ. Въ послѣдніе годы Рос-

сія оказала челоѣчеству предохранительную услугу, обуздавъ варваровъ азіатскихъ степей и уничтоживъ рабство въ сердцахъ Азіи. Теперь она охватываетъ континентъ стальнымъ кольцомъ, и отъ Архангельска до Одессы, отъ Варшавы до Сахалина поддерживаетъ миръ. Предъ лицомъ Азіи, фанатически-мусульманской, и предъ лицомъ Европы, фанатически-папской, Россія одинаково противъ турецкихъ палашей и польскихъ коней, стойко сохранила свою вѣрность христіанской религіи. Ея путешественники проникаютъ въ отдаленнѣйшія пустыни Азіи; ея ученые стоятъ въ переднихъ рядахъ современныхъ открытій; несокрушимая храбрость ея солдатъ дала міру новые уроки силы самоотверженнаго повиновенія; ея бѣднѣйшіе крестьяне сохранили въ неприкосновенности блестящую вѣрность престолу и благочестіе среднихъ вѣковъ; ея гениальные писатели, какъ Тургеневъ, восхищаютъ міръ своими произведеніями; ея художники, какъ Ге и Верещагинъ, проявляютъ такую же гениальность на полотнѣ, какъ Рубинштейнъ и Падеревскій въ музыкѣ. Много и теперь въ Россіи, какъ во всякой другой странѣ, есть такого, отсутствія чего желали бы величайшіе патріоты ея, но кто можетъ отрывать, что въ общемъ исчезновеніе Россіи изъ европейской плеяды сдѣлало бы насъ дѣйствительно бѣдными? Не должно забывать, замѣчаютъ «Мір. Отг.», что это голосъ англичанина, отъ котораго трудно было бы ожидать простого безпристрастія, не только восторговъ.

— Католическія газеты пишутъ: въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ живетъ полмилліона мадьярскихъ Славянъ (Словаковъ и Русиновъ, то-есть Русскихъ). Между ними ранѣе было не болѣе двухъ-трехъ челоѣкъ православнаго восточнаго вѣроисповѣданія, а теперь устриваются большія православныя церковныя общины, хотя не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ протекло съ той поры, какъ Николай Санъ-Францисковскій, православно-русскій епископъ, вѣрный посланецъ русскаго Св. Синода, началъ обращать въ православіе нашихъ католическихъ Словаковъ и греко-католическихъ Русиновъ. Католическая газета говоритъ: „опасность руссификаціи и схизмы особенно угрожаетъ тѣмъ мадьярскимъ Словакамъ и Русинамъ, которые живутъ въ южныхъ штатахъ. Въ восточныхъ штатахъ Словаки и Русины хорошо организованы въ церковномъ быту; но съ тѣхъ поръ, какъ епископу Николаю удалось пріобрѣсти для православія греко-католическаго русинскаго священника А. Госта схизма ужасно быстро ширится здѣсь, и даже въ средѣ мадьяр-

скихъ Русиновъ. А какою энергію проявляетъ упомянутый епископъ Николай въ пользу распространенія схизмы, видно изъ того, что онъ въ послѣдніе 1½ года уже три раза посѣтилъ Allegheny, чтобы тамъ между Словаками и Русинами объединять всѣхъ приверженцевъ схизмы... Поѣздки епископа Николая имѣли еще и тѣ печальныя послѣдствія, что, по его вліянію, греко-католическій священникъ А. Дзюбай тайно перешолъ въ схизму. Пока съ одной стороны схизма бысто распространяется, съ другой наши греко-католическія общины распадаются, лишеныя матеріальной поддержки... „Какой духъ создаютъ эти обстоятельства среди нашихъ братій Словаковъ и Русиновъ, говоритъ далѣе газета, можно судить по тому, что члены американскаго словацкаго политическаго комитета послали президенту Французской республики Фору, во время пребыванія Русскаго Царя въ Парижѣ, слѣдующую телеграмму: „Скажите нашему Брату Николаю II, Царю Россіи, что ½ милліона американскихъ Словаковъ поздравляютъ Его и просятъ, чтобы Онъ освободилъ подъ Татрами живущихъ Словаковъ и уничтожилъ бездушныхъ Мадьяръ. „Съ тревогой помышляемъ мы, что будетъ когда обогащенные въ Америкѣ, православные по вѣрѣ, наслависты по чувству, Словаки и Русины большими группами возвратятся на родину, въ свои дома. Въ этомъ главная причина, да наше правительство бодрымъ окомъ слѣдитъ за тѣмъ, что здѣсь происходитъ съ нашими Словаками и Русинами“. Поистинѣ на это можно сказать, что у страха глаза велики; но все же нельзя не порадоваться такому великому усиѣху нашей православной миссіи въ Сѣверной Америкѣ и не пожелать добраго здравія главному ея руководителю, епископу Николаю.

— Въ Карловцахъ, столицѣ сербскаго патріарха въ Венгріи, происходили совѣщанія церковнаго православнаго конгресса венгерскихъ сербовъ, которому предшествовала бурная выборная агитация, столь ярко обнаружившая мадьярскія притѣсненія и гоненія на все то, что называется православнымъ. Конгрессъ этотъ, по словамъ «Р. Сл.», имѣетъ громадное политическое значеніе, такъ какъ свидѣтельствуетъ о несокрушимой силѣ сопротивленія имъ братскаго намъ сербскаго племени въ Венгріи, свято берегущаго автономію своей православной церкви отъ всякихъ мадьярскихъ на нее покушеній и насвлій.

Венгерскіе сербы, бѣжавшіе изъ подъ турецкаго ига два столѣтія тому назадъ, нашли пріютъ въ Венгріи, и австрійскій императоръ

Леопольдъ I обезпечилъ ихъ церковь разными привилегіями, въ силу которыхъ сербскій патріархъ сдѣлался не только церковнымъ, но и мірскимъ начальникомъ всѣхъ православныхъ сербовъ и валаховъ (румыновъ) въ Венгріи. Автономная же организація сербской православной церкви въ Венгріи была потомъ признана и утверждена рѣшеніями венгерскаго сейма въ 1848 году. Впослѣдствіи, въ 1864 году, румыны отдѣлились отъ сербской церкви, и власть сербскаго патріарха распространяется въ настоящее время только на семь епархій.

Самаго патріарха-митрополита и епископовъ выбираетъ конгрессъ, состоящій изъ 25 духовныхъ и 50 мірскихъ членовъ, избираемыхъ посредствомъ общаго народнаго голосованія. Этотъ конгрессъ,—собственно говоря, его исполнительный комитетъ,—управляетъ вмѣстѣ съ патріархомъ всѣми церковными и школьными дѣлами венгерскихъ сербовъ. Рѣшенія конгресса нуждаются, однако, въ одобреніи венгерскаго правительства, которое всегда имѣетъ на немъ своего представителя—спеціального комиссара. На настоящемъ конгрессѣ представителемъ венгерскаго правительства состоитъ баронъ Николичъ, единственный „магнатъ“ среди чисто демократическаго сербскаго населенія Венгріи. Патріархомъ же состоитъ Георгій (Бранковичъ), свято охраняющій завѣты сербской православной церкви.

Какъ сказано, автономія сербской церкви въ Венгріи была уважаема въ продолженіи 200 лѣтъ и даже была гарантирована венгерскою конституціей 1868 года, и въ теченіи долгихъ лѣтъ, пока партія Деака находилась у власти, никто не посягалъ на эту автономію.

Печальная эра для венгерскихъ сербовъ началась лишь тогда, когда у кормила правленія сталъ министръ Тиса, отдавшій всю внутреннюю политику Венгріи произволу калъвинизма, съ которымъ вскорѣ соединился масонизмъ и іудейзмъ. Однако, не смотря на всѣ притѣсненія и препятствія, какія встрѣчали въ это время венгерскіе сербы, имъ удалось послѣ продолжительныхъ усилій выхлопотать организаціонный статутъ для сербской православной церкви и пріобрѣсти для него санкцію австрійскаго императора. Этого было достаточно для жидовствующимъ мадьярскимъ политикамъ, чтобы объявить православнымъ венгерскимъ сербамъ войну и подвергнуть ихъ разнымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Не довольствуясь даже и этимъ, нынѣшній венгерскій министръ пре-

зидентъ Банфи, вмѣстѣ съ нѣсколькими преданными ему православными духовными лицами, которые считаются измѣнниками среди сербовъ, выработали проектъ новаго организаціоннаго статута, дѣлающаго сербскую православную церковь вполнѣ зависимою отъ мадьярско-жидовскаго правительства. Для этой цѣли, т. е., чтобы заручиться одобреніемъ конгресса этого новаго статута, были назначены выборы, которые однако окончились постыднымъ для мадьяръ пораженіемъ. Чувствуя опасность, которая грозитъ православной церкви, если этотъ статутъ будетъ принятъ конгрессомъ, всѣ венгерскіе сербы сплотились въ дружную и сильную оппозицію и, не смотря на разныя полицейскія препятствія и агитаціи, избрали въ настоящій конгрессъ самыхъ ярыхъ противниковъ мадьяръ. Изъ 75 избранныхъ членовъ конгресса, сербамъ принадлежитъ 65 депутатовъ, причемъ изъ 20 оставшихся 10 человекъ, по всей вѣроятности, будутъ также на ихъ сторонѣ. Во главѣ сербской оппозиціи, въ конгрессѣ стоятъ извѣстные патриоты—dr. Политъ-Десанчичъ и баронъ Живковичъ. Уже на первомъ засѣданіи конгресса сербы заявили свое требованіе о сохраненіи status quo, т. е., о сохраненіи обязательнаго, до настоящаго времени, организаціоннаго статута, не желая, такимъ образомъ, и слышать о благодѣяніяхъ, подсовываемаго венгерскимъ правительствомъ конгрессу, „лучшаго“ статута. Но всеже, по словамъ «Моск. Вѣдом.», случилось то, что должно было случиться: между Мадьярскимъ правительствомъ и Сербскимъ церковнымъ конгрессомъ дѣло дошло до открытаго конфликта, слѣдствіемъ котораго, вѣроятно, будетъ распущеніе конгресса. Телеграфъ уже извѣстилъ, что засѣданія конгресса прекращены на неопредѣленное время, и что комиссаръ правительства, баронъ Николичъ, уѣхалъ въ Будапешть. Конгрессъ не подчинился требованію правительства относительно порядка своихъ занятій—и отсюда принятіе противъ него репрессивныхъ мѣръ. Въ 1872 году Сербскій церковный конгрессъ также кончился ничѣмъ изъ-за подобнаго же чисто формальнаго спора. Что виды на возобновленіе засѣданій конгресса чрезвычайно слабы, видно изъ того, что митрополитъ Бронковичъ уѣхалъ изъ Карловицъ въ Загребъ для участвованія въ засѣданіяхъ открывающагося тамъ Хорватскаго сейма. Такими насиліями барону Банфи едва ли удастся сломить сербскую оппозицію. Комиссія для выработки меморандума на имя императора конгрессъ поручилъ продолжать свою работу.

— Описывая поѣздку варшавскаго генераль-губернатора князя Имеретинскаго въ Калишь, «Варшавскій Дневникъ» приводитъ рѣчь священника мѣстнаго православнаго собора, сказавшую при встрѣчѣ генераль-губернатора. Вотъ начало этой рѣчи: „Вселенскій учитель святитель Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бѣсѣдъ говоритъ: „когда несущіе царскія знамена входятъ въ города при звукахъ трубъ и въ сопровожденіи многихъ воиновъ, тогда обыкновенно весь народъ стекается, чтобы послушать звуковъ и посмотреть на знамя высоко несомое и на мужество несущаго. Такъ и при вхожденіи вашей свѣтлости въ разные города и веси сего края, народъ стекается во множествѣ, чтобы видѣть вашу свѣтлость лицомъ къ лицу, чтобы услышать изъ устъ вашихъ благое слово, какъ перваго исполнителя Царской воли въ краѣ, высоко и съ мужествомъ несущаго Царское знамя, знамя мира, любви и единенія. По поводу этой рѣчи «Вирж. Вѣд.» дѣлаютъ слѣдующее прекрасное замѣчаніе, къ которому мы вполне присоединяемся. Рѣчь очень теплая и дѣлаетъ честь ея автору. Одушевленные такими чувствами русскіе дѣятели въ Польшѣ, конечно, гораздо болѣе дѣлаютъ на пользу обрусенія, чѣмъ всѣ заправскіе обрусители.

— Доблестная Черногорія, говоритъ «Цер. Вѣст.», является главнымъ піонеромъ единенія и взаимности православно-славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Къ сожалѣнію, среди другихъ народовъ не прекращается внутреннее соперничество и глухая борьба. Характеризуя положеніе дѣлъ на этомъ полуостровѣ, «Галичанинъ» справедливо говоритъ, что „недавняя греко-турецкая война должна послужить поучительнымъ примѣромъ какъ для грековъ, такъ и для другихъ народовъ, соплеменники которыхъ находятся подъ турецкимъ игомъ. Извѣстные адреса ессалійскихъ куцо-влаховъ о присоединеніи къ Турціи доказываютъ, до чего доводитъ національная нетерпимость. Греки, румыны, болгары и сербы нравственно обязаны уважать взаимные національные интересы и разъ навсегда отрѣшиться отъ національныхъ захватовъ другъ у друга. Въ Швейцаріи и Бельгіи могутъ жить въ мирѣ и согласіи различные національные элементы: почему бы не послѣдовать ихъ примѣру народамъ Балканскаго полуострова. Къ сожалѣнію, мы наталкиваемся на крайне уродливые факты национальной распри и вражды. Въ Македоніи кипитъ безобразнѣйшая усобица между болгарами и сербами. А между тѣмъ, если народы

Балканскаго полуострова не прекратитъ этой дикой междоусобицы, имъ не будетъ лучшей будущности—они, какъ краснокожіе, исчезнутъ съ лица земли“.

— «Петербургскія Вѣд.» указываютъ на печальное положеніе русской церкви по отношенію къ величайшей изъ христіанскихъ святынь—Гробу Господню. Извѣстно, что величайшая святыня міра, Гробъ Господень и мѣсто Голгоѣы, очутились по Божьему поущенію въ рукахъ грековъ. Съ теченіемъ времени, пользуясь или безсиліемъ грековъ или ихъ корыстолюбіемъ, доступъ къ Св. Гробу и право имѣть въ храмѣ Воскресенія свой алтарь получили латиняне, и армяне, а потомъ сирійскіе христіане и даже копты. А мы, русскіе, этого права, этой равноправности съ сирійцами, армянами и коптами не имѣемъ. Исторія этого невѣроятнаго остракизма для насъ, православныхъ русскихъ, длинна и поучительна. Поведеніе грековъ относительно русскихъ православныхъ, какъ мірянъ такъ и духовенства, и невѣроятно, и возмутительно. Русская православная церковь не имѣетъ у Гроба Господня своего алтара. Поэтому и своей службы, то-есть службы на понятномъ для русскихъ паломниковъ славянскомъ нарѣчій, она имѣть не можетъ. Греческая патріархія не разрѣшаетъ русскому духовенству даже совершать службу у греческаго алтара. Она допускаетъ только иногда сослуженіе пріѣзжаго русскаго іерарха съ греческимъ духовенствомъ. А между тѣмъ русскіе православные паломники—самые многочисленныя изъ всѣхъ, посѣщающихъ Іерусалимъ и Палестину. Ихъ приношеніями и сборами, совершаемыми въ Россіи въ пользу настоятельства Св. Гроба, существуетъ и само настоятельство и храмъ Гроба Господня. Русская щедрость и безкорыстіе, а главное трудовые гроши русскихъ паломниковъ обеспечиваютъ греческому духовенству, русскимъ враждебному, его содержаніе и благолѣпіе святыни міра! Для совершенія заказной литургіи у Св. Гроба отъ русскаго паломника требуютъ, по установленной греками таксѣ, не менѣе 25 рублей золотомъ. Когда православное палестинское Общество задумало устроить въ мѣстности, называемой „руссія раскопки“, особую домовую церковь для русскихъ паломниковъ,—не было тѣхъ интригъ, обмановъ, всякихъ изворотовъ, которые не были бы пущены въ ходъ именно греческой іерусалимской патріархіей, чтобы воспротивиться этому безобидному начинанію и всячески его затормозить. Когда греческіе іерархи и ихъ свѣтскіе покровители чувствуютъ иной разъ

свое безсиліе отстаивать очевидно неправое дѣло преслѣдованія русскаго православія,—они берутъ себѣ въ союзники или римско-католическихъ представителей папства, или мусульманскія власти, чтобы, ими прикрываясь и сваливая якобы отвѣтственность на нихъ, все-таки отстаивать свою греческую антихристіанскую нетерпимость къ православнымъ русскимъ и ихъ духовенству въ союзѣ съ папистами и мусульманами! Неужели же и теперь, только что избавившись, благодаря Россіи, отъ совершеннаго разгрома, греки будутъ продолжать свою недостойную игру по отношенію къ русскому народу и русской церкви? Къ сожалѣнію, факты доказываютъ, что не одна Австрія умѣетъ „удивлять міръ неблагодарностью“, а если такъ, то вѣдь Россія имѣетъ полное право и сама взять то, въ чемъ ей до сихъ поръ такъ нагло отказывали. Вообще греки не питаютъ расположенія къ русскимъ. «Крон. Вѣст.» говорятъ: Въ Россіи плохо знаютъ современную Грецію. Все знаніе ограничивается тѣмъ, что греки—православные. О томъ-же, чѣмъ они выражаютъ свое православіе, какъ они относятся къ своей благодѣтельницацѣ Россіи, у насъ имѣются самыя превратныя понятія. Стоитъ немного побыть въ Греціи, чтобы совершенно разочароваться въ этомъ искусственно созданномъ государствѣ. Этимъ незнаніемъ Греціи только и можетъ объясняться то, что у насъ находятся еще люди, берущіе въ столкновеніи ея съ Турціей именно ея сторону.

— «Новое Время» (№ 7.680) говорятъ, что постройки православныхъ церквей въ Эстляндіи были начаты въ 1887 году, когда на этотъ предметъ была ассигнована довольно значительная сумма. Въ 1896 году работа закончена. Вполнѣ обстроено тринадцать приходоѡ, тамъ выстроены церкви, школы, дома для причта и прочее; церкви всѣ каменные, прекрасной архитектуры, а остальные зданія частію только каменные, въ большинствѣ же случаевъ—деревянныя. Въ Ревелѣ существовала коммиссія, наблюдавшая и руководившая всѣмъ церковно-строительнымъ дѣломъ. Своевременно былъ также поднятъ вопросъ о надѣленіи церквей землей, вопросъ важный. «Новое Время» обращаетъ вниманіе на государственную сторону этого важнаго дѣла распространенія православія. Распространеніе православія между Эстонцами имѣетъ особое значеніе. Здѣсь Нѣмецъ и лютеранинъ—синонимы; какъ Нѣмецъ не можетъ быть не лютераниномъ, такъ и лютеранинъ не можетъ быть не Нѣмцемъ. Не нужно, однако, забывать, что на 400

тысячъ жителей Эстляндіи имѣется лишь тридцать тысячъ Нѣмцевъ, то-есть, привилегированнаго дворянскаго сословія, все же остальное населеніе—Эстонцы. Изъ среды этихъ-то 370 тысячъ и вышли тѣ православные, для которыхъ выстроены тринадцать церквей, строятся еще и будутъ въ будущемъ строятся безостановочно, такъ какъ число православныхъ постепенно изъ года въ годъ растетъ.

— «Моск. Вѣд.» указываютъ, что знаніе, даже обширное знаніе не всегда сопровождается просвѣщеніемъ. Вотъ почему и наше „интеллигентное“ общество, лишенное всякихъ религіозныхъ основъ, не находитъ выхода изъ ужаснаго положенія окружающей дѣйствительности. Оно, какъ въ гипнозѣ, бормочетъ затвержденные слова: „расшпреніе правъ“, „увеличеніе гарантій“, „больше просвѣщенія“, „образовательный цензъ“, а ужасъ положенія увеличивается день ото дня, съ каждымъ новымъ „правомъ“, съ каждою новою „гарантій“, съ каждымъ новымъ „завоеваніемъ“ въ области мнимаго просвѣщенія. Нельзя избавиться отъ недуга, не опредѣливъ — въ чемъ онъ именно состоитъ. Наша интеллигенція не хочетъ или не можетъ мужественно сознаться предъ собою, что ея недугъ состоитъ именно въ томъ, въ чемъ она предполагаетъ средства ко исцѣленію. Ни наука, ни право, ни гарантія, ничто подобное не въ состояніи улучшить нашей жизни. Надо, чтобы мы улучшились сами. Возвращеніе къ идеаламъ христіанства—единственное средство спастись отъ окончательнаго одичанія. Перестаньте быть интеллигентами и постарайтесь сдѣлаться христіанами. Тогда вы не ощутите валоности ни въ одной изъ тѣхъ „священныхъ потребностей“, которыя вытекаютъ изъ величайшей лжи призраковъ „правъ человѣка“. Въ этомъ же почти духѣ высказывается и И. Энгельгардтъ въ «Нов. Вр.»; онъ говоритъ: просвѣщеніе логическое, или чувственно-опытное, или вообще основанное на развитіи распавшихся силъ разума, не имѣя существеннаго отношенія къ нравственному настроенію человѣка, не повышается и не упадаетъ отъ его внутренней высоты или низости. Просвѣщеніе духовное, напротивъ того, есть знаніе живое: оно пріобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности, и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы. Его можно погасить въ себѣ, если не поддерживать постоянно того огня, которымъ оно загорѣлось.

— Современные естествоиспытатели уже ясно сознаютъ и открыто говорятъ объ относительности и даже ограниченности своихъ изслѣдованій. Это похвальная скромность. Знаменитый англійскій физикъ Круксъ говоритъ, что даже въ рядахъ явленій, хорошо нами изученныхъ, есть громадныя пробѣлы, заполнить которые мы пока не въ состояніи. Для этого онъ беретъ волнообразныя колебанія, вибраціи, происходящія какъ въ частичкахъ матеріальныхъ, твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, такъ и въ предполагаемомъ эфирѣ, лишенномъ главныхъ свойствъ матеріи. Мы имѣемъ неопровержимыя доказательства того, говорятъ онъ, что колебанія эти могутъ происходить отъ одного до двухъ тысячъ билліоновъ разъ въ секунду, служа при этомъ причиною весьма разнообразныхъ физическихъ явленій. Раздѣливъ ихъ на степени, мы получимъ слѣдующую серію этихъ послѣднихъ:

1-я степень	2 колеб. въ сек.
2-я "	4 " " "
3-я "	8 " " "
4-я "	16 " " "
5-я "	32 " " "
6-я "	64 " " "
7-я "	128 " " "
8-я "	256 " " "
10-я "	1,024 " " "
15-я "	32,768 " " "
20-я "	1.048,576 " " "
25-я "	33.554,432 " " "
30-я "	1.073.741,824 " " "
35-я "	34.359.738,368 " " "
40-я "	1.099.511.627,776 " " "
45-я "	35.184.372.088,832 " " "
50-я "	1.125.899.906.842,624 " " "
55-я "	36.028.707.018.993,968 " " "
56-я "	72.057.594.037.927,936 " " "
57-я "	144.115.188.075.855,872 " " "
58-я "	288.230.376.151.711,744 " " "
59-я "	576.460.762.303.423,488 " " "
60-я "	1.152.881.524.606.846,976 " " "
61-я "	2.305.766.009.213.693,952 " " "
62-я "	4.611.526.018.427.387,904 " " "
63-я "	9.223.052.036.854.775,808 " " "

Колебания отъ 1-й до 4-й степени человекъ воспринимаетъ, какъ механическое движеніе; отъ 4-й до 15-й—какъ звукъ, то-есть волнообразное колебаніе воздуха (для многихъ животныхъ, можетъ-быть, діапазонъ воспринимаемыхъ, какъ звукъ, колебательныхъ движеній гораздо шире); отъ 16-й до 35-й—какъ электрическіе лучи. Затѣмъ наступаетъ пробѣлъ: какія явленія обуславливаются колебаніями 35-й—45-й степеней—мы не знаемъ, хотя обязаны предположить, что эти колебанія играютъ какую-нибудь роль въ природѣ. Колебания 45—51 степени проявляются для насъ, какъ свѣтъ (въ очень узкихъ границахъ—отъ 450.000.000.000,000 до 750.000.000.000,000) в тепло. Затѣмъ—опять пробѣлъ. Наконецъ, между 58-й и 61-й степенью мы имѣемъ право предполагать проявленіе иксъ-лучей. Такимъ образомъ, уже въ вышепредставленной скалѣ колебаній мы имѣемъ два значительныхъ пробѣла, а вѣдь самую-то скалу можно предполагать безконечной. Какія же явленія обуславливаются колебаніями сотой и такъ далѣе степеней, если эти степени существуютъ?

— Лондонскій корреспондентъ «Новостей» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ найденныхъ англійскими учеными Гревфелломъ и Гентомъ въ Египтѣ. Въ числѣ этихъ рукописей находится манускриптъ, содержащій изреченія приписываемыя Спасителю.

Всѣ найденные манускрипты, до послѣдняго клочка, были сейчасъ-же увезены и изъ нихъ 150 свертковъ были поднесены египетскому правительству, а 280 ящичковъ были отправлены въ Англію.

Со временемъ будетъ обстоятельно разобрать и напечатанъ весь найденный матеріалъ, пока-же изданъ текстъ папируса, содержащій, будто-бы, изреченія Христа.

Текстъ напечатанъ въ двухъ видахъ: въ подлинномъ, написанномъ римскими буквами, и въ копіи—греческимъ алфавитомъ. Затѣмъ данъ его переводъ на англійскомъ языкѣ, снабженный очень интересными примѣчаніями ученыхъ издателей. Къ книжкѣ также приложено факсимиле оригинала. Всего папирусъ содержалъ на обѣихъ своихъ сторонахъ, восемь изреченій. Но изъ нихъ четвертое и восьмое, приходившіяся на оборванные концы, возстановить нельзя было и они, поэтому, совершенно затеряны, а въ пятомъ не хватаетъ нѣсколькихъ словъ и оно далеко не полно.

Вотъ эти изреченія въ дословномъ переводѣ съ англійскаго.

1) „...и тогда увидишь ясно, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“.

2) „Иисусъ говоритъ: Если не поститесь къ міру (выраженіе это очень темно въ греческомъ оригиналѣ и англійскій переводчикъ думаетъ, что оно означаетъ отказаться отъ міра), вы никакъ не найдете Царства Божія, и если вы не соблюдаете субботы, вы не увидите Отца“.

3) „Иисусъ говоритъ: Я стоялъ среди міра, и они видѣли Меня во плоти, и Я нашелъ всѣхъ пьяными и никого между ними не нашелъ Я жаждущимъ, и душа Моя скорбитъ о сынахъ человѣческихъ, потому что они слѣпы своими сердцами“.

5) „Иисусъ говоритъ: Гдѣ... и тамъ... одинъ, я съ нимъ. Подними камень и ты найдешь меня, расщепи дерево и я нахожусь тамъ“.

6) „Иисусъ говоритъ: Пророкъ не приипмается въ своемъ отечествѣ, какъ и врачъ не можетъ исцѣлять тѣхъ, которые знаютъ его“.

7) „Иисусъ говоритъ: Городъ, построенный на вершинѣ высокаго холма и утверженный, не можетъ упасть или быть скрытымъ“.

Какъ видите, нѣкоторыя слова совершенно совпадаютъ съ известнымъ уже намъ евангельскимъ текстомъ, а другія даютъ нѣчто совсѣмъ новое.

По соображеніямъ ученыхъ издателей, найденный манускриптъ принадлежитъ въ концу второго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ и составляетъ отрывокъ изъ какого-то сборника изреченій Христа. Быть можетъ, въ другихъ рукописяхъ окажутся интересныя данныя проливающія свѣтъ на до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованную эпоху первыхъ вѣковъ христіанства.

— Въ 36-ой (последней) книгѣ „Вопросовъ философіи“ профес. В. О. Ключевскій занимается расколомъ, какъ настроеніемъ и явленіемъ народной психологіи. Онъ отмѣчаетъ „своеобразное сплетеніе раскола съ латино-боязнью, съ недовѣріемъ ко всякимъ новшествамъ, когда среди порывовъ и сомнѣній, то боязливо всматриваясь впередъ, то съ сожалѣніемъ оглядываясь назадъ, засидѣвшаяся на Требникѣ и Святцахъ русская мысль робкими шагами подходила къ заповѣднымъ дверямъ школьваго научнаго образованія, когда русскій человѣкъ шелъ въ науку, какъ въ солдаты“. Проф. Ключевскій полагаетъ, что „именно этотъ историческій моментъ сообщилъ одну особенность всему дальнѣйшему ходу нашего образованія, придавъ какъ-бы нѣкоторую перѣшительность научной поступи русскаго ума. Въ массѣ обыкновенныхъ, зауряд-

ныхъ умовъ, даже очень просвѣщенныхъ и здравомыслищихъ, пристальное наблюдение открываетъ едва замѣтную темную полоску научнаго скептицизма... Не есть-ли это научное уныніе—запоздалый, оторвавшійся отъ своего источника и нѣсколько переродившійся отзывъ вкусоваго ощущенія отъ науки, отвѣданной по неволѣ, безъ внутренняго къ ней влеченія, безъ жажды знанія, когда въ школу вербовали и наряжали, какъ вербовали и наряжали въ заводившіеся тогда „полки иноземнаго строя“? Точка зрѣнія вполне новая. Она способствуетъ уясненію тѣхъ косвенныхъ и отдаленныхъ причинъ совращенія въ расколъ, о которыхъ до сихъ поръ никто еще и не заговаривалъ.

— Въ «Нов. Вр.» г. Н. Энгельгардтъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ одномъ изъ энтеллигентныхъ толстовскихъ скитовъ. Лѣтомъ, говоритъ онъ, пока была хорошая погода, все шло еще недурно, но какъ только, за дождями, прекратились полевые работы, началось другое. Рѣшили употреблять свободное время на чтеніе. Это была уступка со стороны Дмитрія, руководителя скита, который вмѣсто того предлагалъ заняться чвсткой пустоши и рытьемъ канавъ. Но ему пришлось уступить общимъ настояніямъ. Поѣли гороха съ квасомъ, достали Евангеліе и сейчасъ же заспорили, что именно читать. Одинъ предлагалъ читать прямо съ начала, другіе указывали разныя мѣста. Наконецъ рѣшили читать,—„на чемъ откроется“. Дмитрій взялъ святую книгу, открылъ: вышло о Страшномъ судѣ. Онъ началъ громко, потомъ забормоталъ себѣ подъ носъ, наконецъ остановился и сказалъ, что лучше прочесть другое что-нибудь.

— Да не лучше-ли, вмѣсто чтенія просто „бесѣдовать?“ сказалъ кто то.

— Въ самомъ дѣлѣ, лучше побесѣдуемте, съ радостью согласился Дмитрій.

— Надо читать вѣчное евангеліе, на сердцахъ и въ духѣ написанное, а не печатное! заявилъ кто-то.

Поднялся споръ. Скоро отъ чтенія въ „духѣ“ и въ „буквахъ“ перешли къ вопросу объ очищеніи духа отъ навѣянныхъ цивилизаціей слоевъ пыли, грязи и мусора.

— Вы объ очищеніи духа говорите, а сами потихоньку въ рощу курить бѣгаете, какъ мальчишки, вдругъ заговорила одна чрезвычайно полная барышня, которая при мнѣ еще ни разу не раскрывала рта. Слова ея вызвали цѣлую бурю. Оказалось, что,

дѣйствительно, бѣгали потихоньку курить. Обличенные въ преступленіи обозлились и стали укорять остальныхъ въ тиранніи и въ деспотизмѣ. Перешли на личности и, наконецъ, просто переругались. Въ избѣ было мрачно, чадно. Мухи тучами бились о потолокъ и жужжали. Скверная керосиновая лампа тускло горѣла. Вся накопившаяся злоба вышла наружу. Всякій упоминалъ свои обиды. Въ концѣ концовъ вышло то, что и должно было выйти изъ глупой и вздорной затѣи.

— Въ «Пет. Газ.» приведена бесѣда одного изъ сотрудниковъ съ княгиней М. А. Лобановой-Ростовской, организующей общество «Братьевъ милосердія».

«— Я проектирую общество „Братьевъ милосердія“, говорила княгиня, не на религіозномъ основаніи, а на исключительно свѣтскомъ. Оно должно находиться въ вѣдѣніи Краснаго Креста... Я уже подала прошеніе въ главное управленіе Краснаго Креста, а теперь жду отвѣта...

— Который, несомнѣнно, будетъ благопріятнымъ?

— Надѣюсь... [Для „братьевъ милосердія“ представляется широкое поле дѣятельности и въ военное время, и въ мирное. Мнѣ извѣстно, что въ Петербургѣ скоро будетъ организовано все необходимое для подачи первой помощи при несчастныхъ случаяхъ на улицахъ: устроены особые кіоски, фургоны и прочее... Конечно „братья милосердія“ могутъ быть чрезвычайно полезны въ этомъ дѣлѣ... Они должны, какъ за границей, немедленно появляться тамъ, гдѣ случилось несчастье.

— Это безусловно прекрасная задача...

— Въ время войны „братья милосердія“ должны находиться на перевязочномъ пунктѣ, устриваемомъ всегда въ опасномъ мѣстѣ, подъ выстрѣлами... Сестры милосердія: какъ извѣстно, туда не допускаются. Кстати, о сестрахъ милосердія; можно, пожалуй, подумать, что „братья милосердія“ будутъ конкурировать съ сестрами милосердія... Это невѣрно: работа ихъ, напротивъ, должна идти рука объ руку: они должны какъ бы дополнить одинъ другого...

— Вѣдь, вы ваетея, предполагаете открыть при Красномъ Крестѣ особые курсы для „братьевъ милосердія“?

— Да, непременно... Они должны обладать извѣстными познаніями по медицинѣ, фармакопее, гигиенѣ. Я думаю, что курсы придется организовать не менѣе, какъ двухгодичные, для того чтобы „братья милосердія“ обладали серьезной, основательной подготовкой для ихъ будущей дѣятельности.

— Не задавались ли вы, княгиня, вопросомъ о лѣтахъ „братъ-евъ милосердія“? Съ какого возраста можно разрѣшить брать на себя эту одинаково тяжелую и отвѣтственную обязанность?

— Я думаю такъ: не ранѣе восемнадцатя лѣтъ и не позднѣе тридцати пяти...

— Записываться можетъ каждый желающій?

— Каждый... Если дѣло это разовьется, мнѣ хотѣлось бы устроить для „братъевъ милосердія“ общежитіе, по извѣстному уставу или по извѣстнымъ правиламъ... Вѣдь въ числѣ ихъ могутъ оказаться люди, совершенно лишенные средствъ. Надо же о нихъ позаботиться.

— Общежитіе вродѣ—сестеръ милосердія?..

— Просто устроить домъ, гдѣ братья могли бы имѣть скромную, чистую комнату и простой здоровый столъ. Впрочемъ, пока это еще вопросъ довольно далекаго будущаго... Прежде всего надо подождать резолюціи главнаго управленія общества „Краснаго Креста.“

Нельзя не пожелать успѣха этому прекрасному дѣлу.

— Интересныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ какого-то, неизданнаго еще труда о духоборческой сектѣ, даетъ г. І. Ясинскій въ «Виржев. Вѣдомост. № 188». По приказанію императора Александра І, желавшаго оградить Россію отъ вліянія духоборовъ, они были поселены въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на Молочныхъ Водахъ. Мѣра оказалась неудачною, такъ какъ именно благодаря ей секта получила возможность крѣпкой организаціи: актъ милости гуманнаго Монарха главари секты истолковали въ томъ превратномъ смыслѣ, что отселѣ секта получаетъ право отъ словъ перейти къ дѣлу и можетъ осуществить въ жизни безсмысленныя мечтанія и противогосударственныя вожделѣнія; главари внушали, что само правительство признало, будто бы, за сектой право на свое особое существованіе, потому и отводитъ отдѣльную территорію, отказывается отъ вмѣшательства въ ихъ религіозно-нравственный и общинный бытъ; что правительство требуетъ отъ нихъ, членовъ религіозной общины, лишь внѣшняго подчиненія извѣстнымъ существующимъ законамъ и исправнаго взноса податей. Ученіе секты носятъ антигосударственный характеръ, отрицающій царскую власть: хотя по ученію, исповѣдуемому членами либеральнаго союза, всѣ братья равны и свободны, авторитетъ власти общегосударственный — власти Русскаго Царя, помазанника Божія—оставался въ гла-

захъ массы сектантской непоколебимымъ, и неизблемымъ, и это препятствовало окончательному обособленію духоборческой общины. Отдѣльные вожаки секты, выдающіеся и по уму, и по способностямъ, и жаждавшіе такого именно обособленія секты въ силу эгоистическихъ стремленій, отлично понимали такое положеніе вещей, но и сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что для борьбы со столь сильнымъ авторитетомъ, какъ власть Русскаго Государя, единственнымъ возможнымъ противовѣсомъ въ глазахъ массы слѣпыхъ послѣдователей можетъ явиться лишь власть воплотившагося Бога, и вотъ появляется новый догматъ въ ученіи секты—о воплощеніи въ лицѣ избранныхъ лицъ духоборцевъ Самого Сына Божія Іисуса Христа, и вслѣдъ за сѣмъ объявляется первый богочеловѣкъ—Савелій Капустинъ, дѣлающійся уже законнымъ владыкою и полновластнымъ деспотическимъ правителемъ всего духоборья. Реформа эта превратила окончательно и принципиально прежній соціально-религіозный союзъ религіозныхъ вольнодумцевъ въ отдѣльное государство. Первый властитель духоборья озаботился о преемственности власти въ своемъ родѣ, и такимъ образомъ получила лянія Калмыковыхъ.

— Преосвященнѣйшій Михаилъ, епископъ Таврической и Симферопольской, не принялъ отъ молоканъ хлѣба-соли. Этотъ поступокъ владыки навлекъ на него неудовольствіе нѣкоторыхъ газетъ. По поводу этихъ газетныхъ толковъ, «Крымъ» (№ 146) совершенно правильно пишетъ: Поставимъ же себя на мѣсто владыки и спросимъ: могъ ли онъ принять хлѣбъ-соль отъ молоканъ? Какъ архипастырѣ—ни коимъ образомъ. Молокане поднесли ему хлѣбъ, какъ христіане, какъ братья по вѣрѣ а не какъ граждане Русскаго царства (какой же начальникъ имъ владыка?). Но позвольте спросить: какіе же ему братья молokane? Что общаго между православіемъ и молokaneствомъ? Что говоритъ вѣчная истина о братскомъ общеніи? Она даетъ понять, что если кто, называясь по вѣрѣ братомъ, мыслить и поступаетъ въ отношеніи той же вѣры не по-братски, съ таковымъ даже и не ѣсть вмѣстѣ (то-есть не имѣть съ нимъ никакого общенія, даже я внѣшняго). По-братски ли поступаютъ молokane, отвергнувъ въ своей враждѣ все то, что свято, что дорого православному человѣку? Братскіе ли поступки—ихъ насмѣшки, ихъ издѣвательства надъ русскою святыней? Такихъ и Христосъ отвергнется на страшномъ судѣ. Да и не странно ли? Люди духовные, отвергнувъ все внѣшнее въ христіанствѣ, вдругъ подносятъ хлѣбъ-соль... Чѣмъ можно было имъ отвѣ-

тять на это? Если мы Русскіе, въ своей неосновательной беспечности и благодушїи, создали обычай на все смотрѣть сквозь пальцы и благоволить ко всякимъ проходимцамъ, принимая отъ нихъ хлѣбъ-соль, то это не указъ для человѣка долга и чести. Либеральныя газетныя разсужденія «Крымъ» справедливо называетъ жалкимъ дѣтскимъ лепетомъ. Но не надо забывать, что южно-русская печать почти цѣликомъ находится въ еврейскихъ рукахъ, и что трудно ожидать отъ евреевъ иного отношенія. Что касается до насъ, православныхъ, мы должны стараться подражать въ жизни нашимъ архипастырямъ. Для насъ поступокъ архіерея есть напоминаніе о томъ, какъ мы должны относиться къ еретикамъ. Это напоминаніе особенно полезно въ наше время, когда подъ видомъ такъ-называемой „терпимости“ скрывается очень часто преступный религіозный индифферентизмъ.

НЕКРОЛОГИ:

I.

2 Іюня сего 1897 года, папутствованный св. таинствами—исповѣдію и причащеніемъ, скончался отъ аневризма сердца помощникъ благочиннаго перваго Волчанскаго округа, священникъ Николаевской церкви слободы Котовой, о. Александръ Михайловичъ Рубинскій, на 51 году своей жизни. Усопшій, по окончаніи курса въ Харьковской Духовной Семинаріи, состоялъ два года за опоучителемъ въ Ново-Екатеринославскомъ двухклассномъ училищѣ, восемь мѣсяцевъ псаломщикомъ при Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда. Священствовалъ, первоначально, въ слободѣ Малой Волчьей, а потомъ въ слободѣ Котовой Волчанскаго уѣзда, 24 года, семь мѣсяцевъ и 12 дней. Въ должности помощника благочиннаго прослужилъ 15 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. О. Александръ Рубинскій былъ человѣкъ многосемейный, послѣ своей смерти оставилъ жену—вдову и девять душъ дѣтей еще непристроенныхъ. Это былъ примѣрный семьянинъ, который горячо любилъ свою семью и для блага ея не щадилъ ни средствъ, ни жизни своей. Будучи по своей благородной натурѣ отзывчивымъ на все доброе, онъ въ кругу своей семьи былъ истиннымъ другомъ, котораго всѣ окружающіе боялись огорчить не только дѣломъ, но и однимъ взглядомъ. Прихожане также глубоко его уважали и сердечно любили. Свою любовь они особенно рельефно выразили при его погребеніи, принося на по-

миновеніе всѣхъ жизненные продукты и участливо входя въ горестное положеніе своей вдовы матушки. Образцовымъ онъ былъ и въ отношеніи исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей. Это былъ дѣйствительно пастырь по призванію. Богослуженіе въ церкви онъ всегда совершалъ благоговѣнно и никогда не оставлялъ своей паствы безъ слова назиданія. Примѣрнымъ онъ былъ законоучителемъ въ начальномъ народномъ училищѣ и въ воскресной школѣ, почему неоднократно получалъ письменныя благодарности отъ своего училищнаго начальства. За свою примѣрно-усердную службу покойный былъ награжденъ пабедренникомъ, скуфьею и кампавкою, а въ настоящемъ году былъ представленъ къ ордену св. Анны 3-й степени. Отличаясь въ высшей степени симпатичными свойствами своей души, онъ какъ въ кругу родной семьи, такъ и въ кругу своихъ товарищей священно-служителей всегда былъ истиннымъ благороднымъ другомъ и вездѣ желаннымъ дорогимъ гостемъ.

4 Іюня вслѣдъ за Божественною литургіею было совершено священническое погребеніе мѣстнымъ благочиннымъ при участіи семи священниковъ и четырехъ діаконовъ, при громадномъ стеченіи прихожанъ. Стройно и величественно было совершено священническое погребеніе при пѣніи мѣстнымъ церковнымъ хоромъ, о которомъ съ такою отеческою любовію заботился усопшій о. Александръ. Трогательная и умилительная была картина при взглядѣ на окружавшую гробъ съ дорогими останками вдову и ея девяти душъ сыновей и дочерей, потерявшихъ въ умершемъ друга, отца и благодѣтеля. По истинѣ нельзя было не плакать и всѣ плакали. Даже священно-служители съ трудомъ отъ невольныхъ слезъ читали Божественное Евангеліе. Гробъ съ останками умершаго обнесли вокругъ церкви и поставили въ усыпальницѣ подъ церковію съ южной стороны. Миръ праху твоему: примѣрный отецъ, образцовый другъ и истинный служитель Божій!

II.

3 Іюля с. г., на 53 году своей жизни, скончался о. Николай Ивановичъ Карповъ, священникъ Троицкой церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда. Смерть сразила покойнаго совершенно неожиданно. Никто не думалъ, чтобы этотъ крѣпкій отъ природы человѣкъ могъ такъ быстро угаснуть, тѣмъ болѣе, что онъ всегда строго слѣдилъ за своимъ здоровьемъ. Но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“,—да будетъ воля Его.

Жизнь о. Николая во многомъ достойна подражанія. Вся она—назидательный подвигъ евангельской любви къ ближнимъ, милосердія, безкорыстія, кротости, смиренія, миролюбія, незлобія, трудолюбія. Покойный уро-

женецъ ся. Боромли Ахтырскаго уѣзда, сынъ бѣднаго сельскаго дьякона. Послѣдній, умирая, оставилъ жепѣ своей двухъ малеякихъ сыновей: пятнадцатилѣтняго Николая и еще меньшаго Ивана. Средствъ къ существованію у этой несчастной семьи не было рѣшительно никакихъ, такъ что мать покойнаго о. Николая своимъ личнымъ, тяжелымъ трудомъ добывала дневное пропитаніе себѣ и своимъ сиротамъ. Нелегко было переносить имъ свою горькую долю. И вотъ это-то тяжелое испытаніе сторицею принесло благія послѣдствія для о. Николая: оно вселило въ сердце его ту теплую сострадательность, ту любовь къ ближнимъ, которыми онъ такъ отличался при жизни. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи (1867 г.), покойный, вскорости, для поддержанія своей матери и брата, поступилъ на священническое мѣсто, женившись на такой же бѣдной сиротѣ, какъ и самъ. Съ этого времени пачинается для него жизнь, полная труда и неусыпной заботливости о своихъ родныхъ и ближнихъ. Зная по опыту горемычную участь сиротъ, онъ, кромѣ родной своей матери и брата, приютилъ у себя и свою тещу съ четырьмя еще непристроенными дѣтьми, и всѣхъ ихъ онъ должнымъ образомъ пристроилъ. Но этого мало: и въ настоящее время въ домѣ покойнаго есть одна воспитанница. Это дочь его раньше умершаго брата священника, дѣвица, недавно окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ. Обездоленная, безприютная сирота эта еще малюткой была взята къ себѣ покойнымъ, возвращена и на его средства воспитана имъ въ названномъ учебномъ заведеніи. Какъ особеннаго, неземнаго счастья, ожидалъ онъ того желаннаго времени, когда увидитъ свою любимую дочь — воспитанницу, выданною замужъ и вполне пристроенною. Но смерть лишила его этой радости.

Своихъ щедрыхъ благодѣяній покойный не ограничивалъ, однако, широкимъ кругомъ своихъ родственниковъ; отзывчивый къ чужому несчастью, онъ готовъ былъ протянуть руку помощи каждому, кто дѣйствительно нуждался въ этомъ. Такъ, однажды онъ увидѣлъ брошенную на произволъ судьбы круглую сиротку крестьянскую дѣвочку и тотчасъ же взялъ ее къ себѣ. Это былъ жалкій, забытый ребенокъ, съ огрубѣвшими чувствами, дикимъ воспитаніемъ. Надо было, такъ сказать, пересоздать эту испорченную натуру, вдохнуть въ нее свѣтлую и честную душу. Какъ святыню лелѣялъ онъ эту мечту и вполне достигъ ея осуществленія. Прекрасно воспитавъ сиротку, онъ далъ ей приличное образованіе и выдалъ замужъ. Впрочемъ, скоро она, мучимая чахоткой и преслѣдуемая буйствомъ своего мужа (который, къ несчастью, оказался пьяницей), снова и уже съ ребенкомъ возвратилась къ своему, Богомъ посланному отцу, прося у него за-

щиты и пріюта. Насколько онъ твердъ и покоенъ былъ въ перелесеніи своихъ личныхъ жизненныхъ невгодъ, настолько его доброе, чувствительное сердце не могло выносить чужихъ страданій. И вотъ онъ снова взялъ къ себѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ свою прежнюю воспитанницу, долго лечилъ ее и лично ухаживалъ за ней во все время ея продолжительной болѣзни. Вообще, каждый, гонимый судьбой или людьми, могъ найти въ немъ сердечное себѣ сочувствіе, утѣшеніе, наставленіе и помощь, онъ никому не отказывалъ въ этомъ. Со всѣми и всегда онъ былъ ласковъ, привѣтливъ, обходителенъ, съ подчиненными справедливо требователенъ, учтивъ. Вотъ почему такъ льнули къ нему всѣ, ищущіе душевнаго привѣта и отрады. Невольно также привлекалъ онъ къ себѣ и своимъ рѣдкимъ миролюбіемъ, незлобіемъ: онъ никогда и никого не осуждалъ, даже тѣхъ, кто причинялъ ему непріятности, оскорбленія. Напротивъ, въ каждомъ старался отыскать и выставить на видъ что нибудь хорошее, свѣтлое, „искру Божию“, какъ выражался онъ.

Къ службѣ своей о. Николай относился съ неменьшей любовью, чѣмъ къ ближнимъ. Долгъ службы онъ ставилъ выше собственныхъ интересовъ, поэтому покойный былъ однимъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и аккуратныхъ исполнителей своихъ служебныхъ обязанностей. Богослуженіе онъ всегда совершалъ торжественно, съ неподдѣльнымъ чувствомъ вѣры и умиленія; былъ усерднымъ проповѣдникомъ, строгимъ ревнителемъ церковныхъ установленій. Будучи образцовымъ хозяиномъ у себя дома, онъ былъ не менѣе заботливымъ и разумнымъ распорядителемъ въ церковномъ хозяйствѣ, благодаря чему привелъ храмъ въ благолѣпнѣйшій видъ; незадолго предъ смертью началъ постройку красной церковной ограды и здаціи для сторожки и церковно-приходской школы. Для полноты характеристики покойнаго считаемъ долгомъ упомянуть еще о его ревностномъ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія. Въ теченіе 11 лѣтъ онъ состоялъ законоучителемъ въ церковно-приходской и земской школахъ, не пропустивши за все это время ни одного урока. Съ какою, слѣдовательно, беззавѣтной любовью отдавался онъ этому святому дѣлу! Его по истинѣ примѣрное усердіе въ этомъ отношеніи не оставалось безъ справедливаго поощренія: такъ, за успѣшныя занятія по Закону Божию въ двухъ мѣстныхъ школахъ, онъ удостоился Архипастырской благодарности. Какъ чловѣку опытному въ дѣлѣ начальнаго обученія, ему поручена была должность наблюдателя церковно-приходскихъ школъ по 1 округу Старобѣльскаго уѣзда, блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ земскихъ начальныхъ училищахъ въ томъ же районѣ. Кромѣ того, онъ былъ членомъ благотворительнаго совѣта; мѣстное духовенство нѣсколько разъ избирало

его въ качествѣ уполномоченнаго на съѣзды. За свою „отлично-ревностную“ службу онъ былъ награжденъ набедренникомъ, скуфьею и камлавкой. Но самой высшей и завидной наградой была любовь къ нему ближнихъ, и взрослыхъ и дѣтей. Чувства любви и признательности съ непритворной искренностью проявились особенно въ день его погребенія. Отпѣваніе почившаго совершалъ мѣстный о. благочинный, въ сослуженіи о. благочиннаго 5 Старобѣльскаго округа, 7 священниковъ, 3 діаконъ, при многочисленномъ стеченіи народа. О. благочинный Алексѣевскій почтилъ память покойнаго глубоко пазидательнымъ поученіемъ, а священникъ Е. А—въ сказалъ у гроба прощальную рѣчь. Но вотъ, наконецъ, все окончено, и гробъ опущенъ въ могилу. „Вѣчная ему память!“ послышалось со всѣхъ сторонъ. Да! ты достоинъ вѣчной памяти, честный, трудолюбивый дѣятель и пастырь, незабвенный, дорогой со товарищъ и добрый, сердечный человекъ!

III.

1897 г., Мая 4 дня, скончался неожиданно для семьи, прихожанъ и духовенства округа отъ паралича сердца благочинный 1 округа Богодуховскаго уѣзда, протоіерей Николаевской церкви сл. Большой Писаревки, Александръ Виталиевичъ Ястремскій, на 64 году своей жизни.

Покойный былъ сынъ священника, родился въ сл. Радомль Ахтырскаго уѣзда. Въ 1857 г. окончилъ курсъ Харьковской Духовной Семинаріи со степенью студента; въ 1858 г. февраля 2 дня опредѣленъ на священническое мѣсто къ Успенской церкви сл. Большой Писаревки Богодуховскаго уѣзда, а въ 1880 г. Іюля 18 дня по своему прошенію перевѣщенъ въ Николаевскую церковь той-же слободы, гдѣ состоялъ по день своей смерти.

Во время своего пастырскаго служенія покойный о. протоіерей проходилъ должности: законоучителя Больше-Писаревскаго начальнаго народнаго училища съ 1866 г. сентября 16 дня по 1 іюня 1878 г.; сотрудника Харьковскаго Епархіальнаго попечительства съ 17 февраля 1874 г.; катихизатора округа съ 11 декабря 1870 г.; цензора проповѣдей съ 17 іюня 1877 г.; завѣдующаго и законоучителя Больше-Писаревской Николаевской церковно-приходской школы съ 24 октября 1895 г.; благочиннаго округа съ 1872 г. октября 6 дня, и исполнялъ всѣ должности по день своей смерти. За свою долговременную, усердную и полезную службу по епархіальному вѣдомству о. протоіерей получалъ слѣдующія награды: набедренникъ 1863 г. февраля 6 дня; фіолетовую скуфью 1874 г. февраля 17 дня, камлавку 1878 г. апрѣля 16 дня, сребро-позлащенный наперсный крестъ Св. Синодомъ выдаваемый 1884 г. марта 16 дня, орденъ Св. Анны 3 степени 1886 г. февраля 3 дня, санъ протоіеря 1893 г. мая 16 дня.

Въ семействѣ почившаго протоіерая остались непристроенными: два сына: Сергій 18 лѣтъ, обучающійся въ духовной семинаріи и Николай 16 лѣтъ — въ духовномъ училищѣ. Кромѣ того о. протоіерей принялъ въ свой домъ свою дочь вдову, бывшую въ замужествѣ за священникомъ Андреемъ Савухинымъ, съ пятыю малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ самому старшему въ настоящее время 11 лѣтъ, съ тѣмъ конечно, чтобы содержать ихъ и дать воспитаніе сиротамъ вѣкамъ. Но Богъ судилъ иначе; положеніе осиротѣвшаго семейства теперь весьма плачевное, такъ какъ покойный, имѣя довольно большую семью, всѣ получаемые доходы тратилъ на образованіе дѣтей, а потому у него не осталось равно никакихъ средствъ, кромѣ ветхаго домика и малоцѣнныхъ надворныхъ построекъ.

Между знавшими о. протоіерая и имѣвшими къ нему какое либо отношеніе едва ли найдется хотя одинъ, кто бы не сохранилъ о немъ самаго теплаго воспоминанія. Но искательный по характеру, чуждый самолюбія и властолюбія, о. Александръ скромно, но добросовѣстно исполнилъ всѣ свои служебныя обязанности въ теченіи своей 40 лѣтней службы.

Какъ благочинный, обязанности свои понималъ о. протоіерей не въ смыслѣ формальнаго отношенія къ дѣлу, а въ смыслѣ разумнаго наблюденія за доброю нравственностію духовенства, отсюда всякое нарушеніе добрыхъ правилъ жизни, въ комъ бы оно не было замѣчено, о. протоіерей прежде всего старался исправить не наказаніями, а своимъ личнымъ вліяніемъ и отеческимъ совѣтомъ. Только въ крайнихъ случаяхъ, и уже послѣ того, когда собственныя мѣры не имѣли значенія, о. протоіерей прибѣгалъ къ оффиціально-административнымъ мѣрамъ кары для исправленія проступка. Въ обращеніи съ подчиненнымъ ему духовенствомъ почившій былъ чуждъ высокомерія и заносчивости, напротивъ, съ каждымъ былъ любезенъ, простъ. Какъ священникъ, почившій былъ точнымъ исполнителемъ богослужебныхъ уставовъ и неукоснительнымъ исполнителемъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ желаній своихъ прихожанъ, почему въ приходѣ онъ оставилъ по себѣ память добраго, ласкаваго и безкорыстнаго батюшки. Отношенія его къ прихожанамъ были самыя близкія, въ полномъ смыслѣ отеческія: онъ крѣпко любилъ простыхъ мужичковъ, зналъ ихъ добрую и худую сторону и съ особеннымъ участіемъ входилъ въ ихъ положеніе при всѣхъ печальныхъ случаяхъ ихъ жизни.

Какъ человекъ, покойный отличался особенною добротою души и сердца, гѣрпѣливымъ характеромъ, привѣтливостію и искреннимъ радушіемъ. Не взирая на скудость своихъ средствъ, почившій былъ рѣдкій хлѣбосоль: никого не отпуститъ онъ отъ себя не предложивъ хлѣба — соли. Духовен-

ство и прихожане глубоко цѣнили эти нравственные качества и исполнительность по службѣ почившаго о. протоіеря.

6 мая духовенство округа явилось въ сл. Большую Писаревку отдать послѣдній долгъ почившему своему начальнику; погребеніе совершено помощникомъ благочиннаго въ сослуженіи десяти священниковъ при четырехъ діаконахъ. По окончаніи отпѣванія, о. Станиславскимъ было сказано надгробное слово, въ которомъ проповѣдникъ охарактеризовалъ почившаго нынѣ добраго пастыря, начальника и человѣка. До 3-хъ тысячъ душъ, съ духовенствомъ во главѣ, провожало тѣло почившаго на приходское кладбище, при чемъ на пути къ кладбищу, для совершенія литіи, тѣло заносилъ въ Успенскую церковь, гдѣ покойный прослужилъ двадцать лѣтъ; здѣсь-же сказана была надгробная рѣчь о. А. Доброславскимъ, затѣмъ по внесеніи тѣла въ кладбищенскую церковь надгробное слово было сказано о. Ѡ. Домницкимъ.

Къ чести окружающаго духовенства нужно добавить, что, любя своего почившаго начальника, оно единодушно послѣ погребенія постановило: 1) въ теченіи 40 дней со дня смерти служить по очереди въ приходскихъ церквахъ заупокойныя обѣды и 2) открыть между собою подписку для оказанія хотя незначительной помощи семейству умершаго о. протоіеря.

Да упокоитъ Господь добрѣ потрудившагося пастыря въ свѣденіяхъ праведныхъ!

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВНОВЬ ПОДПИСАВШИЕСЯ ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЬ СЪ № 1.

Издается съ 1885 года

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакціею А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 иллюстрированныхъ №№ каждый въ 16 стр. бол. форм., 12 ежемѣсячныхъ книгъ, каждая объем. 100—120 стр. и бесплатное приложеніе: копія съ иконы новоявленнаго чудотворца

СВЯТИТЕЛЯ ГЕОДОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки пять р., съ дост. и перес. шесть р. Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 14 коп. маркам. Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ
Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 2,200 ЛѢТЪ.

Только что вышло въ свѣтъ новое изобрѣтеніе Дч. М. Глубоковскаго: „Указатель дней недѣли“, замѣняющій собою календарь за время отъ Рожд. Христ. до 2,200 года, по обѣимъ стилямъ.

Вотъ отзывъ органа СІВ. Духовной Академіи Церковнаго Вѣстника (1897 г., № 22, отъ 29 мая, стр. 704—705): Въ послѣднее время много и усиленно занимаются попросомъ о календарѣ; но свѣдѣнія по этому предмету, видимо не тверды настолько, что и свѣдущіе люди ошибаются... Поэтому, всегда и всячески полезное, вышеназванное изданіе является особенно желаннымъ, тѣмъ болѣе, что оно отличается чрезвычайными достоинствами.

Авторъ имѣетъ въ виду облегчить хронологическія справки, сдѣлать ихъ быстрыми, легкими и безошибочными и достигаетъ всего этого съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Прежде всего, весь матеріалъ умѣщенъ на одномъ цвѣтномъ, прекрасно отпечатанномъ листѣ, наклеенномъ на плотный картонъ. На немъ ряды цифръ (для сотенъ и десятковъ годовъ, для часовъ мѣсяцевъ и самые мѣсяцы) въ клеткахъ концовъ четверокопечнаго креста и въ срединѣ его вращающійся кружокъ (съ обозначеніемъ дней недѣли): стоитъ повернуть его дважды (по самому простому способу, растолкованному авторомъ), — и у васъ прямо получается опредѣленный отвѣтъ. Тутъ не требуется ни вычисленій, ни даже предварительныхъ знаній (кромѣ умѣнья разбирать печатныя цифры и буквы) и все совершается съ механическою моментальностью. Однако, справки всегда бывають безошибочно точны, ибо „Указатель“ построенъ по безспорной математически-хронологической системѣ. Что касается объема его дѣйствій, то онъ простирается и на старый и на новый стиль, и на простые, и на високосные годы, различіе коихъ отмѣчается съ тою же наглядностію. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ и приложеніяхъ можно производить прямыя дѣйствія (узнавая по числу мѣсяца въ году день недѣли) и обратныя (находя по дню мѣсяца въ году или по дню въ году нужныя числа), и совершать многія иныя хронологическія операціи и комбинаціи. Справки отличаются еще тѣмъ, что Указатель устроенъ чрезвычайно удобно, такъ что даже для вращенія кружка приспособлена шелковая лента, а весь онъ можетъ быть поставленъ на столѣ или повѣшенъ на стѣнѣ и будетъ хорошимъ украшеніемъ для всякаго, — и дѣловаго, и изящнаго, кабинета... Польза и всеобщая пригодность этого Указателя совершенно очевидны, и мы напоминаемъ только, что онъ избавляетъ духовенство отъ массы непроизводительнаго труда и даетъ ему въ руки вѣрное ручательство безошибочности всякихъ вычисленій съ выигрышемъ во времени... Равнымъ образомъ, онъ безусловно пригоденъ для школъ и т. д. Мы сами провѣряли абсолютную точность всѣхъ показаній разсматриваемаго календаря и можемъ рекомендовать его категорически. (Церк. Вѣстн. № 22).

Московскія Вѣдомости (№ 138, отъ 21 мая) въ заключеніе лестнаго отзыва объ Указателѣ дней недѣли, дающаго возможность простымъ поворотомъ круга безъ всякихъ вычисленій, узнавать въ точности, на какой день недѣли приходится какое либо число года, пишутъ: Чрезвычайная простота и практичность Указателя служатъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха этого полезнаго въ домашнемъ обиходѣ изданія.

„Указатель дней недѣли“ стоитъ съ пересылкой въ пакѣтъ одинъ рубль.

Адресовать требованія: Москва. Журналу „Дѣло“ (Самотецкая Садовая, домъ № 245).

Тамъ же можно получить и Стѣнной Указатель Погоды (высылается за три 7 коп. почт. марки).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАНИЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ

„С.-Петербургъ“.

С.-Петербургъ. Невскій, 60.

Содержаніе: Политика и внутренняя жизнь; обсужденіе современ. вопросов; новости науки и литературы; женскій вопросъ; о чумѣ; съ окраинъ; о земледѣліи; стихи, романы, повѣсти, рассказы, рисунки цвѣтными красками. Основы направленія журнала: человеколюбіе и независимость. Съ доставк. и перес.: за годъ *2 рубля*, за полгода *1 рубль*. Изданіе существуетъ съ 1894 года.

Отзывы печати: „Новое Время пишетъ“: Мы отъ души желаемъ успѣха журналу, который умѣетъ быть интереснымъ и издается весьма изящно, не смотря на дешевизну его подписной цѣны; номера журнала „С.-Петербургъ“ обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и матеріаломъ; онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполне литературнаго изданія. — „Кронштадтскій Вѣстникъ“ говоритъ: „С.-Петербургъ“ научный литературно-политическій еженедѣльн. журналъ... даетъ много интереснаго матеріала. Изданіе составляется съ большимъ умѣньемъ и добросовѣстностью. „Одесскія Новости“ сообщаютъ: еженедѣльн. иллюстриров. журналъ „С.-Петербургъ“ обращаетъ на себя вниманіе не только своею крайнею дешевизною, но и самымъ разнообразнымъ, интереснымъ и живымъ содержаніемъ. Симпатичный журналъ составляется весьма толково, добросовѣстно и литературно. Помѣщаемыя въ текстѣ его иллюстраціи художественны и изящны и т. д., и т. д.

Редакторы-Издатели { Н. В. Сарычева.
Л. Н. Молчановъ.

ОТКРЫТА ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА (НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ)

1897 годъ

НА САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

Рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго, доступенъ всякому возрасту, полу, званію и состоянію. Журналъ существуетъ давно, извѣстенъ всякому, а потому распространяется о немъ нечего. ПОЛУГODOВАЯ цѣна журнала безъ всякихъ премій и приложений, но зато съ оберткой, упаковкой, перепоской, перевозкой и пересылкой всего только 3 руб. (Пробный № высылается за три семикопѣчныя марки).

Адресъ: Москва, журналу „Развлеченіе“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ ТРИ РАЗА въ мѣсяцъ (1, 11 и 21).

Въ теченіе Мая мѣсяца вышли и разсланы гг. подписчикамъ № 13, 14 и 15.

Содержаніе ихъ слѣдующее: № 13 1) „Фреска гекзаметръ,“ стих. М. А. Славинскаго. 2) Митрій Ивановичъ Салынский, очерки А. И. Степного. 3) Цивилизація и великія историческія рѣки (Географическая теорія развитія современныхъ государствъ) проф. Л. И. Мечникова. 4) Жена Лота, романъ А. Кларка (съ англійскаго). 5) На дачѣ, рассказъ Л. Урванцева 6) Два стихотворенія П. Порфинова. 7) Критическіе наброски (изъ замѣтокъ объ эстетикѣ и поэзіи) С. Поварнина. 8) Роскошь и гигиена ст. женщины врача М. И. Покровской. 9) Русская жизнь М. Гр.

№ 14 и 15. 1) University Extension въ провинціи ст. М. Гродецкаго. 2) Стихотвореніе С. Иннокентьева. 3) Митрій Ивановичъ Салынский, очерки А. И. Степного. 4) Цивилизація и великія историческія рѣки проф. Л. И. Мечникова. 5) Этюдъ, рассказъ П. Колтоновскаго. 6) Стихотвореніе Л. Н. Афанасьева. 7) Въ безвѣстную даль, рассказъ Абея Германа (съ французскаго). 8) Въ морѣ лжи (по поводу инцидента съ проф. Исаевымъ) И. Гофштеттера. 9) Афоризмы А. Г. Рубяштейна. 10) Стихотвореніе Гр. Арищенко. 11) Критическіе наброски. О смыслѣ жизни С. Поварнина. 12) Библіографія Л. Я. Гуревичъ. Плоскогорье, романъ Sl.—Мадьярскіе поэты, изданы подъ редакцію Н. Новича Н. Н.—А. Л. Волинскій.—Русскіе критики С. П.—Д-ръ Данило.— О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Л. У.—Тихановскій.—Друзья кавалерства, военные рассказы. И. Г. 13) Журнальныя замѣтки. I Нѣчто въ видѣ предисловія Sl. 14) Современное искусство. О выставкѣ К. Маковского Павла П—а. 15) Очерки и наброски изъ жизни провинціи. Отрадное явленіе.—Мѣстная печать и три губернаторскія точки зрѣнія.—15-ти лѣтній юбилей „Восточнаго Обозрѣнія“.—Г-нъ Букашка изъ „Рязскаго Вѣстника“ и цвѣты фельетоннаго краснорѣчія.—Одесское самоуправленіе, какъ образецъ добродѣтели.—Темное царство.—Добрый починъ казацествъ.—Изъ воспоминаній о В. О. Португаловѣ.—Памяти Е. П. Серебренниковой. Ignotus'a. 16) Народное образованіе. Вѣстники горя и радостей.—Всѣгда съ бѣдными и богатыми.—Есть люди!—Параллели. Вятская и Воронежская губ.—Сибирскіе варвары.—3000 рублей.—Доходъ съ учащихся.—Послѣдствія.—За здравіе.—Частное лицо.—Частный кружокъ.—Осужденіе учительницъ на безбрачіе и разрѣшеніе учителямъ имѣть насморкъ. Л. Н—а. 17) Русская жизнь. Высшее сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ.—Нѣсколько фактовъ къ свѣдѣнію протекціонистовъ.—Податное обложеніе и переселенскій вопросъ.—Различныя голоса изъ дворянской среды о дворянскихъ дѣлахъ.—Юбилей профессора П. И. Карѣева.—Еще о мелкомъ кредитѣ.—Прямое и косвенное обложеніе.—Цвѣтѣнная монополія и статья проф. Эрисмана.—Марья Васильевна Трубинкова †. М. Гр. 18) За рубежомъ.—Политика мира Игз. 19) Изъ жизни и литературы.

Подписная цѣна за годъ СЕМЬ рублей съ доставкой и пересылкою. При обращеніи непосредственно въ контору „ЖИЗНИ“ (С.-Петербургъ Новенскій пер., д № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 5 р. и къ 1 июля остальныя. Отъ Редакціи: въ виду перемѣны редакціи и перехода въ собственную типографію, выходъ №№ 16 и 17 (1—11 іюня) журнала „ЖИЗНЬ“ нѣсколько замедлился. Эти №№ выйдутъ и будутъ разсланы гг. подписчикамъ не позже 30 Іюня 1897 г.

Ред. Изд. Д. Остафьевъ.

МАГАЗИНЫ
 МАНУФАКТУРНЫХЪ И СУКОННЫХЪ ТОВАРОВЪ
М. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Телефонъ въ оба магазина №. 442.

1-й Ключковская улица близь Бурсы, 2-й Уголь Екатеринославской улицы, и Набережной, 3-й въ г. Бѣлгородѣ, уголь Соборной и Шоссейной улицъ.

Всѣ получаемыя новости продаются по цѣнѣ прилагаемаго Прейсъ-Куранта и дороже.

Краткій Прейсъ-Курантъ.

Драпъ модный отъ	1 р. 40 к.	Бумазея разн. рис. отъ	— р. 9 к.
„ плюшь „	1 „ 25 „	„ модная „	„ 11 ¹ / ₂ „
Касторъ „	1 „ 60 „	Ситцы разн. рис. „	„ 5 „
Плюшь шерстяной отъ	2 „ 40 „	Женарды и жеконеты	„ 10 „
„ шелковый „	1 „ 25 „	Сатины отъ	„ 18 „
Сукно черное и цвѣт. отъ	— „ 78 „	Батисты „	„ 10 „
Трико двойной шир. „	— „ 23 „	Муслины „	„ 8 ¹ / ₂ „
„ зимнее „	— „ 65 „	Трико бумажное отъ	„ 6 „
Шевіотъ модный „	— „ 28 „	Тюль гардинный „	„ 10 „
Отрѣзы брюкъ „	1 „ 23 „	Мебельныя матер. „	„ 20 „
Шелковыя матеріи „	— „ 25 „	Ковры „	„ 27 „
Шерстины „	— „ 10 „	Дорожки „	„ 12 ¹ / ₂ „
Кашемиръ цвѣтной „	— „ 12 „	Скатерти „	„ 30 „
Чесуча настоящ. кит. „	— „ 29 „	Одѣяла теплыя „	1 „ 85 „
Полотна льняныя „	— „ 10 „	Платки суконныя „	— „ 35 „
„ бумажныя „	— „ 8 ¹ / ₂ „	„ бумажныя „	— „ 2 ¹ / ₂ „

ДЕШЕВО И ХОРОШО.

Имѣются въ большомъ выборѣ Суконныя, Шелковыя, Шерстяныя, Бумажныя и Пеньковыя товары модныхъ новѣйшихъ тканей и рисунковъ, а также для всѣхъ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и лицъ духовнаго званія

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

За доброкачественность товара и дешевизну цѣнъ ручаюсь.

М. В. Емельяновъ.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.				
	Отъ Епарх. Училишнаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Царославянскъ.	Раскольниковъ.	Иноверцевъ.
Со времени открытія завѣдующій законоучитель, священникъ Миха- илъ Лонгиновъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, учитель- ницей въ настоящемъ учебномъ году до 1 февраля состояла Сла- вянская мѣщанка Марѳа Чевелнна, окончавшая курсъ въ женской про- гимназіи; съ 1 февраля учителемъ состоитъ діаконъ Николай Юшковъ, окончившій духовное училище, сви- дѣтельство имѣеть.	—	—	51 р. 80 к.	—	—	60	—	91 р. 80 к. въ остат- кѣ нѣтъ.	Изъ суммы 91 р. 80 к., израсхо- довано на содер- жаніе учитель- ницъ 80 р., а ос- тальныя 11 р. 80 к., израсходова- ны на покупку книжекъ и нисъмен- ныхъ принадле- жностей.	3468	—	—
Завѣдуетъ школою и законоучи- тель, священникъ Іоаннъ Смирн- скій съ 1891 года, октябрь 4 дня; окончившій курсъ духовной семи- наріи; учитель, діаконъ Михаилъ Онисимовъ, съ 1895 года, окон- чавъ курсъ духовнаго училища (не утверждень).	—	—	5 р. 88 к.	—	—	—	—	—	—	3085	—	—
Со времени открытія школы завѣдующимъ, законоучителемъ со- стоитъ священникъ Борисъ Дика- ревъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; н. д. учителя состоитъ діаконъ Антоній Мураховскій, уполенный изъ средняго отдѣленія Бахмутскаго духовнаго училища.	—	—	8 р. 50 к.	—	—	—	—	14 р. 38 к.	—	3797	2	—
Завѣдывающимъ состоитъ свя- щенникъ Николай Леницкій; обу- чаетъ всѣмъ предметамъ псалом- щикъ Александръ Леницкій, съ 1895 года; окончилъ духовное училище, свидѣтельство имѣеть.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4925	—	—
Завѣдующимъ и законоучителемъ школы, священникъ Анастасій Ми- хайловскій съ 1886 года; учитель псаломщикъ Михаилъ Фаворовъ съ 1891 года, окончилъ курсъ духов- наго училища, свидѣтельство не имѣеть.	—	—	—	—	—	12	—	12 руб. остатка нѣтъ.	—	1339	—	—
Священникъ Алексѣй Поповъ, съ открытія школы и съ 1895—96 учебнаго года и учителемъ, въ духовной семинаріи, съ 1895 года, учителя нѣтъ.	—	—	—	—	—	20	—	20 руб. остатка нѣтъ.	—	1870	—	—
Завѣдующимъ и законоучителемъ состоитъ священникъ Николай Ястремскій, съ 1 мая 1894 года, учитель Андрей Павленко, оконч. народное училище, состоитъ съ 1 сентября 1895 года, свидѣтельство	—	—	96	—	—	10	—	106 руб. остатка нѣтъ.	200 руб. изъ церковныхъ суммъ.	8313	—	—

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.		Число окончившихъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковно-попечительствѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?					
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.									
					Съ свид. на льготу.	Безъ свид. на льготу.								
235	Петровское, при Преображенской церкви, откр. 1894 года, февраля 8 дня.	Помѣщается въ сторожкѣ, при молитвенномъ домѣ, удобно.	13	5	18	—	—	1	149	Попечителемъ состоитъ земскій начальникъ И. В. Курносовъ съ 14 октяб. 1894 г.				
236	Въ с. Поповкѣ, открыта въ 1889 году, ноября 19 дня, при Георгіевской цер.	Въ церковной сторожкѣ, для школьныхъ занятій вполне удобно.	31	7	38	—	4	1	5	160	54	Времен. Изюмск. купецъ С. Д. Яковлевъ съ 1896 г.		
237	Въ с. Привольѣ, съ 1890 г., школа грамоты, а въ 1894 г., 12 марта преобразов. въ церковно-приход., Архангело-Михайловская церковь.	Въ общественномъ домѣ для школы устроенномъ, довольно удобно.	35	—	35	—	4	—	15	4	218	14	—	
238	Протопоповская, при Екатериниповской церкви, открыта 1892 года июня 12 дня.	Помѣщается въ церковной сторожкѣ, неудобной.	20	—	20	—	2	—	—	—	76	20	—	
239	Рай-Александровская, открыта въ 1886 году, при Александро-Невской церкв.	Въ зданіи специально устроенномъ для школы, удобно.	25	6	31	—	—	—	—	—	37	14	—	
240	Въ с. Райскомъ, съ 1890 г. школа грамоты, 7 ноября 1895 года преобразов. въ церковно-приходск. при св. Варваровской церкви.	Въ зданіи частного лица, не удобное.	68	2	70	—	8	1	1	10	2	225	60	—
241	Въ с. Рай-городкѣ, открыта съ 1894/5 учеб. года 12 марта при Архангело-Михайловской церкви.	Въ церковномъ домѣ, удобно.	41	3	44	—	—	—	16	2	130	—	—	

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоаго пола.				
	Отъ Епарх. Училищнаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1896/97 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующимъ и законоучителемъ состоятъ священникъ Павелъ Титовъ, съ 27 февраля 1894 года; учителемъ состоятъ діаконъ Евгеній Жуконъ, съ 27 февраля 1894 года, окончившій курсъ въ фельдшерск. училищѣ, свидѣтельства не имѣеть.										3338		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Феодоръ Оружинскій, съ открытія школы; учитель псаломщикъ Георгій Петровъ 1-й, окончившій курсъ духовной сем. а второй съ 1 класса духовной семинаріи.										2420		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Павелъ Дьяковъ, съ 8 августа 1894 года и учитель діаконъ Аристархъ Бѣликонъ, съ 8 августа 1894 года, въ 4 класса духовной семинаріи, свидѣтельства не имѣеть.			37	37		6		80 руб. остатка нѣтъ.		3818		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Михаилъ Воскобойниковъ, съ 24 ноября 1895 года; учитель діаконъ Дмитрій Ковалевскій, съ сентября 1894 года, окончившій курсъ духовнаго училища, свидѣтельства не имѣеть.										3520		
Священникъ Николай Доброславскій, съ 1889 года, ноября 12 дня; окончившій курсъ духовной семинаріи; учитель діаконъ Іоаннъ Сукачевъ, окончившій курсъ духовнаго училища, свидѣтельство имѣеть, съ 1895 года; учительница Анастасія Рыбалкина съ 1895 г. октября 19, окончила курсъ гимназій.				88			80	410 руб. остатка нѣтъ.	90 р. уплачено учительницѣ Рыбалкиной.	2986		
Завѣдующій священникъ Іоаннъ Дмитріенъ съ ноября мѣсяца 1895 года, законоучитель священникъ Павелъ Даниловъ, съ ноября мѣсяца 1895 года, окончилъ духов. семинар., учитель діаконъ Іоаннъ Вербницкій, съ 1888 года, оконч. курсъ въ Бѣлгород. учител. семинар.			90				22	127 руб. 50 коп. остатка нѣтъ.		5599		89
Завѣдующ. законоучит., свщ. Василій Полтавцевъ, съ 1894 г., оконч. кур. въ духов. сем.; учпт. діак. Іоаннъ Грезизирскій, со 2 клас. Бѣлгор. учпт. семинар. учпт.										2551		

251	Селимовская, открыта 1 октября 1894 года.	Полблагается въ 16 церковной домъ, въ квартирѣ на-домшпка, тѣсное.	16	218	—	—	3	180	14	—	Фингер-гутъ, съ 1892 г.
252	Спѣвановская, при Нью-ляевской церкви; открыта 1 марта 1891 года.	Въ общественномъ здании, для занятій удобно.	43	245	—	3	9	106	15	Орс. пор. А. П. Добронъ, съ 1894 г.	
253	Чистоводовская, при Никольской церкви; открыта 3 февраля 1893 года.	Въ общественномъ здании, неудобно, тѣсно и темно.	80	181	—	2	—	172	—	—	
254	Въ слоб. Шандриголовой, при Иоанно-Богословской церкви, съ 1894/5 учебнаго года, со второй половины.	Полблагается въ 14 обществен. здании, пользование для шко-ды весьма неудоб.	14	418	—	—	4	127	—	Крестьян. М. К. Прицпенъ, съ 1894/5 уч. года.	
255	Цареворисовская, при Николаевской церкви, открыта 20 декабря 1894 года.	Въ церковномъ домъ, не удобно, тѣсное и низкое.	17	17	—	—	—	140	—	—	
256	С. Ямоль, церк.-приход. школа, открыта въ 1894 году декабря 24 дни.	—	—	1414	—	—	—	9414	—	—	

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе шкоам.						Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.		
	Отъ Епарх. Училищнаго Собрѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попочетели школы.	Отъ селскаго общества.			Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Православныхъ.
Священникъ Александръ Ще- пинскій, съ открытія школы; окупилъ курсъ въ духовной семинаріи, учительница Марія Морозова, окончила въ прогимназіи и свидѣтельство учительницы имѣеть.						300	150 руб. остатка нѣтъ.	150 р уплачено учительницѣ за обученіе.	1884		19
Священникъ Анатолій Бѣлоусовъ, съ 1893 года; учитель псаломщикъ Константинъ Поповъ, изъ 3 класса духовнаго училища, съ 1894 года.		14					14 руб. остатка нѣтъ.	—	2886		6
Священникъ Петръ Юшковъ, съ 1 октября 1894 года, завѣдуетъ школою, а обучаетъ п. д. псаломщика Теодоръ Николаевскій, окончившій курсъ въ двухклассномъ министерскомъ училищѣ.		50				150	Въ 1895/6 учеб. году израсходов. 15 р. 97 к., а осталос. къ слѣд. году 52 р. 84 к.	—	1190		
Завѣдывающимъ и законоучителемъ состоитъ священникъ Вароламей Іосифовъ, съ 1890 года, не окончившій курса въ духовной семинаріи; учитель псаломщикъ Евгеній Огульковъ, съ 1896 года, изъ духовнаго училища.		4			19		14 руб. остатка нѣтъ.	—	1795		
Завѣдывающимъ и законоучителемъ состоитъ священникъ Митрофанъ Леонтьевъ, съ 3 февраля 1893 года; учителемъ псаломщикъ Василій Григоровичъ, съ 3 февр. 1893 года; окончилъ народное училище; свидѣтельства не имѣеть.					20		20 руб. остатка нѣтъ.	100 руб. отъ мѣстнаго общества.	2079		
Завѣдующій священникъ Павелъ Дзюбановъ, съ 1895/6 учебного года, законоучитель, священникъ Петръ Ковалевъ, съ 1896 года; оба окончившіе курсъ духовной семинаріи; учитель діак. Николай Мухомъ, съ 1895/6 учебного года, съ 3 класса духовной семинаріи.		29 р. 88 к.					29 р. 88 к. остатка нѣтъ.	—	3814		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Сергій Любарскій, а учитель діаконъ Θεодосій Кириченко, отъ 20 декабря 1894 года, изъ 4 класса духовной семинаріи, свидѣтельства не имѣеть.		16				4	20 руб. остатка нѣтъ.	—	1691		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Евгеній Титовъ, со времени открытія; учитель псаломщикъ Александръ Титовъ, съ						15 р. 40 к.	13 р. 90 к. остатка нѣтъ.	—	3587		

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число оконченыхъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьнаго библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или помощителемъ школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.						
					Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.								
257	Въ хут. Яремовкѣ, Царь-борисовской волости, Ступенецкаго прихода, въ 1886 году. Въ уѣздѣ шволъ 65. Купянскаго уѣзда.	Помѣщается въ обществен. зданіи, сельскомъ правл., не удобно: въ виду отдаленности приходской церк., общественныхъ сходовъ, которые бываютъ въ школѣ, по праздничнымъ и воскресн. днямъ.	25	1	26	—	—	5	—	4	791	12	—	
258	Купянская, въ городѣ Купянскѣ при соборной Покровской церкви, 31 января 1894 года.	Въ нижнемъ этажѣ собора; помѣщеніе не вполне удобное.	14	8	22	—	—	—	—	—	344	2	Тит. сов. С. П. Тпзенгаузентъ, съ 13 марта 1895 г.	
259	Араповская, въ слобод. Араповкѣ, 1 декабря 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, помѣщеніе тѣсное и неудоб.	7	—	7	—	—	—	—	—	40	2	—	
260	Боголюбовская, въ слоб. Боголюбовкѣ, 20 октября 1882 года.	Въ церковн. домѣ, помѣщеніе неудобное.	16	6	22	—	—	—	—	—	134	32	—	
261	Бѣлоцерковская, въ слоб. Бѣлоцерковкѣ, 4 ноября 1884 года.	Въ церковной сторожкѣ, помѣщеніе неудобное.	33	8	41	—	—	—	—	6	7	212	14	—
262	Верхно-Дуванская, въ сл. Верхней-Дуванкѣ, 1 нояб. 1885 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	23	—	23	—	—	—	—	—	50	100	—	

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. П. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православель-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрлцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.